

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка»

*И.М. Бобла,
И.Ю. Макавчик*

**ИСТОРИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ
ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
В БЕЛАРУСИ**

Пособие

Минск 2010

УДК 376(075.8)
ББК 74.3я73
Б72

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ,
рекомендовано секцией педагогических наук (протокол № 2 от 14.01.10)

Р е ц е н з е н т ы:

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики высшей школы
и современных воспитательных технологий

В.А. Капранова;

кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора ИПК и ПК по
научной работе

В.А. Шинкаренко;

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дефектологии ГУО
«Академия последипломного образования»

В.В. Гладкая

Бобла, И.М.

История становления и развития специального образования детей с
особенностями психофизического развития в Беларуси: пособие /
И.М. Бобла, И.Ю. Макавчик. – Минск : БГПУ, 2010. – 180 с.
ISBN 978-985-501-898-9.

В пособии на основе литературных и архивных источников
характеризуются истоки дефектологических воззрений, отношение к
«аномальным» детям и взрослым, имеющим отклонения в развитии.
Освещается процесс становления и развития системы специального
образования на разных этапах исторического развития Беларуси.

Адресуется студентам факультета специального образования БГПУ, а
также может представлять интерес для педагогических кадров специальных
образовательных учреждений и всех интересующихся вопросами истории
специального образования в Беларуси.

ISBN 978-985-501-898-9

УДК 376(075.8)

ББК 74.3я73

Бобла И.М., Макавчик И.Ю., 2010

©БГПУ, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Чтобы глубже понять современные проблемы и перспективы специального образования в Республике Беларусь, необходимо проследить логику формирования педагогических идей и концепций, эволюцию системы специального образования, т. е. важно обратиться к истории становления и развития теории и практики воспитания и обучения лиц с особенностями психофизического развития.

В данном пособии представлены уникальные исторические материалы (лингвистические, фольклорно-этнографические, юридические, психолого-педагогические, научно-методические), которые позволяют читателю сопоставить и оценить опыт специального воспитания и обучения лиц с отклонениями в развитии и сформировать собственную позицию в отношении дальнейшего развития системы специального образования в нашей стране.

Оригинальный язык исторических документов, предлагаемых в пособии, позволяет проследить эволюцию отношения белорусского общества и государства к лицам с отклонениями в развитии в изменяющихся исторических условиях. Понятия, определяющие различные категории лиц с особенностями психофизического развития, используются в соответствии с контекстом исторического развития Беларуси, этапами становления и развития общего и специального образования.

В пособии последовательно раскрываются: истоки дефектологических воззрений на территории Беларуси, трансформация отношений к лицам с отклонениями в развитии, предпосылки становления системы специального образования и особенности ее развития вплоть до 80-х гг. XX в. Следующий этап в развитии системы специального образования в Республике Беларусь требует специального изучения и, соответственно, не будет отражен в данном пособии.

1. ИСТОКИ И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

1.1 ИСТОКИ ДЕФЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Рассматривая воспитание детей как общую и вечную категорию общественной жизни, правомерно предполагать, что уже на ранних этапах формирования человеческого общества имело место и воспитание ("уход", "взрачивание", "вскармливание") всех основных категорий «аномальных» детей. Это допущение мотивируется рядом факторов:

- врожденные аномалии развития, за исключением различных уродств, не всегда обнаруживаются в момент рождения ребенка;
- нарушение функций одного из органов чувств не исключает компенсаторной деятельности сохранных анализаторов;
- даже людям, жившим по законам первобытного общества, была свойственна общественная забота о своих сородичах.

Поэтому не исключено, что целенаправленное индивидуальное воспитание глухих, немых, слепых, умственно отсталых детей, выражавшееся в передаче им элементарного жизненного опыта, в приучении к простейшим видам труда и выполнению основных правил поведения, началось именно в период развития первой формы родовой общины – матриархата. Тогда женщина-мать ("Берегиня" - у древних славян) занимала ведущее место в хозяйственной и общественной жизни рода, от ее мнения во многом зависела и судьба «аномального» ребенка.

Эти выводы о времени зарождения воспитания «аномальных» детей можно отнести и к Беларуси, где, по данным археологов, первые следы жизни человека появились около 100 тысяч лет назад. Территория современной Беларуси, вошедшая в IX-X вв. в состав Киевской Руси, составила западную её часть и известна в историографии как **"западные земли Руси"** [62].

Нахождение западнорусских земель в составе одной из крупнейших раннефеодальных монархий средневековой Европы способствовало ускоренному развитию у населения этих земель материальной и духовной культуры, неотделимой от самобытной культуры всей Древней Руси.

Учитывая общность социально-экономических и политических отношений, единство языка и культуры, обрядов и обычаев древнерусской народности, возможно распространение и на территорию Беларуси взглядов и основных норм, определявших отношение к «аномальным» детям в различных районах Киевской Руси. И хотя литературные источники не изобилуют подобными сведениями, предположения о возможной практике семейного воспитания ("взрачивания") «аномальных» детей в первобытном обществе находят косвенное подтверждение в материалах, отражающих в какой-то мере положение лиц с недостатками физического и умственного развития в феодальном Древнерусском (Киевском) государстве, куда входили и земли западнорусских княжеств.

Частые эпидемии, междоусобные войны, пожары, имевшие место на территории Киевской Руси, усиление феодального гнета и растущее обнищание основной массы населения – все эти обстоятельства губительно сказывались на

состоянии здоровья древнерусского населения и вызывали численный рост лиц с нарушениями психофизического развития (это подтверждается рядом археологических, лингвистических и литературных фактов, юридических документов).

При раскопках замчища в Минске обнаружено кладбище XII века. Из 21 погребения, сохранившегося внутри храма, 5 были детскими. Изучение одного костяка в камеральных условиях показало, что он принадлежал молодой девушке либо подростку 14-17-летнего возраста и что смерть ее последовала, очевидно, в результате воспалительного процесса в ушной полости или костного туберкулеза.

Еще более красноречивый факт обнаружил археолог В.И. Равдоникас в Приладожье [224]. В погребениях XI-XII вв. им найден скелет ребенка, на черепе которого советские палеопатологи обнаружили врожденную расщелину в области альвеолярного отростка верхней челюсти и верхнего неба. Эта находка приоткрывает хотя бы частично завесу времени над вопросом об отношении к «аномальным» детям в отдаленную от нас эпоху. Врожденные щелинные дефекты неба и сегодня приводят к смертности среди новорожденных. Данный же ребенок, судя по состоянию зубов, дожил до периода смены резцов, хотя скелет и был обнаружен среди погребений наименее обеспеченных групп населения. По заключению Д.Г.Рохлина и А.Е.Рубашевой, "продолжительное существование физически неполноценного младенца возможно лишь при исключительной заботливости со стороны родных и в первую очередь матери. Желание и возможность сохранить жизнь даже «ребенку-уроду» в тяжелых условиях борьбы за существование в известной мере иллюстрирует некоторые бытовые условия коренного населения Приладожья в данную эпоху"¹. Можно предполагать, что подобные условия в то время имели более широкое распространение и были во многом сходны с бытовыми условиями всего населения Древней Руси.

Ценным источником знаний о представлениях наших далеких предков об аномалиях развития человека и об отношении к людям с дефектами зрения, слуха, речи и интеллекта являются *лингвистические материалы*, показывающие, что для обозначения основных категорий аномалий развития детей и взрослых древнерусское общество пользовалось уже относительно дифференцированными терминами, отличными от греко-латинских и арабских.

Даже выборочный анализ лексики из "Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам" И.И.Срезневского доказывает, что в оригинальных и переводных памятниках письменности Древней Руси были широко употребительными слова, определявшие состояние зрения, причины и процессы потери его у людей: "немошьнѢ очи", "бѣлмо на оцѣ"; "призьрѣтиса (ослепнуть); "ослѣпсти" (лишиться зрения); "ослѣпити", "омѣжити" (лишить зрения); "невидѣник", "невисть" (слепота); "слѣпец", "слѣпоокыи", "безочивый" (бесглазый); "прозирати" (прозреть) и др.[258].

"Очная болезнь", по мнению Н.А.Богоявленского, составляла в то время самую жгучую и неразрешимую проблему народного здравоохранения у русских

¹ Известия АН СССР, VII серия. - Л., 1934, № 2-3, с.417.

людей [33].

Несколько беднее по своему составу древнерусская лексика, отражающая представления населения того времени о различных нарушениях слуха: "глусии", "глоухъ", "гльхнути", "оглушивый" (оглохший), "глюсьи быша" от грома. Ограниченность древнерусской лексики, относящейся к органу слуха, была замечена в свое время русским филологом А.С.Будиловичем. Исследуя лингвистическую палеонтологию славян, он установил праславянское происхождение терминов "слепота" и "глухота" и обратил внимание на одиночность термина "ухо" по сравнению с обилием названий для частей органа зрения: "око", "зеница", "бровь", "ресница", "веко" и "вежда". "Мы убеждаемся, - заключал А.С.Будилович, - что глаза гораздо более приковывали к себе внимание древних славян и славянок, чем уши. Это происходило не от красоты и выразительности глаза... в сравнении с ухом, но также и от большей скрытности частей последнего" [36]. С другой стороны, по В.Конону, на этапе преимущественно художественного мышления у наших далеких предков глаза заслуживали большего внимания и как орудия восприятия света, представляющегося им "всеобщим благом", ибо глаза, воспринимающие свет, максимально способствовали ориентации человека в мире и создавали условия для сохранения его жизни [88].

Более разнообразны в древнерусском языке словесные определения различных **речевых** расстройств: "нъм", "нъмота", "нъмованик" (неясность речи, лепет); "нъморъчивый"; "заикливый" (заикливый); "флекавыи" (заика, косноязычный); "гугнивыи", "гъгутивый", "бобливыи", "травливыи" (косноязычный); "травловати" (шепелявить), "мудьяноязычныи", "медленноязычныи", "онъмети" и др. Этим терминам в Древней Руси противопоставлялись слова: "доброглаголивыи" (хорошо говорящий), "остроязычество" (бойкость речи), "беседивый" (красноречивый). Как считает В.Конон, обычно дар поэтического вдохновения, красноречия и мудрости народ объяснял общением с силами природы.

"Само слово в древнюю эпоху воспринималось не просто как знак, символ, обозначающий то или иное понятие: оно объективизировалось, сближалось с обозначаемым объектом; отсюда вера в магическое действие слова (заговоры, заклинания, молитвы и т.п.) [88]. Характерно, что в словаре древнерусской народности отсутствует термин "глухонемота". "Немота" еще не рассматривалась как следствие "глухоты", и, очевидно, прав В.И.Селиверстов, утверждающий, что под "немотой" древние славяне понимали расстройства речи, относящиеся, по современной классификации к алалиям и афазиям.¹ Правда, в богословских проповедях и в ряде переводных источников XI в. уже встречается соединение терминов "глухъ" и "немъ": "Аще глоухъ еси и нъмъ, слово да ти възгласить". Здесь опять-таки уместно сослаться на мнение А.С.Будиловича, который считал, что "анатомические сведения древних славян были гораздо обширнее физиологических" [36]. По картотеке «Словаря современного русского литературного языка» слово "глухонемой" впервые встречается в русском языке в Архиве братьев Тургеневых в 1811г.

¹ Шестая научная сессия по дефектологии.- М., 1971, с.441.

Выразительны и многоплановы древнерусские определения недочетов **интеллектуальных способностей** человека. Терминам "мудрый" и "остроумный" отчетливо противопоставлялись слова: "глупый", "дурость", "несъмысль", "безразумик", "безумь", "нищетоумик", "худоумство", "слабоумь", "буи" (глупый, несмышленный), "лудость" (глупость) и др. Выдающиеся просветители Древней Руси (Климент Смолятич, Кирилл Туровский и др.) рассматривали разум как высшую ценность человеческой жизни, призывали к просвещению и "книжному почитанию", ибо человек, "не утруждающий свой мутный ум и имеющий худой разум, не могущий по порядку изложить течение мыслей, подвергается насмешкам, подобно слепому стрелцу, не могущему попасть в намеченную цель" [267].

Характерно, что образованные представители древнерусского общества имели уже реалистические представления о психической деятельности и органах чувств человека: "Доуша съдѣтъ въ главѣ, оумь имущи яко же свѣтлое ууко"; "душа по всемоу тѣлу дѣйствуетъ пятыю слоугъ своихъ, рекше пятю чювствѣи: учима, слухомъ, уубонянѣмъ, еже есть ноздрима, вкоушенѣмъ и уусязанѣмъ, еже еста роуць" [236].

В основной же массе народа бытовало мнение, что различные отклонения от нормального развития людей являются проявлением действия сверхъестественных сил, наказанием божьим. Видимо, не случайно "неразумие" определялось термином "боголишие".

Под влиянием теологических взглядов идеологов того времени преодоление тех или иных дефектов в развитии человека, хотя и зависело от совершенства приемов народной медицины, всегда связывалось с суевериями, заклинаниями, обрядовыми ритуалами и знахарством. Своеобразным подтверждением этого являются термины "просвѣщатиса" и "прозирати" в значении "исцеляться от слепоты". Такое толкование причин и сущности аномалий человека всячески поддерживалось и распространялось среди населения христианским духовенством.

Несомненно, что с **введением христианства на Руси** усилилось влияние религии на отношение к людям с различными отклонениями в развитии. Именно древнерусские князья, учитывая обычаи своего народа, принимали меры признания на себя, за что получали похвалу от летописцев, древнерусских писателей, а позже и от историков религии, государства и права.

Издавна бытовавшее у славян доброжелательное отношение к людям "убогим", "странным", "увечным", стремление организовать для них возможную по тому времени помощь нашли отражение и в древнерусских официальных **юридических документах**. Так, в "Уставе князя Владимира Святославовича", определявшем правовое положение и объем юрисдикции русской церкви в феодальную эпоху, в перечне лиц, находившихся под патронатом церкви, упоминались в частности "хромецъ" и "слепецъ". Н.В.Калачов, проанализировав церковные уставы, заключил, что в древней Руси к церкви причислялись все лица, одержимые природными недостатками, умственными и физическими, все, кто питался от церкви и жил в богадельнях и больницах [118].

В целом же принятие христианства имело прогрессивное значение для Руси. Известно, что князь Владимир после крещения Руси настойчиво

содействовал расширению книжного образования, организуя для этого специальные училища. Это, несомненно, должно было сказаться и на положении «аномальных» детей. Недаром в "Повести временных лет" говорится: "Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събытсья пророчество на Русьтѣй земли, глаголющее: "Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясьнъ будетъ языкъ гутнивыхъ" [114]. В связи с этим можно думать, что передовые люди Киевской Руси понимали значение книжного обучения для глухих детей и детей с недостатками речи. Именно Киевской Руси принадлежит приоритет в организации общественного призрения «аномальных» детей при Киево-Печерском монастыре. По данным А.И.Дьячкова, в учреждении, основанном в Киеве сестрой Владимира Мономаха Анной Всеволодовной, убогих детей, куда включались и «аномальные», не только призывали, но и обучали ремеслам и даже начаткам грамоты [91]. Большие пожертвования в пользу киевских монастырей были переданы минским князем Глебом Всеславовичем и его женой [154].

К древнерусскому периоду жизни восточных славян относится и возникновение шпитального типа призрения лиц, неспособных самостоятельно содержать себя. В работах разных исследователей дореволюционного и советского времени "шпитали" фигурируют под разными названиями: госпитали, больницы, лечебницы, богадельни, лечебницы-богадельни, приюты и др. Функции шпиталей были разнообразны. В отдельных местах эти учреждения назывались даже "школами", так как в них местные дьячки обучали крестьянских детей церковно-славянской грамоте. В других местах подобные учреждения именовались "шпиталями" в связи с преобладанием в них лечебных функций, а в третьих - "богадельнями", основным назначением которых было призрение престарелых людей и инвалидов разного рода.

Г.Кулжинский расценивал организацию "шпиталей" как результат "христианской любви к ближнему". Но, с другой стороны, он мотивировал появление шпиталей "врожденной добродетелью русских", так как "милосердие к нищим и убогим во все времена было присуще сердцу русского человека", и "даже во язычестве русский народ был не чужд сострадательности не только к человеку, но и к животному". Доказательство этого он справедливо находил в русских простонародных сказках древнейшего цикла, в которых людское горе, бедность и сиротство встречали полное сочувствие, а "чувство любви и сострадания одинаково сказывалось не столько в отношении человека, но и в отношении раненой птицы, голодного зверя, выброшенной на берег рыбы и даже в отношении больного дерева"¹. Древнерусскую основу развития шпитального дела признают большинство советских исследователей этого вопроса. Многие из них склонны считать, что в шпиталях призывались не только престарелые, но и разного рода

¹ Минские губернские ведомости, 1870, № 47, 21 ноября, с. 651; № 48, 28 ноября, с. 668.

“калеки, слабоумные, и идиоты” [304].

Таким образом, истоки многих представлений белорусского народа о разновидностях аномального развития человека покоятся в праславянской (дифференциация аномалий развития: слепота, глухота, слабоумие; забота о воспитании «аномальных» детей) и древнерусской истории (различение врожденных и приобретенных дефектов, попытки лечения, общественного воспитания, а возможно, и обучения «аномальных» детей).

Можно предполагать, что и на белорусских землях, входивших в состав Древнерусского государства, в то время имела место общественная забота об «аномальных» детях, но документов, подтверждающих это предположение, не обнаружено.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте отношение к людям с отклонениями в развитии со стороны населения, церкви и князей в Киевской Руси.
2. Какие формы общественной помощи «аномальным» детям и взрослым сложились в период существования Древнерусского государства?
3. Используя вышеприведенные лингвистические материалы, составьте таблицу, в которой будет отражена дифференциация терминов, используемых для обозначения основных категорий аномалий развития детей и взрослых в древнерусском обществе.
4. Постройте схему «Истоки дефектологических воззрений в Киевской Руси».

1.2 ОТНОШЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА К ЛЮДЯМ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ (XIV в.– нач. XX в.)

Более богаты и разнообразны данные о положении «аномальных» детей и взрослых на белорусских землях в период нахождения их в составе Великого княжества Литовского (XIV-XVI вв.), Речи Посполитой (XIV-XVI вв.) и после воссоединения с Россией (конец XVIII - начало XX вв.). Белорусские и украинские земли, находившиеся на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития, чем собственно литовские, оказали значительное влияние на развитие феодальных отношений в Великом княжестве Литовском. Белорусский язык, называвшийся тогда "русским", стал государственным языком княжества. Он был основным в деловодстве и судопроизводстве, на нем писались статуты, грамоты, летописи, хроники, переводные и оригинальные литературно-художественные произведения.

В старобелорусском языке, как и в древнерусском, широко отражен характер представлений белорусов об аномалиях развития человека и отношение к нему в то время.

Исследование М.Г.Булахова "Гісторыя прыметнікаў беларускай мовы" (1973г.) показало, что абсолютное большинство праславянских адъективных лексем, в том числе характеризующих умственно-психические,

физические черты и состояние человека, сохранилось в словаре письменных памятников старобелорусского языка XIV-XVII вв. без существенных изменений. И действительно, в книгах белорусского первопечатника Францишка (Георгия) Скорины, произведениях писателя-полемиста Стефана Зизания (Тустановского), в хрониках, сборниках слов и житий святых, в актах, статутах и других изданиях на старобелорусском языке неоднократно в прямом и переносном смысле используются слова, отражающие состояние знаний об аномальном развитии человека и отношении к нему в то время.

В рассуждениях о пользе зрения отмечается "очи здоровы и целы", характеризуются затруднения, которые свойственны "человѣку слѣпому". Все чаще встречаются сочетания слов "нема и глуха", "глухого и нѣма" (юношу), "немыи и глухИи". Наряду со словосочетаниями "немы оуста" религиозно-полемические тексты изобилуют выражениями с переносным смыслом: "нѣмые быдлята", "нѣмымь болваном", "овець немыхъ", "бестии нѣмыи", "речамь нѣмымь" и т.п.

Особенно часты в письменных памятниках старобелорусского языка слова "глупъ", "глупый", "глупа", употребляемые в прямом и переносном смысле. Реже используется древнерусское "буйный муж" в значении "неразумный". Вместо него часто употребительными становятся словосочетания "простый человек", "пустый, легкий человек", "слабого умыслу человек", человек, у которого "розум слабый" и др. В XVI-XVII вв. все чаще дифференцируются люди глупые и мудрые, люди "слабого умыслу" и люди "здоровые на розуме": "Клишько на теле хори, але на умысле здоровы, при памети доброй будучи", "Алена Костевна... будучи трезвая и на умысле здоровая".

Народно-диалектные факты белорусского языка XVIII-XIX вв., отражающие представления белорусов об аномалиях развития людей и разнообразие отношений к таким людям, широко представлены И.И.Носовичем в "Словаре белорусского наречия" (СПб., 1870).

Процесс и причины потери зрения зафиксированы белорусским народом в словах: "слѣпицьца" (шиючи в потемках), "послѣпиць"- притупить зрение ("Воченьки мое послѣпились отъ слезь...за гетою работою"), "невиснѣць" - сделаться темным ("Вочи мое невиснѣюць,.. заневиснѣли"), "ослѣпение" - ослепление.

Состояние зрения, дееспособность и положение лиц с нарушением зрения отражено в словах: "недобачиваць"- иметь слабое зрение, "слѣповатый", "безвокИй", "слѣповокий"- одноглазый или слабый глазами, "биндавокИй"- имеющий выступающие на глазах бельма, "беззрячИй" ("Подарице мене беззрячаго"), "невидущИй" ("Подарице милосцинки мнѣ невидущему"), "несвѣтлый", "слѣпачка", "на обое воки слѣпъ" ("Чего-бъ то плакавъ слѣпъ, колибъ видзѣвъ слѣдъ"), "слѣпенькИй" (ребенок, нищий), "слѣпачокъ" ("Падсунь ближе миску слѣпачку гетому"), "слѣпецкИй" (кий), "слепоцкая (работа), "слеповаць"- слепствовать ("Якая работа слепуючи!"). Встречаются и ругательные названия слепых: "слѣпень", "слѣпендзѣй", "слѣпуха".

Единичными выглядят слова, определяющие возвращение нарушенного зрения: "прозираць", "прозрѣть" ("Троху прозеривь, а то сусимь бывь слѣпъ"; "На силу прозираець, прозрѣвь").

Из слов, отражающих представления белорусского народа о **недостатках слуха**, в словаре И.И.Носовича содержатся: "глухнуць" - терять слух, "оглушицьца" (от шума), "завалило вуши", "вуши скуллемъ заложило", "недочуць", "недочуце", "отукаць" - оглушить, "оглухлый" ("Ен глушакъ, не чуець"), "глушець", "глухарь", "глушмень" и др.

Немногочисленны и слова, фиксирующие **немоту** у людей: "нѣмый", "нѣмка" ("Хоць нѣмка, да разумна"), "нѣмтурь", "безвымовный", "безмовный". Характерно, что в народно-диалектном языке белорусов не усматривается четкой связи между нарушением слуха и нарушением речи. Видимо, и в XVIII-XIX вв. под немотой понимались алалико-афазические нарушения речи ("Дзѣвка нѣмка говориць не умеець, а усе разумеець").

Более разнообразны определения других **недочетов речи и голоса** у людей: "гугнавиць"- заикаться; "гугнаць"- произносить что-то в нос или сквозь зубы: "мормотаць", "бубниць"- говорить невнятно, "бубчаць"- говорить под нос, "болботаць"- говорить без связи, "заболботаць", "заболмотаць", "балабаниць"- говорить громко, "бакаць"- говорить медленно; и др. Наряду с глаголами, использовались и существительные, обозначающие состояние речи и голоса: "гугнавине", "гугнавство", "болмотанне", "бормотанне" ("Надоля гета бормота"), "бубнение", "осипка", "безголосица", "безладзица"- нелепица в речах; соответственно этим недостаткам носителей их называли: "гугна", "гугнавка", "болботунь", "безголосый", "картавый" ("Вымовка его не хороша, не ясна, картава"). Людям, которые "вымовности не маюць" противопоставлялись оборотливые в словах - с выразительной речью ("О, ень вымовный человекъ"; "Вымову хорошую маець"; "Говори выразно, а не под нось").

Очень разнообразен словарь, отражающий представления белорусского народа о **недостатках умственного развития** людей. Процессы потери ума, причины этого, оценки правильности поступков и действий человека запечатлены глаголами "обезглуздиць"- отнять способность ума, повредить мозг ("Досиць тобѣ безглуздиць его, бѣючи по головѣ". "Разбойники не убили его, а только обезглуздили"), "оглузжать", "глуздицьца", "огломожжать", "глумицьца", "отуманиваць", "безпамяциць", "одуроваць" ("Не разумнѣешь, а дурнѣешь"), "дурноваць"- глупо поступать, "зглупиць", "бракуець" (ума).

Оценки состояния умственных способностей, степени годности человека к полезным делам выражались в народно-диалектном белорусском языке целым рядом прилагательных и наречий: "глупый", "дурный", "глумный", "благий", "одуренный", "здурнѣлый", "одуревший", "глупо", "безумно", "здуру", "безголовный", "безтолково", "безмозглый", "безмозгло" ("Безглуздая голова твоя!"), "галузоватый" ("Хлопец на поглядь хорошь, да галузоватый"; "Лицо у его галузоватое"), "недопеченый" ("Ен у нас троху недопеченый, глумоватъ"),

"незрозумѣлы" ("Штожъ зь имь, коли ень незрозумѣлы"), "нерозмысльно" ("Нерозмысльная твоя голова: нерозмысльныя твое рѣчи"), "нерозважно", "оглашенный", "ѣлупливый"- глуповатый, "бездѣлыны"- негодный к делу, "неудалый", "никчемный" (хлопец), "безпригодный", "безкорысны"- бесполезный, "безгодный", "нездатный", "нездольный".

Широко бытовали и существительные "глупство", "глумь", "дурь", "оглумление", "затлумление", "безглуздица" и др.

Очень разнообразен перечень названий лиц, имеющих отклонения в умственном развитии: "дуракъ", ("Дурень даець, а разумный берець"), "дурнила", "дуролей", "дуролеина", "дурдола", "дурила" ("Велика, а дурилда"), "дурилка", "дурница", "дурнице", "дуруша", "глупякъ" ("Глупячка никому не треба", "Глумачка глумацки и дзѣлаець", "Растолкуй гетому глумаку, нехай не глумиць", "Нечего посылаць за дзѣломь глумдзя, коли у его глумды - ум, мозг, память - плохи"), "гломозда", "гломоздзень"; "пустольга", "несмысль", "безголовица", "болванюга" ("Стоиць якъ болвань, ничога не допытаешся"), "барыла", "блазнюкъ", ("Кепь, дурень, блазень: три штуки разомь", "Елупчикъ годуецца", "Ослину кольки не учи, усе будзець ослина") и др. Здесь отражены представления, восходящие к убеждениям врачей Киевской Руси в том, что всякое стремление к восстановлению ума, потерянного в болезни или не приобретенного от рождения, также бесцельно, как попытка склеить вдребезги разбитый сосуд.

В противоположность словам, выражающим недочеты умственного развития человека, в народно-диалектном белорусском языке часто используются слова, отражающие **высокие умственные и речевые способности** людей: "розумь", "розумнѣць", "азука"- проворный и умный ("Азука хлопец!"), "прозука"- разумник, острый слух имеющий ("Прозука дзѣвка, зь ею не зговорицца"), "зухъ"- сметливый человек, "бачливый"- наблюдательный, "бѣгкосць"- остроумность ("бѣгкий малець"), "беззаганый"- безукоризненный.

Анализ словаря белорусского языка свидетельствует о том, что у белорусов сформировались относительно дифференцированные представления о наличии у людей не только тотальных, но и частичных нарушений отдельных анализаторов: "недобачиваць", "невзоркий", "слѣповатый", "недочуць", "недочуцце", "галузоватый" глуповатый и др. Намечается осознание и комплексных нарушений психофизических функций у людей: "И слѣпъ и кепь" (глуп), "уломный"- имеющий телесные недостатки.

Наряду с этим "Словарь белорусского наречия" позволяет заключить, что многие недостатки психофизического развития людей объяснялись не столько болезнями, сколько тяжелыми социальными условиями жизни людей (труд в потемках, жизнь в слезах, трудовые и бытовые травмы, жестокие наказания).

Материалы "Словаря" И.И.Носовича отражают бедственное состояние лиц с отклонениями в психофизическом развитии (нищенство слепых, беспомощность в приобретении средств существования, непродуктивность труда, затрудненность общения и др.): "Што зь его, коли ень невзоркий, не добачиць?"; "С невидучаго нема помощи ниякей"; "На черта тобѣ слѣпуха гета";

"Глушака не скоро дозовешся"; "С нѣмымь нечего говориць"; "Гугнаваго не разберешь, што ень гугнаець".

Эти выводы согласуются и с данными белорусского фольклора как одного из важнейших исторических источников знаний о жизни людей в прошлом. Знакомство с произведениями устного народного творчества Беларуси убеждает в том, что белорусский народ издавна четко разграничивал различные отклонения в психофизическом развитии человека и достаточно определенно выражал свое отношение к «аномальным» лицам.

В произведениях белорусского фольклора довольно широко используются термины "дурной", "картавый", "слепой", "глухой и немой" и др. Наиболее часто употребляются в сказках, песнях, пословицах и поговорках термины "дурак", "дурной", "простака", "придурковатый". Белорусский народ отчетливо представлял себе наличие у людей различных степеней умственных способностей и в своих произведениях постоянно противопоставлял ум и глупость, особенно в многочисленных сказках об Иванушке-дурачке.

Иванушка-дурачок в белорусских, как и в других славянских сказках, является наиболее художественно совершенным типом сказочного героя. В большинстве сказок подчеркивается, что дурак был мнимым, что перед нами умный, добрый, ловкий и удачливый человек, о котором М. Горький говорил, что он "всегда победитель всех жизненных невзгод"¹. Таким он предстает в сказках "Дурны сын", "Иванка-прастачок", "Іван і Настасся", "Ванечка-дурачок", "Воук", "Іванька-дурачок і чорт", "Поповский батрак", "О дурне и умных братьях", "Мужик, пан и ксендз" и др., записанных в разных местах Беларуси фольклористами [17].

По заключению В.П.Владимирцева², образ Иванушки-дурачка мог сложиться только там, где обездоленные и отверженные жили надеждами на лучшее, мечтали о преодолении социального неравенства, рисовали в своем воображении героя не своей среды. Народная мысль этих сказок проста и понятна: богатые братья-умники, барин, поп, царь на все лады хулят Иванушку, создают о нем молву "набитого дурака", поэтому сказки развиваются таким образом, что мнимые умники оказываются глупыми и никчемными людьми; зато Иванушка, любимец сказочников и слушателей, доказывает высоту своего ума.

Но не во всех сказках образ дурака является олицетворением сил, борющихся против социальной несправедливости. Во многих произведениях устного народного творчества показываются люди, которым действительно свойственны черты умственной отсталости. Так одна из сказок, записанных П.В.Шейном в Борисовском уезде, знакомит нас с семьей явно умственно отсталых: "Раз дурань кажа жонцы: "Спячы пірагі белыя, як снег". Яна думала, што са снегу спеч. Яна ўзяла, намясила, масла наліла і ў печ пасадзіла, а дурань пайшоў зваць братоў разумных у госці на пірагі. Яны прыйшлі. А жонка

¹ Горький М. Собр. соч., т. 27.- М., 1957, с. 305-306.

² Владимирцев В.П. Сказки и легенды на почтовых конвертах.- М., 1970, с.58.

глядзь,- аж там нічога няма, як толькі вада, а сама сказала дурню, што мышы паелі. Дурань за гэта жонку ўтапіў"¹.

В сказках "Настоящий дурень", "Людей слушай, да своим умом живи" в пересказе А.Якимовича из сборника "Белорусские народные сказки" ярко подмечены конкретность и тугоподвижность мышления, неадекватность понимания словесных инструкций, неустойчивость внимания и памяти, легкая внушаемость «слабоумных» людей.

Резкое противопоставление ума и глупости, высокая оценка ума отражены в белорусских пословицах и поговорках: "Пошли дурного, вслед за ним другого"; "Пытай, да свой розум май"; "За дурнем и бог"; "До Юрья повинно быць сено і ў дурня", "Па адзенні пан, а па розуму баран", "Не пиши пером, а пиши умом"; "Не живи добром, а живи умом" и др.

В белорусских народных песнях "вумная, разумная Матрунка" противопоставляется "глупай нявестцы", "беднячок-худачок" - "багатаму дураку", "тая, што ў розуме" - "той, што ў золаце" и т.д [18].

Дефекты умственного развития часто сочетаются с недочетами речи. Это подмечено в сказке "Картавые дочки", записанной П.В.Шейном в Несвижском уезде: "Былі ў мацеры тры дачкі, вельмі ня ўдалыя, да яшчэ і картавыя, так што ніхто не хацеў браць іх замуж. Прыехалі к ім сваты. Маці сказала ім нічога не гаварыць. Іспекла яечню і выйшла з дому. А кот пачаў яе есці. Большая закрычала: "О маці! Кот меркечню есць". Другая: "А, подла, а маці табе казалася мерцаць". А трэцяя гаворыць "А я добра сто ўмерцала". Пачуўшы гэта, пайшлі апошнія сваты".

В "Очерках Витебской Белоруссии" Н.Я.Никифоровский описал лиц без речи как отдельного вида "старцев": "Почти все эти калеки лежат или сидят, они не поют и не просят подаяния, так как многие из них лишены способности выражать человеческие звуки и молчаливо, но выразительно просят подаяния" [191].

Трудно сегодня определить эту категорию людей: возможно, это глухонемые, алалики, афазики, а может быть, и глубоко умственно отсталые.

Здесь же Н.Я.Никифоровский запечатлел и образы слепых ладей: "Лицо Сымона никогда не озарялось при веселых случаях. Надо полагать, что горе целой жизни, одиночество, безродье и бесприютность навсегда согнали с его лица, как и с души, всякое проявление радости и веселья... Сымон слепой - всегда "любый старец", приход его всегда кстати, спевы его всегда дороги, по душе слушателям. А таких людей очень много, они ходят по дорогам, живут подаяниями, таким образом сохраняя свое жалкое существование".

Интересно, что поверья белорусов приписывали пению и музыке целебные свойства. Рациональный момент этого воззрения отразился в оценке Ф.Скориной песнопений (псалмов), входящих в Псалтырь, которые

¹ Шейн В.П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т.11, СПб., 1893, с. 61.

"всякий немощи, духовныи и телесныи, уздравляють"¹.

Неудивительно поэтому, что бродячие слепцы-лирники, которые не переводились в Белоруссии вплоть до 20-х годов XX века, часто объединялись. Добывая себе средства существования, они под аккомпанемент лиры пели молитвы, духовные стихи, исторические песни, а в годы народных волнений являлись выразителями народного гнева. Старцев обычно водили поводыри.²

Следует отметить выделение народом и социальных причин физических и психических дефектов. Например, в песне "Ой, чаму ж то пан Хаміцкі ў той час не жаніўся" подчеркивается, что Бондаровна становится слепой и глухой (в других вариантах - "і нема і глуха") в результате насильственного физического воздействия. Яркую социальную окраску имеет пословица: "І добры чалавек з гора дурнем зробіцца: ён і нясмелы, ён і няўмелы"³.

Интересно, что признавая познавательную и производственную ограниченность «аномального» человека, белорусы допускали возможность успешной трудовой и бытовой кооперации лиц с различными психофизическими отклонениями с целью компенсации утраченных функций. Это видно из сказки "Слепой, глухой и безногий" в пересказе А.Якимовича: "Жили в одной деревне слепой, глухой и безногий. Началась в тех краях война. Сгорела деревня дотла. Стали слепой, глухой да безногий советоваться, как им дальше жить. Порешили не оставлять друг друга в беде и делать все сообща, как один человек. Слепой и глухой везут тележку, а безногий сидит и правит. И едут они, как надо: где яма, там глухой указывает, где голодные волки воют, там слепой предостерегает, ведь слух-то у слепого самый чуткий, а где надо у встречного дорогу спросить, там безногий помогает. Слепой не видит, да слышит хорошо, и никто к ним близко не подкрадется. Глухой не слышит, зато видит, как орел. Заметят они где-нибудь опасность, схватят безногого и спрячутся" [19].

Фольклорно-этнографические материалы позволяют заключить, что отрицательно-насмешливые оценки людей с нарушением зрения, слуха, речи, интеллекта ("Сляпога за павадыра не пашлеш", "Глухі, што пень", "Залапатау, як цецярук", "Ні слова сказаць: заікаецца; ні снапка звязаць: раскідаецца", "Ажаніўся безразумны, ды узяў дурнавату, не ведалі, што рабіць – падпалілі хату", "Дурны, дурны, а сала хоча", "Дурнога вучыць, як мертвага лячыць") сочетались у белорусского народа с преимущественно сочувственным и заботливым отношением к ним

¹ Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі. – Мінск, 1969, с. 10.

² Глушчанка Г.С. і інш., Гісторыя беларускай савецкай музыкі. – Мінск, 1971, с. 35-36.

³ Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалагізмы /склаў Ф. Янкоўскі. выд. 2-е. – Мінск, 1962.

("Часам і сляпы на дарогу навядзе", "З таго сляпы плача, што сцежкі не бача". "Саступі дурню - ратунак заслужыш", "Не плюй на кривога, сам станеш гарбаты" и др.).

Между тем в "Статуте Великого княжества Литовского 1529г." - одном из первых в Европе сборников действующего права - упоминаний о правоспособности слепых, глухих, немых и слабоумных не имеется. Возможно потому, что раньше лица с психофизическими недостатками как находящиеся под патронатом церкви судились только в церковных судах. Но в Статуте 1565г. уже содержится специальная статья "О человеку слепомь", от которого при составлении завещания требовалось иметь не менее восьми свидетелей.

Что касается глухих и немых, то на них, видимо, распространялось общее указание о том, что "кождый мѣти моць о речахъ своихъ рухомыхъ тестаментъ чинити". Это тем более вероятно, что Статут 1566г. предоставлял право требовать адвоката ("прокуратора") для тех, кто не мог сам "справовати речы своее у суду и ни вмѣючи мовити". Параллели этого мы находим в памятниках феодального права XIV-XV вв. Новгородской и Псковской земель, где институт судебного представительства имел широкое развитие. По "Новгородской судной грамоте" поверенных в суде мог иметь всякий. "Псковская судная грамота" представляла право иметь "пособников" в суде только женщинам, монахам, престарелым и глухим. Представителями таких истцов или ответчиков могли быть люди, связанные с ними семейными узами.

В Статуте 1588г. подчеркивалось право оформлять завещания для всех, кто "будучи здоровый албо хорый, только бы при доброй памяти и здоровый на разуме был". Лица "буйно помешанные" ("шаленые") и "теряющие рассудок" ("от розуму отходячие") не имели права составлять завещания на свое имущество, не могли быть свидетелями. Примечательно, что уже в Статуте 1558г. "шаленые" и "от розуму отходячие" трактовались как больные, без малейших следов демонологии в отношении к ним. Психически больные, по Статуту 1588г., должны были находиться под надзором родных, а в случае совершения ими преступлений, подвергались заключению в тюрьму.

Действие Статута 1588г. продолжалось на территории Беларуси и после воссоединения ее с Россией вплоть до 1831г. - в Витебской и Могилевской губерниях, до 1843г. - в Гродненской и Минской губерниях, пока на Беларусь полностью не распространились законы Российской Империи. Однако известно, что и Соборное уложение 1649г. в Русском государстве признавало за глухонемыми право собственности наравне с лицами здоровыми: "А будет после которого умершего останутся дети глухи и немы, а братья их, или сестры учнут обидеть их и отцова или матерня имения учнут их отлучать, разделить по третьям всем поровну, чтобы из них никто избужен не был"¹.

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права.- изд. 4-е.- Киев, 1905, с. 390.

Ограничения прав глухих, немых и слепых вступать в обязательства и вести иски встречается в законодательных памятниках России лишь в связи с предположением о недостатке умственных способностей. Они определялись, в частности, законами 1676г. и 1677г. Семейные и имущественные права лиц, не имеющих здравого рассудка от рождения, были ограничены указами Петра I.

И хотя все эти указания не могли тогда найти себе надлежащее применение, можно думать, что ко времени воссоединения Беларуси с Россией «аномальные» лица на территории Беларуси и России находились примерно в одинаковом положении. При этом следует учитывать, что и Статуты Великого княжества Литовского, и российское законодательство отстаивали прежде всего интересы господствующих классов. Эти законы регламентировали положение лиц с отклонениями в психофизическом развитии не с профессиональной, а только с правовой точки зрения, так как состояние медицинской науки и народного образования в то время не могло еще обеспечивать широкого распространения среди населения объективных взглядов на психические и физические болезни. «Аномальные» дети и взрослые из числа трудового зависимого населения могли рассчитывать лишь на "нищелюбие" и благотворительность своих господ и церкви.

С XVI в. на белорусских землях широкое распространение получила **деятельность православных братств** - религиозно-национальных и сословно-политических организаций и учреждений. Главной их целью была борьба против национального угнетения и религиозных гонений. Но для юридического оформления своих организаций и учреждений православные братства декларировали и осуществляли широкий круг просветительно-благотворительных задач: создавали и содержали школы, типографии, приюты, богадельни-шпитали для призрения и лечения престарелых, нищих, неизлечимо больных, убогих и сирот.

Наряду с братскими в Беларуси открывались шпитали православной, католической, реформаторской и униатской церковью, цеховых объединений и еврейских общин, магистратские. Преследуя интересы своих хозяйств, некоторые феодалы (Сапеги, Радзивилы и др.) открывали шпитали для своих крепостных.

В ряде городов, например, в Бресте, действовали польские и "русские" дома призрения. С XVI по XVIII в. в Беларуси существовало 370 шпиталей почти на 3000 мест¹. В Бресте, Гродно, Минске, Новогрудке, Слуцке и других городах было от 3 до 8 шпиталей, а в Могилеве даже 13 одновременно. Такие масштабы организации шпиталей были обусловлены острой общественно-политической борьбой в Беларуси. Жертвы феодального угнетения часто лишались трудоспособности и пополняли ряды нищих. Призревая престарелых и нищих, слепых и хромых, а иногда слабоумных и детей, шпитали должны были играть роль отдушины с целью ослабления социальных противоречий в стране.

¹ Грыцкевіч В. З мінулага нашае медыцыны. – Палымя, 1969, № 6, с. 201.

Исследованные источники не дают конкретных фактов специально организованного общественного призрения «аномальных» детей на белорусских землях в период вхождения их в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Скорее всего такие дети содержались и воспитывались в семье под надзором родителей. Вместе с тем в числе лечащихся и призреваемых в шпиталях часто оказывались и лица с отклонениями в психофизическом развитии - "люди в хробах уломные, беспечные и спокойные". Недаром братства иногда назывались "оком слепых, ногою хромых".

По мере соединения отдельных частей Беларуси с Россией (1772-1755гг.) призрение и лечение престарелых и больных, в том числе лиц с отклонениями в психофизическом развитии, переходило на территории Беларуси в ведение **Приказов общественного призрения** - Могилевского (учрежден в 1781г.), Минского (1796г.), Витебского (1802г.), Гродненского (1805г.) и Виленского (1808г.)¹.

В составе богоугодных заведений и Приказов в 1810-1816 гг. уже имелись больницы, госпитали, богадельни, воспитательные и сиротские дома, дома для умалишенных (в Вильно - с XVIII в., в Могилеве - с 1810г.), аптеки (в Могилеве и Полоцке) и др. Число призреваемых и лечащихся превышало 1500 человек. Правда, в период Отечественной войны 1812г. учреждения Приказов общественного призрения, особенно Минского и Могилевского, были полностью разорены и восстановление их затянулось. Общественное призрение в то время, по А.Стогу, "заключало в себе устройство пристанища для бедных, вдов и сирот, доставление им и всем нуждающимся пропитания, покрова, пособия и вообще призрения" [262].

Наряду с учреждениями Приказов общественного призрения в городах Белоруссии в начале XIX века функционировали и другие благотворительные общества и учреждения. Так, в частновладельческом городе Слуцке с 1822г. действовал **комитет опеки убогих**. Из отчета о публичном заседании этого комитета в 1830г. видно, что первой и наиважнейшей целью комитета было "уничтожение нищенства". Вторым предметом занятий комитета являлось "призрение старцев, калек, неизлечимых больных, слепых и убогих, не способных к труду". Такими людьми дом милосердия, принадлежащий комитету, был переполнен: едва хватало средств на их содержание. Комитет считал необходимым и дальше основывать и содержать шпитали, помогать бедным людям в их домах, приглашать медиков и аптекарей для бесплатного лечения бедных.

Продолжали миссионерскую деятельность и специально созданные для организации больничного лечения **католические ордена бонифратров** ("добрых братьев") и **рохитов**, устроившие свои шпитали в

¹ Здесь и далее используется ряд источников, касающихся г. Вильно (Вильнюса) – столицы Литвы, т.к. и после воссоединения с Россией значительная часть территории современной Республики Беларусь находилась в административном и культурном подчинении Вильно.

Новогрудке, Ракове, Минске, Гродно, Высоком. Среди профилированных лечебно-благотворительных учреждений бонифратров имелись шпитали и для психически больных, призревавшие, правда, ограниченное число лиц - до 8 человек.

В связи с проводившейся русским правительством централизацией государственного управления и в целях уменьшения влияния оппозиционно настроенного к нему католического духовенства в 30 – 40-х годах XIXв. монашеские ордена в Беларуси были упразднены; призреваемые ими больные, имущество и суммы поступили в ведение Приказов общественного призрения.

Чтобы предупредить скопление нищенствующих детей, среди которых часто встречались глухонемые и слабоумные, и оградить городское население от неудобств, вызываемых присутствием в городах большого числа беспризорных, русское правительство признало необходимым принять меры к организации "правильного призрения, воспитания и обучения бесприютных и неимущих детей и сирот". Для этого в 1839г. было образовано **Ведомство детских приютов**, которому предлагалось открывать приюты повсеместно в России, не только в городах, но и в селах. "Положение о детских приютах ведомства учреждений императрицы Марии" и "Основные начала для деятельности комитета главного попечительства детских приютов" не содержат упоминаний о необходимости призрения, воспитания и обучения «аномальных» детей, хотя практически в воспитательных домах и приютах для сирот и подкидышей несомненно появлялись «аномальные» дети.

Минский Приказ общественного призрения, не имея своего воспитательного дома, неоднократно обращался к Минскому губернскому и Минскому уездному попечительствам детских приютов и Совету благотворительных обществ с ходатайствами о приеме малолетних детей в подведомственные им учреждения. Но в этих учреждениях, как правило, не было мест и Приказу приходилось широко практиковать содержание детей-сирот и подкидышей у частных лиц за плату от 1,2 руб. в месяц (в 40-60-х гг.) до 2,5 руб. (в 70-80гг.) за каждого призреваемого ребенка. О масштабах такой формы призрения детей свидетельствуют следующие выборочно взятые цифры: в 1850г. у частных кормилиц от приказа содержалось 29 детей-сирот и подкидышей; в 1853г. - 37; в 1857г.- 61; в 1860г. - 38; в 1884г. - 9 детей в возрасте от полугода до 12 лет. Мальчиков-бродяг обычно в 8-летнем возрасте зачисляли в кантонисты¹.

Среди призреваемых детей и подростков встречались и «аномальные». К таким можно отнести двух мальчиков, которых не зачислили в кантонисты по неспособности к военной службе. Один из них - Александр Корсаков был взят на призрение в 3-летнем возрасте и состоял воспитанником приказа с 1844г. по 1861г.

В 1868г. в богадельне Минского Приказа общественного призрения

¹Кантонистами назывались солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством.

содержалась 11-летняя Мария Добровольская, т. к. ее, увечную, никто из кормилиц не хотел брать на воспитание. Совет же благотворительных обществ принимал только здоровых детей, а попечительства детских приютов - только детей до 10-летнего возраста. Но случаи оставления «аномальных» детей на призрение в богадельнях, видимо, были не редки по всей России. Это подтверждает издание Министерством внутренних дел специального циркуляра №57 от 28 марта 1867г., которым предписывалось отдавать "малолетних, одержимых калечеством или другим телесными недостатками", на воспитание частным благотворителям или определять в приюты благотворительных обществ с оплатой содержания таких детей из сумм приказов общественного призрения.

Протоколы заседаний присутствия Приказов общественного призрения показывают, что Приказам часто приходилось заниматься разбором дел, связанных с судьбами «аномальных» детей и взрослых. И каждый раз Приказы прежде всего пытались найти родителей или родственников «аномального», считая своей обязанностью призрение только сирот, подкидышей и арестантских детей.

Прошения крестьян, составлявших большинство населения, о приеме в учреждения приказа их самих или их детей на призрение оставались без последствий, так как до реформы 1861г. призрение крестьян считалось обязанностью помещиков, а после реформы эта обязанность была вменена крестьянским обществам.

Как видно из отчетов о состоянии Могилевской губернии за 1890 г., из 39 домов общественного призрения 2 было в Могилеве, 13 - в других городах и только 15 - в уездах.

Лишь в 1891г., т.е. через 30 лет после отмены крепостного права, на Могилевщине началось осуществление давно уже назревшей потребности в упорядочении призрения сельскими обществами своих односельцев и отставных солдат, приведенных различными житейскими невзгодами к крайней нужде.

По предварительным подсчетам оказалось необходимым построить за счет сельских обществ 31 дом призрения на 10-18 человек каждый в 6 уездах губернии. Характерной деталью, выражающей отношение богатой верхушки сельских обществ к делам призрения, является то, что Чериковский, Климовичский и Мстиславский уезды решили "повременить с удовлетворением нужд меньшинства" и отложили устройство домов призрения до 1893г., чтобы не обременять хозяйственные силы крестьян, озабоченных принятием мер "к улучшению местной породы лошадей"(!). Губернатор вынужден был признать, что "действующий закон, возлагая на крестьян повинность призрывать престарелых, дряхлых и увечных членов своих, представляется совершенно неопределенным в частностях, и потому применение его поставлено было в большую зависимость от произвола сельских обществ и побуждений лишь нравственного долга"¹.

¹ Отчёт о состоянии Могилёвской губернии за 1891 г.- Могилёв, 1892, с.58.

Главной же причиной, которая ограничивала возможности крестьян участвовать в организации общественного призрения своих односельчан, была "задолженность" "освобожденных" крестьян и невозможность обеспечить даже свои насущные потребности.

Но и «аномальным» мещанам не просто было получить призрение в богадельне. Сошлемся на пример Минской губернии уже земского периода. В апреле 1811 г. слепой И.С.Козловский, 23-х лет, проживавший у брата в Борисове, просил Минскую губернскую земскую управу поместить его в Ново-Борисовскую богадельню и "спасти от голодной смерти". Обследование подтвердило, что брат Козловского работал поденщиком на стеклозаводе, зарабатывал в день по 50 копеек, которых еле хватало на скудное пропитание себя, престарелой матери, жены и троих малолетних детей. Врач богадельни заключил, что с врачебной стороны не встречается препятствий к принятию И.С.Козловского, так как у него неизлечимая потеря зрения на оба глаза. Но губернская управа отклонила ходатайство И.С.Козловского, мотивируя тем, что в богадельню принимаются лишь лица престарелого возраста. Правда, в декабре 1911 г. он все же был принят в богадельню. В целом же слепые очень редко фигурируют в документах Приказов общественного призрения.

Более частыми "нарушителями спокойствия" богоугодных заведений Приказов были глухонемые, немые и слабоумные. Именно они составляли основную массу так называемых "бродяг" и нищих в XIX - начале XX вв. Только в заведениях, подведомственных Минскому Приказу общественного призрения, как видно из ревизской сказки, составленной в октябре 1850г, среди 9 "бродяг" было 6 человек с нарушением слуха и речи: двое немых в возрасте 20-30 лет, 4 глухонемых неизвестного происхождения. Летом 1857г. в Минске задержан полицией за нищенство глухонемой неизвестного происхождения. Решением уголовной палаты он направлен в богадельню Приказа. Лишь через три года глухонемому вернули отобранные у него при задержании деньги¹. К сожалению, в документах не указано, с какого возраста находились в учреждениях Приказа эти глухонемые.

В 1867г. на освидетельствовании умственных способностей городскими врачами в Гродно находилось двое глухонемых неизвестного происхождения. Первый состоял под судом Гродненской уголовной палаты, так как был задержан в Пружанах за бродяжничество. Второй содержался в больнице гродненского острога как умалишенный. После шестинедельных испытаний было признано, что у испытуемых умственные способности в нормальном состоянии. У первого из них, по мнению врача, глухота была "не в сильной степени": на близком расстоянии, если громко к нему говорить, слышит", "не может передавать свои мысли словами"; второй же - "совершенно глухонем"².

Помещение глухонемых "бродяг" в богадельни Приказов было

¹ ЦГИА в Минске, ф. 2, оп. I, л. 774; д. 10, л. 782.

² ЦГИА в Гродно, ф. 9, оп. 3, д. 43, лл. 61,88.

обычным явлением на территории Беларуси XIX века. Нет сомнений, что все эти люди были ранооглохшими выходцами из малообеспеченных семей трудящихся и при жизни родителей воспитывались в семье. Оставшись без средств, они вынуждены были бродяжничать в поисках пропитания.

Глухонемые же дети из семей господствующих классов, в случае смерти родителей, оказывались под опекой родственников или близких и не испытывали материальной нужды.

Материалы Приказов общественного призрения содержат и факты задержания и определения в богадельни глухонемых детей, особенно мальчиков. Так, в мае 1853г. в Столбцах задержан неизвестного происхождения мальчик лет 12-ти, которого после шестинедельного испытания в больнице Минского тюремного замка члены врачебной управы признали глухонемым и направили для призрения в богадельном доме наравне с прочими.¹

В январе 1857г. в Слуцке задержан полицией за неимением письменного вида Станислав Стахаль, 12 лет, видимо, ученик Варшавского института глухонемых и слепых. Врачебная управа направила его в богадельню. Мальчик был малограмотным, но показал, что он из Люблина. Справки Люблинского губернского правления и Варшавского обер-полицмейстера подтвердили показания глухонемого, и в марте он был выслан из богадельни по месту жительства².

В это же время в Минскую еврейскую больницу был помещен глухонемой лет 15-ти "для призрения с употреблением к простым работам". В мае он бежал из больницы, был пойман в Борисове и снова доставлен в Минский приказ. Не желая возвращаться в еврейскую больницу, глухонемой согласился остаться в богадельне Приказа, но был уличен в пристрастии к воровству денег и вещей у богадельных и в городе. Поэтому контора богоугодных заведений передала глухонемого в полицию для содержания или тюремного заключения. Однако по решению уголовной палаты и заключению губернского правления через год этот юноша опять оказался в богадельне Приказа под более строгим надзором с запрещением отлучаться из заведения. Вскоре он бежал и унес с собой богадельное одеяние. Розыск оказался безуспешным.³ Почти аналогично решалась судьба и другого глухонемого, лет 18-ти, бежавшего из богадельни.⁴

Характерно, что глухонемые, не только дети, но и взрослые, тяготились пребыванием в богадельнях, и при возможности бежали из оказанного им "призрения". Интересно в этом отношении прошение глухонемого, задержанного в Сокольском уезде и состоявшего на призрении в богадельне Гродно. Пршение написано в 1895г. неким Петрашкевичем,

¹ ЦГИА в Минске, ф.2, оп. 1, д. 5, л.914.

² Там же, д.10, л.415.

³ ЦГИА в Минске, ф.2, оп.1, д.15, л.415.

⁴ Там же, д.10, лл.571-572.

понимавшим жестовую речь. В нем говорилось, что глухонемой, прожив год в богадельне, не может далее быть в ней, так как толпа находящихся в ней инвалидов постоянно бьет его, толкает без всякой причины и прогоняет из помещения. Глухонемой просил нанять для него квартиру и стол, чтобы избавить его от всех обид и гадостей, от каковых трудно употреблять даваемую ему пищу.¹

Бывший защитник Севастополя, глухой и почти слепой Я.С.Третьяков в течение трех лет просил перевести его из Минской богадельни в отделение неизлечимых призреваемых, пользующихся несколько лучшим содержанием по сравнению с богадельными². Эти прошения были оставлены без последствий, хотя в практике Приказов общественного призрения имела место отдача призреваемых на попечение частных лиц.

В 1852г. в богадельню Минского Приказа были помещены глухонемые кантонисты Семен Арцихович и Гавриил Пацукевич. Они были отданы на попечение минским мещанам К.Годлевскому и И.Милицкому с условием, что будут обучены столярному ремеслу, не будут метаться по миру и испрашивать подаяния. За содержание кантонистов мещане получали от казны на провиант по 2 четверика ржаной муки, 1,5 гарнца круп в месяц и жалованье из оклада 2 руб. 14,5 коп. серебром в год. Обоим попечителям были вручены билеты на свободное содержание глухонемых. Минской же полиции приказано было наблюдать за кантонистами и, если кто из них получит облегчение в увечье, представить их по принадлежности для обращения на службу.³

В 1860г. глухонемой мальчик неизвестного происхождения, два года призревавшийся в богоугодных заведениях Минского Приказа, пожелал находиться на попечении у дворянки Минского уезда Ф.В.Романовской. Присутствие Приказа первоначально отвергло намерение Ф.В.Романовской взять мальчика на попечение, так как от глухонемого невозможно получить достоверное выражение его согласия на это. Но через полгода, убедившись, что глухонемой действительно имеет желание находиться на попечении Ф.В.Романовской, для него был изготовлен и вручен под расписку билет на свободное проживание у названной дворянки с тем, чтобы она за наступлением этому глухонемому 21 года записала его в подушный оклад⁴.

Упомянутый ранее глухонемой из Сокольского уезда, задержанный в 1870г. за бродяжничество, по разрешению Гродненского Приказа общественного призрения 4 года находился на бесплатном содержании у вдовы коллежского асессора А.Яковецкой и 6 лет у помощника ревизора Гродненской контрольной палаты М.Л.Обрембского, а

¹ ЦГИА в Гродно, ф.15, оп.І, д.33, л.8.

² ЦГИА в Минске, ф.324, оп.І, д.199, лл.58-60.

³ Там же, ф.2, оп.І, д.5, л.111; д.15, л.595.

⁴ ЦГИА в Минске, ф.2, оп.І, д.15, л.134

затем снова был принят в богадельню¹.

Попечение и опекунов над глухонемыми детьми и взрослыми имели место и в других белорусских губерниях. Как видно из материалов Витебской палаты гражданского суда, в январе 1865г. в г. Велиже опекалось двое глухонемых.²

Изложенные факты показывают, что частные лица охотнее брали на попечение глухонемых детей и взрослых, призревавшихся в учреждениях Приказов, по сравнению с другими категориями «аномальных», будучи уверенными, что глухонемых можно обучить полезным для них ремеслам и с пользой для себя применять их труд в домашнем хозяйстве. Да и в богадельни их часто принимали не просто для призрения, а "с употреблением к простым работам", т.е. благотворительность, как правило, сочеталась с использованием труда «аномальных».

Труд глухонемых, стремившихся самостоятельно обеспечить себя средствами существования, в дооктябрьской Беларуси совершенно обесценивался. Примером этого может служить оплата труда прислуги в Минской губернской земской больнице в 1907г. Среди 9 чернорабочих было двое глухонемых. Все чернорабочие были неграмотны и выполняли в основном одинаковые работы. Однако слышащие и говорящие получали за год по 96 руб., а глухонемые рабочие - только по 18 руб. Правда, согласно постановлению правления больницы за декабрь глухонемым было выдано "содержание и вознаграждение за усиленные труды в течение 1907г. в размере трех рублей". Характерно, что даже в требовательных ведомостях на выдачу содержания вместо фамилии и имени этих рабочих значилось: "глухонемой", т.е. они и на работе числились лицами неизвестного происхождения.³

Трудности в устройстве на работу, низкая оплата труда толкали некоторых из глухонемых на различные преступления, что часто приводило их в остроги и тюрьмы.

Не лучшим было и положение лиц с нарушениями психики. Протоколы заседаний присутствия Приказов общественного призрения пестрят сообщениями губернских правлений об освидетельствовании членами врачебных управ умственного нарушения здоровья взрослых и детей, задержанных полицией за бродяжничество, представляемых родителями и родственниками для решения вопросов призрения, опеки, оказания материальной помощи.

Не претендуя на полную характеристику освидетельствуемых лиц (среди них было много душевнобольных, умалишенных), остановимся на тех из них, которые, по заключению врачебной управы, признавались слабоумными разных степеней.

¹ ЦГИА в Гродно, ф.15, оп.І, д.33, л.1.

² ЦГИА в Минске, ф.1430, оп.І, д.32312, лл.167, 174.

³ ЦГИА в Минске, ф.1430, оп.І, д.32312, лл.167, 174.

В апреле 1850г. в Бобруйском уезде была задержана женщина без документов неизвестного происхождения, называвшаяся Марцианной. Шестинедельное испытание ее умственных способностей в Минской городской больнице привело к заключению, что Марцианна страдает слабоумием, а именно "глупостью", и поэтому нуждается в призрении и попечении. Члены врачебной управы отметили, что Марцианна телесно здорова и крепка, по-видимому, простого происхождения и может пригодиться к каким-либо простым услугам в богадельном доме. В октябре Правительствующий Сенат утвердил акт освидетельствования умственных способностей и распоряжение Минского губернского правления о помещении "тупоумной Марцианны" в богадельню.¹

В 1857г. в Минском уезде взят за бродяжничество "малец Юрка без прозвания" и помещен в Минский тюремный замок. При его освидетельствовании оказалось, что Юрке 20 лет, "росту малого, лицо бледное и болезненное, физиономия весьма глупая. На вопросы ответить не смог, а только повторял слова, самый же вопрос составляющие. Места своего происхождения и своих родителей не знает, не понимает своего положения и даже не может сообразить настоящего своего пребывания". Члены врачебной управы признали этого человека "совершенно глупым или идиотом и направили Юрку-слабоумного в богадельню для призрения наравне с прочими".²

В 1860г. по требованию полиции в Минскую городскую больницу помещена дочь рекрутки А.Стасевич 16-летняя Елена. "Вопросов она не понимала и отвечать на них не могла, слабого телосложения, глупой физиономии, с полуоткрытым ртом, из которого по губам текла слюна, смотрела на свидетельствующих и окружающие предметы без мысли и понятия". Заключено, что Е.Стасевич помимо паралича "одержима в высшей степени тупоумием, т.е. бессмысленностью и требует призрения в доме скорбящих или в отделении неизлечимых на равных с прочими". Почти одновременно с ней в дом скорбящих была помещена солдатская дочь Кристина Воловодова, "страдающая неизлечимым в высшей степени бессмыслием, быть может, с детства".³

В 1861г. зачислен в богадельню до розыска родственников пойманный в бродяжничестве в Минском уезде неизвестного происхождения "отрок, назвавший себя Янком Якуба сыном Кочаном". По заключению членов врачебной управы, он оказался одержимым врожденным слабоумием первой степени, которое со временем усилилось. По скромному и опрятному его поведению мог бы он безопасно жить в обществе и приучиться какому-либо ремеслу, либо трудиться полезно, но не иначе как под бдительным надзором и гуманным посторонним попечением". Черев два года Янку Кочана временно отдали на попечение

¹ЦГИА в Минске, ф.2, оп.І, д.1, лл.201, 1124.

² Там же.

³ ЦГИА в Минске, ф.2, оп.І, д.15, лл.299, 542

дворянину Минского уезда Стефановичу. Но там он был опознан. Оказалось, что Янко вовсе не Кочан, а Рак, принадлежащий к деревне Кривичи. Кривичское волостное управление предписало сельскому старшине отобрать Я.Рака у Стефановича для водворения на место приписки, но Стефанович привез Я.Рака в богадельню. Узнав об отправке его в общество, Я.Рак бежал из богадельни, но через полгода был пойман и выдворен на место приписки¹.

Можно заключить, что в отношении "слабоумных бродяг" действовали те же "нормы" призреия, которые применялись и к глухонемым.

Помимо "бродяг" в богадельнях призывались иногда, по просьбам родителей или близких, слабоумные, считавшиеся опасными для общества.²

Судя по заключениям врачебных управ, в богоугодные заведения Приказов общественного призрения принимались преимущественно подростки с глубоко выраженным слабоумием. Основная же масса умственно отсталых детей несомненно воспитывалась в семьях родителей. Лишь изредка встречаются документы, свидетельствующие о том, что родители слабоумных детей обращались в губернские управления о назначении пособия для их воспитания. Такую попытку предприняла, например, вдова коллежского секретаря О.М.Ферштейн из Гродно в 1881г., приславшая на освидетельствование умственных способностей своего 11-летнего сына Николая. В акте, составленном членами врачебного отделения, отмечено, что Н.Ферштейн "росту малого, телосложения слабого, с детства весьма медленно развивался и физически и умственно, и только на 7-ом году начал произносить слова, становиться на ноги и ходить; что касается умственных способностей - все старания развить их остались безуспешными" и в настоящее время он находится "в состоянии, близком к идиотизму".

При объективном исследовании найдено: "цвет наружных покровов бледный, подкожного жира мало, мышцы тонкие, вялые, череп несоразмерно велик относительно лица и всего тела, особенно развита в черепе затылочная область его, глаза полузакрты, зрачки умеренно расширены, слабо реагируют, взгляд неподвижный, обращенный вниз; сидит и ходит с наклоненной головой; на вопросы отвечает медленно и при этом морщит лоб; сильно шепелявит и выговаривает слова невыразительно; походка неверная, шаткая, без пособия посторонних ходить не может. Кожа на черепе покрыта струпьями. Н.Ферштейн умеет назвать окружающие предметы собственными их именами; высказывать свои мнения не может". Заключено, что Н.Ферштейн "страдает последствиями хронического воспаления мозговых оболочек и золотухой и при настоящем состоянии его

¹ ЦГИА в Минске, ф.2, оп.1, д.25, лл.165-168.

² ЦГИА в Минске, ф.2, оп.1, д.15, л.720, д.25, л.195.

здоровья требует постоянного ухода”¹.

Удалось ли О.М.Ферштейн добиться пособия, неизвестно.

По мере "приобщения населения западного края к благам земского самоуправления", дела и имущество упраздненных распорядительных комитетов и Приказов общественного призрения в Витебской, Минской и Могилевской губерниях передавались **управлениям по делам земского хозяйства** (1903г.) и **земским управам** (1911г.). В этот период наметился более дифференцированный и строгий возрастной и отчасти диагностический отбор призреваемых в богадельнях, воспитательных домах, приютах благотворительных обществ и на патронате. Но в ответах чиновников отделов общественного призрения просителям нередко чувствовалось совершенное равнодушие к судьбам «аномальных».

В 1910г. минская полиция задержала неизвестную девочку лет 15-ти, "по-видимому, страдающую расстройством умственных способностей, от коей не представляется возможным добыть сведения о месте жительства ее родственников". Полицейское правление просило губернскую управу по делам земского хозяйства определить девочку до нахождения родителей в богадельню, но получило лаконичный ответ: "В богадельню дети не принимаются"².

В 1911г. потомственный дворянин из Ново-Борисова А.Ю.Бортновский просил губернскую управу зачислить в богадельню его брата Ивана 33 лет как слабоумного и совершенно не способного к труду, ибо общение с ним малолетнего сына может губительно отразиться на ребенке. Ответ управы: "Не подходит по возрасту"³.

В бедственном положении находились и благотворительные учреждения для детей дошкольного возраста, куда могли попадать и «аномальные» дети. В приюте подкидышей Минского благотворительного общества "Милосердие" к 1 января 1905г. состояло 80 детей. В течение года поступило еще 270 детей. Но за год умерло 235 (67%) детей. Высокая смертность детей объяснялась теснотой помещения, отсутствием изолятора и болезненностью детей, страдающих расстройством пищеварения, заболеваниями органов дыхания, глаз и пр. "Отчет Витебской губернской управы по делам земского хозяйства за 1907 год" показывает, что в благотворительном обществе, состоявшем под августейшим покровительством императрицы Александры Федоровны, процент детской смертности был еще выше.⁴

Покровительствуя на словах, царское правительство не хотело внимать голосам лиц, действительно озабоченных судьбами призреваемых детей. В этом отношении интересна как типичная для всей России характеристика состава, положения и нужд детей, находившихся в

¹ ЦГИА в Гродно, ф.9, оп.6, д.103, лл.1-5.

² ЦГИА в Минске, ф.324, оп.1, д.915, л.146.

³ ЦГИА в Минске, ф.325, оп.1, д.319, л.205.

⁴ ЦГИА в Минске, ф.324, оп.1, д.485, л.148-149; ф.2515, оп.1, д.35, л.106.

богоугодных заведений земств, написанная, видимо, белорусским этнографом и педагогом А.Е.Богдановичем: "Дошкольный возраст предъявляет весьма сложные задачи воспитания, а в приюте подкидышей он усложняется еще тем, что значительный процент детей носит в себе признаки несчастной наследственности и проявляет зачатки как психических, так и телесных страданий. Дефекты слуха, зрения, разные искривления, последствия худосочия и золотухи и т.п. встречаются у очень многих, заставляют сильно индивидуализировать их воспитание, а для этого нужно иметь интеллигентного человека, который знал бы это дело и мог бы его вести... Положение ненормальных (детей) оказывается ещё хуже. Они остаются детьми и далеко после детских лет, и им нет иного выхода, как навсегда оставаться на призрении губернского земства. Начальная школа, состоящая из богоугодных заведений земства... комплектуется детьми из приюта, детьми служащих в больнице, детьми из тюрьмы и детьми некоторых городских обывателей...

Сказанная школа, вследствие крайнего разнообразия учеников по поведению, по занятиям, по развитию и, наконец, по состоянию их здоровья, представляет большие особенности и необычайные трудности для преподавателей, которые вне сомнения заслуживают вознаграждения не меньшего, чем таковые в других земских народных училищах".¹

Аналогичные мысли о неудовлетворительной постановке дела призрения и воспитания детей, находящихся в богоугодных заведениях Приказов общественного призрения (в Гродненской и Витебской губерниях они действовали до 1917г.) и земств, полностью разделялись врачами и педагогами Беларуси. Но претворение таких пожеланий в жизнь в условиях царской России было почти невозможным.

Обобщая изложенное, отметим, что лингвистические, фольклорно-этнографические, юридические материалы, документы Приказов общественного призрения и земских управ сравнительно широко отражают положение «аномальных» детей и взрослых и отношение к ним в Беларуси в период с XIVв. - по нач. XIXв.. «Аномальные» рассматривались в основном как неполноценные в физическом и умственном отношении люди, затрудняющиеся самостоятельно удовлетворять свои потребности, неспособные продуктивно выполнять требования окружающей среды. В связи с этим большинство «аномальных» детей воспитывалось в семьях родителей. Многие из них вынуждены были бродяжничать в поисках пропитания, благо население Беларуси в целом доброжелательно относилось к слепым, глухонемым и слабоумным нищим. **Организованного государственного призрения «аномальных» детей в Беларуси до нач. XX в. не существовало.** Лишь единицы слепых, глухих, немых, слабоумных в основном из числа сирот и детей-подкидышей пользовались крохами общественной

¹ Доклады очередному Ярославскому губернскому собранию сессии 1911 года : Кн.2.- Б.- Ярославль, 1911, с. 10-11.

благотворительности в воспитательных домах, приютах, богадельнях и на патронате.

С другой стороны, лица, тесно соприкасавшиеся с отдельными категориями «аномальных» детей, убеждались, что большинство из них при гуманном отношении и соответствующей помощи способны приобретать общественно полезные трудовые навыки. Эти способности в какой-то мере реализовывались в привлечении «аномальных» детей и взрослых к труду в домашнем хозяйстве, иногда эксплуатировались попечителями призреваемых и администрацией отдельных учреждений и заведений, использующих глухонемых, немых и слабоумных в качестве рабочей силы на подсобных работах. **Наряду с этим постепенно осознавалась необходимость организованного воспитания и обучения «аномальных» детей.**

Контрольные вопросы и задания

1. Используя фольклорно-этнографические материалы, охарактеризуйте отношение белорусского народа к людям с различными отклонениями в развитии в период с XIV в. по нач. XX в.
2. Определите особенности правового положения «аномальных» детей и взрослых на белорусских землях в XIV-нач. XX вв.
3. Подготовьте презентацию в POWER POINT на тему «Формы организации призревания лиц с отклонениями в развитии в белорусском обществе XIV-нач. XX вв.».

1.3 ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛАРУСИ

Как уже отмечалось, в развитии просвещения и культуры в Беларуси в XVI-XVIII вв. положительную роль сыграли **братства и братские школы** - своеобразный оплот национальной самостоятельности белорусов и православной веры. Возникшие, возможно, на традициях древнерусских братчин, братства имели первоначально благотворительные цели и часто назывались братствами любви и милосердия.

По мнению Н.Д.Ярмаченко, братства не занимались непосредственно проблемой воспитания и обучения «аномальных» детей, хотя и содействовали пробуждению общественной мысли в деле организации призревания «увечных».¹ Однако можно предполагать, что именно в братских школах, многие из которых имели интернаты для бесплатного содержания сирот и беднейших учеников, впервые началось воспитание и обучение детей с частичными расстройствами зрения, слуха, речи и познавательной деятельности. Основанием для такого предположения могут служить требования уставов братских школ, согласно которым за каждым учеником братской школы закреплялось отдельное место. Оно

¹ Воспитание и обучение глухих детей в Украинской ССР.- Киев, 1968, с. 8 (на укр. яз.)

определялось по успехам детей в учебе, с учетом роста, состояния здоровья, особенно зрения и слуха.¹ В XVIIв. в Слуцком кальвинистском (евангелическом) училище ("Слуцких Афинах") готовились духовные лица и учителя, срок обучения которых в зависимости от уровня умственных способностей учащихся составлял от 6 до 10 лет.

Известно, что многие черты братских школ Украины и Беларуси нашли свое обобщение в трудах великого гуманиста, основоположника педагогической науки Яна Амоса Коменского.²

В процессе контактов с прогрессивными мыслителями Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, например, с А.Добжанским, П.Кохлевским и другими [79], Коменский активно распространял свои идеи о необходимости обучения всех детей, даже "тупых и злых от природы", глухих и слепых, отстающих и трудно поддающихся воспитанию [135].

Просветительский характер белорусского гуманизма содействовал широкому развитию мыслителями того времени идей о высоком достоинстве человека, силе его интеллекта и праве на всестороннее развитие его способностей. В этих условиях зарождались элементы материалистических представлений о познавательных возможностях человека, о роли органов чувств в познании окружающего. Примечательно, в частности, сравнение Симеоном Полоцким человека с городом, закрытым со всех сторон стенами и имеющим пять входных ворот. Входные ворота - это пять органов чувств человека, без которых нельзя познать окружающую действительность. Но если хоть один из органов чувств воспринимает вещь или явление, то человек может как-то судить о них.

Правда, в конце XVII - начале XVIII вв. экономический и социальный упадок Речи Посполитой сопровождался применительно к Беларуси регрессом всей культурной жизни. Это сказывалось и на отношении к «аномальным» детям и взрослым. Призывы идеологов католицизма к милосердию и щедрости к убогим и несчастным представляли собой "не что иное, как фальшивые цветы"³, которыми иезуиты пытались прикрасить и приукрасить требование рабской покорности по отношению к сильным мира сего. Ученые-медики, опасаясь обвинения в ереси, обходили скользкие проблемы. Считалось, что с болезнями надлежало бороться прежде всего при помощи молитв и заклинаний.

Однако в середине XVIII в. и особенно в эпоху Просвещения, практически совпавшую с периодом воссоединения Беларуси с Россией, на белорусско-литовских землях "начинается процесс постепенного обмирщения культуры" и складывается более благоприятная

¹ Вопросы истории школы и педагогики, вып.2.- Минск, 1972, с. 32.

² Митюрлов Б.Н. Развитие школы и педагогической мысли на Украине и в Белоруссии в XVI-XVII вв.: автореф. канд. дисс. – Л., 1971.

³ Бирало А.А. Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII-середине XVIII вв.- Минск, 1971, с.22.

интеллектуальная атмосфера.¹ С этого времени продолжалось активное накопление и обобщение научно-медицинских и психолого-педагогических фактов, которые послужили основой для выводов о наличии у детей с нарушением зрения, слуха, речи и интеллекта компенсаторных возможностей, о целесообразности и необходимости организации специального воспитания и обучения детей с тотальным нарушением деятельности отдельных органов чувств.

Большое значение в подготовке почвы для таких выводов сыграла деятельность Виленского университета, основанного в 1579г. как Виленская академия. Университет привлекал к занятиям юношей из Беларуси, Украины, Польши, Германии в других стран. Характерно, что из 180 диссертаций, защищенных в университете и в Медико-хирургической академии в 1793-1842 гг., более 20 принадлежит выходцам из Белоруссии: минчанам И.Рачковскому (о пляске св. Витта - 1816г.), Т.Портянко (об энцефалоиде - 1821г.), Д.Спасовичу (о сшивании губ - 1823г.), могилевчанину Л.Наумовичу (о гортанной ангине - 1812г.), витеблянину Б.Войцеховскому (о мозговой грыже и грибе мозга - 1825г.), гродненцу И.Кучинскому (о составлении скелета - 1835г.) и др.

Среди докторских работ других авторов многие посвящены исследованию нервных болезней: энцефалита, психоза, хронической гидроцефалии, ряда частых болезней мозга. Большой вклад в развитие белорусской и литовской психиатрии внес профессор Виленского университета С.Л.Биссис, который в 1772г. в своем отчете "...товарищу философу на вопросы относительно меланхолии, мании и колтуна" с научно-материалистических позиций подошел к этиологии ряда нервно-психических заболеваний, объяснив их происхождение определенными патологическими изменениями нервной системы.

Вопросы психической деятельности человека материалистически излагались и в лекциях профессоров терапии университета И.О.Конора, И.Франка, докторов физиологии и медицины уроженцев Белоруссии М.Гомолицкого и Ф.Римкевича. Примечательно, что официальными членами-корреспондентами Виленского врачебного общества (основано в 1805г., в его состав входило 26 белорусов) были ведущие французские психиатры того времени Ф.Пинель и Э.Эскироль [140].

Большое место в диссертациях, защищенных в Виленском университете, уделялось вопросам оториноларингологии: туберкулезу гортани и трахеи, органическим порокам языка, воспалению околоушной железы, раку губ, ларинготомии, полипам носа, ринопластике, операциям заячьей губы, голосу и др. Широкому исследованию подвергались в этот период и проблемы офтальмологии: воспаление век у новорожденных, катаракта, рак глазного яблока, болезни слезного мешка, воспаление радужной оболочки и т.п.

¹Там же, с. 41, 50, 92.

Наряду с медицинским исследованием широкого круга частных вопросов оториноларингологии в офтальмологии в Виленском университете проявлялся глубокий интерес и к вопросам психологии «аномальных». Об этом свидетельствуют высказывания и письма польского философа-просветителя, ректора Виленского университета, члена-корреспондента Петербургской академии наук Яна Снядецкого (1756-1830гг.). В речах "О философии" (1819г.), "Философия человеческого разума" (1821г.) и в других работах он неоднократно подчеркивал, что человек, лишенный от рождения какого-нибудь органа ощущения, не может иметь ни одного представления о вещи, относящейся (обычно) к этому ощущению, что лишение одного из органов чувств ограничивает сферу познания человека, сферу его осведомленности: глухой от рождения не может иметь никакой мысли о музыке, слепой - о цветах. Высказывания Я.Снядецкого свидетельствуют о том, что его интересовали не только теоретические вопросы процесса познания у аномальных лиц, но и практика воспитания и обучения слепых и глухонемых: "Никогда слепой от рождения не поймет красоты, которую придают вещам краски и тени; глухонемой читатель никогда не чувствует гармонии речи и письма, и даже научившись читать и писать, я сомневаюсь, что он когда-нибудь приобретет приятный и гармонический стиль письма" [87].

В Виленском университете исследовались и отдельные вопросы ортопедического характера: костные наросты, болезни позвоночника, водянки сустава, деформации стопы, воспаление спинного мозга и др. Характерно, что практика лечения заболеваий органов опоры и движения человека представлялась обычным явлением. Об этом говорит сравнение, использованное профессором Виленской академии М.К.Сарбиевским (1595-1640гг.): "Содержание поэмы поправляет в известной мере недостатки содержания исторического, как ботинок снаружи дополняет при помощи сапожного искусства недостатки чьей-нибудь ноги".

Виленский университет располагал ценной анатомической коллекцией, в которой имелся "остов человеческий, искусно приготовленный для неврологии", "природная мумия, или высохшее тело человеческое, найденное в песках литовских", "собрания разных уродов, коих числом до тридцати"¹.

Будучи важнейшим центром просвещения в Литве и Беларуси, Виленский университет синтезировал польскую и русскую культуру, способствовал приумножению и распространению знаний, пробуждению национального самосознания белорусского и литовского народов. Путем взаимообмена студентами, преподавателями и диссертантами университет поддерживал тесные связи с университетами Западной Европы и России.

Представители Беларуси и Литвы были хорошо информированы и в деле воспитания и обучения «аномальных» детей на Западе. В распространении идей западного просветительства в этот период большую

¹Севергин В. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства... - СПб., 1803, с.55-5

роль сыграла деятельность Эдукационной комиссии - первого в Польше (и Европе) государственного учреждения по руководству народным образованием. Интересно, что один из главных реформаторов народного образования на территории Польши, Беларуси и Литвы С.Конарский в своей работе "Об исправлении ошибок произношения" уделял большое внимание воспитанию у учащихся навыков устной и письменной речи, боролся против так называемой "зэпсутой вымовы".

Распространению идей русского просветительства содействовало стремление учредить на воссоединенной территории Беларуси русские народные училища, для чего в Беларусь были направлены высокообразованные учителя-белорусы. С другой стороны, почти каждый пятый врач в России был воспитанником Виленского университета и Медико-хирургической академии.

Не случайным в этом отношении является тот факт, что первым учителем и организатором учебно-воспитательной работы в Петербургском училище глухонемых (в Павловске) с декабря 1806г. по март 1810г. был поляк Бинцент-Ансельм Зыгмунт, приглашенный из Вильно¹.

По верному замечанию А.Г.Басовой², пионерами сурдопедагогики по ряду причин оказались западные губернии России. Наряду с попытками профессора Дерптского университета Якоба Бильде организовать училище глухонемых в Пярну в 1690-1709 гг., попытками графа Ильинского открыть в 1805г. школу глухонемых в Романове на Волыни, открытием в 1809г. школы глухонемых в Риге, работой с глухонемыми будущего директора Варшавского института глухонемых ксендза Якуба Фальковского в Щучине в 1815г., в начале XIX в. значительное внимание было уделено проблемам организации обучения глухонемых и в Вильно³.

Инициатива открытия школы глухонемых в Вильно принадлежала Виленскому епископу Яну Коссаковскому. Будучи на лечении в Германии, он посетил Венский институт глухонемых и, видимо, с целью дальнейшего укрепления позиции католической церкви в Литве и Беларуси принял решение открыть школу глухонемых в Вильно. Для подготовки директора этой школы он в 1804г. послал в Вену одного из ксендзов-миссионеров Ансельма Зыгмунта. Под руководством И.Мая, ученика Ш.Делепе, А.Зыгмунт в течение 10 месяцев изучал систему обучения глухонемых по "мимическому методу" в Вене.

В 1805г. общество Виленских ксендзов-миссионеров опубликовало объявление об **открытии в Вильно школы глухонемых** с предположением принять шесть учеников. В ожидании открытия школы

¹ Дела благотворительности в стране и за рубежом со сведениями к её усовершенствованию служащими.- Вильно, 1823, т.11, с.118-121(на польск. яз.).

²Басова А.Г. Очерки по истории сурдопедагогики в СССР.- М., 1965, с.14.

³Карвялис В. Обучение аномальных детей в Советской Литве. - Вильнюс, 1969

глухонемых А. Зыгмунт, вернувшись из Вены, занимался частным обучением глухонемой девочки, создал эстампы ручной азбуки и в мае 1806г. подарил их университету. Не дождавшись открытия школы глухонемых, А.Зыгмунт в том же году принял предложение обучать глухонемых в Павловске и уехал в Петербург.

Через четыре года А.Зыгмунт, по состоянию здоровья, вернулся в Вильно и снова занялся частным обучением уже двоих глухонемых детей.

Судьба школы глухонемых в Вильно оказалась в зависимости от Виленского университета, ибо ксендзы-миссионеры не смогли своевременно разыскать и истребовать завещанные покойным епископом Я.Коссаковским 6 тыс. злотых на создание института глухонемых и обратились за помощью к университету как поборнику распространения образования в Виленском учебном округе.

В декабре 1810г. ректор Виленского университета И.А.Снядецкий в письме министру народного просвещения А.К.Разумовскому заявил о готовности университета участвовать совместно с обществом миссионеров в создании **института глухонемых в Вильно**. Ознакомившись с проектом плана обучения и воспитания глухонемых, составленным А.Зыгмунтом, Совет университета выделил на строительство института 2000 рублей из сумм, предназначенных на строительство школ в Гродненской губернии. Это обстоятельство позволяет предполагать, что кандидатами на обучение в институте глухонемых могли быть и белорусы, тем более что ксендзы-миссионеры обязались бесплатно обучать двух бедных глухонемых мальчиков по рекомендации университета.

Министр народного просвещения одобрил действия университета и предложил, если позволят средства, обучать глухонемых детей и ремеслам, а также назначить помощника учителя, чтобы в случае болезни или смерти А.Зыгмунта деятельность института глухонемых не прерывалась¹.

После Отечественной войны 1812г. деятельность общества миссионеров в Вильно была в значительной мере ограничена. Оказавшись в "бедственном" состоянии, оно в 1817г. отказалось от своих замыслов по созданию института глухонемых. Все заботы об открытии института легли теперь на школьный комитет университета.

1 июня 1819г. Совет Виленского университета утвердил решение школьного комитета о необходимости подготовки учителя для глухонемых из числа студентов университета. Кандидатом на эту должность был рекомендован студент 3 курса факультета моральных и политических наук Кароль Молоховец с условием, что после 2-летней стажировки в Варшавском институте он будет шесть лет работать с глухонемыми в Вильно и подготовит на свое место другого учителя. В университете в то время училось много студентов из Беларуси, но национальная принадлежность К.Молоховца пока не установлена.

В 1820г. "кандидат прав" Кароль Молоховец был командирован в Варшаву. Через год директор Варшавского института глухонемых Я.

¹ ЦГИА Литов. ССР, ф.721, оп.1, д.463, л.2.

Фальковский охарактеризовал К. Молоховца как преданного, примерно и усердно готовящегося к исполнению своих обязанностей человека. Желая пользы Виленскому институту глухонемых, Я.Фальковский высказал пожелание, чтобы К.Молоховец посетил ряд заграничных институтов для глухонемых и, прежде всего Берлинский. Ознакомившись с разрешения университета с обучением глухонемых в Берлине, Лейпциге, Париже, Баварии, Австрии и Чехии, К.Молоховец в 1822г. вернулся в Варшаву. Так как Виленский университет не имел еще ни помещения, ни средств на содержание института глухонемых, К.Молоховец с согласия Совета университета остался на год в Варшаве в должности заместителя первого учителя института глухонемых¹.

Лишь в 1823г. К.Молоховец при поддержке университета открыл у себя на квартире **школу для приходящих глухонемых** Вильно.

По данным Б.Ю.Карвялиса и И.А.Карвялене, руководство университета создало специальную комиссию для разработки комплексной программы организации помощи глухонемым и организации института для глухонемых детей [123]. В состав комиссии входили профессор И.Лелевель - польский историк и общественный деятель, М.Бобровский - белорусский славист, В.Герберский - уроженец Беларуси и др. Комиссия выдвинула прогрессивные для того времени требования к организации института глухонемых: специальное школьное здание, интернат для детей и помещения для воспитателей, отдельная библиотека, учебный огород, мастерские. Общеобразовательная подготовка включала в себя вероисповедание, арифметику, географию, историю и начальные сведения по геометрии. В институте предполагалось бесплатное обучение до 12 детей бедняков Виленского учебного округа. Учитывая, что в этот округ входили и белорусские губернии, можно было надеяться, что и глухонемые Белоруссии получат доступ в институт при университете. Однако полностью осуществить проект организации обучения и воспитания глухонемых университету не удалось, так как царские власти, напуганные участием преподавателей и учащихся Виленского учебного округа в прогрессивном общественно-политическом движении, не поддержали предложений университета ни морально, ни материально. Тем не менее, институт глухонемых, открытый при университете, действовал и после закрытия университета вплоть до 1833г., когда К.Молоховец был уволен с работы. Но в том же году К.Молоховцу удалось снова открыть школу глухонемых уже при Виленском благотворительном обществе. Смерть К.Молоховца в 1843г. окончательно прервала деятельность школы глухонемых².

В институте глухонемых при Виленском университете, а позже в

¹ ЦГИА Литов. ССР, ф.721, оп.1, д.121, лл.1017.

²Бренштейн М. Информатор об обществах научных, просветительных, аристократически-популярных, филантропических, спортивных и клубных.- Вильно, 1914, с.102 (на польск. яз).

школе глухонемых Виленского благотворительного общества обучалось всего 9-10 глухонемых детей. За 20 лет работы К.Молоховец при 5-летнем сроке обучения (3 - на общеобразовательную подготовку и 2 - на профессиональное обучение) в институте и в школе могло быть подготовлено к самостоятельной жизни не более 40 глухих.

Характерно, что и А.Зыгмунт, и К.Молоховец, и профессора Виленского университета - члены упоминавшейся комиссии, знакомые с действовавшими тогда французской ("мимический метод") и немецкой ("чистый устный метод") системами обучения глухонемых, свои проекты и программы не связывали ни с одной из этих систем. Обучение глухонемых А.Зыгмунтом и К.Молоховецом осуществлялось по так называемому "смешанному методу".

Сам факт обучения и воспитания глухонемых в Вильно в первой половине XIX в. следует рассматривать как положительную попытку постановки и решения вопроса об организации учебно-воспитательного дела среди глухих не только в Литве, но и в Беларуси. С другой стороны, обучение глухонемых в Вильно велось не на литовском или белорусском языке, и даже не на русском, а только на польском языке. Это говорит о временной уступке русского царизма политическим и национально-религиозным интересам польских помещиков и католической церкви, которые стремились проводить политику полонизации белорусского и литовского народа, особенно в период, когда попечителем Виленского учебного округа и Виленского университета был польский магнат А.Чарторийский, пытавшийся воссоздать Речь Посполитую в династической унии с Россией в границах 1772г.

Контрольные вопросы и задания

1. Какова роль братских школ Беларуси в привлечении внимания общественности к проблемам воспитания и обучения детей с частичными нарушениями отдельных анализаторов?
2. Охарактеризуйте роль Виленского университета в пропаганде идеи возможности общественного воспитания и обучения детей с особенностями психофизического развития.
3. Постройте схему «Предпосылки становления системы специального образования в Беларуси».

1.4 ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПЕРВЫХ ШКОЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Непосредственно на территории Беларуси открытие первых специальных учреждений для «аномальных» детей относится лишь к концу XIXв., что связано с разорением белорусских земель в ходе частых военных действий, а также реакционной политикой русского царизма в отношении Беларуси, не имевшей своей государственности.

Местные помещики и русский царизм игнорировали национальные

интересы белорусского народа. По определению русских чиновников, белорусские губернии были населены поляками, евреями и русскими (русскими в данном случае называли и белорусов). Католическая церковь в своей борьбе за польскую школу продолжала политику полонизации и окатоличивания белорусов, в то время как русский царизм стремился путем руссификации школы в Беларуси ограничить распространение польско-католического влияния. Политика господствующих классов направлялась на разжигание межнациональной вражды, на "затемнение" населения Беларуси. Об этом писал минский учитель-этнограф А.Е.Богданович в очерке "Педагогические воззрения белорусского народа": "...в интересах господствующего сословия, совокупными усилиями крепостников и услужливого духовенства народная масса отуплялась и подавлялась; критически мыслящие личности из ее среды и вообще люди умственно возвышающиеся над нею безжалостно систематически вырывались из нее. Народ, лишенный своей естественной интеллигенции, принужден был жить по обычаю, по рутине, как жили его предки, безропотно подчиняясь внешним условиям, а не господствуя над ними"¹.

Процесс экономического, языкового и культурного сплочения белорусов протекал в условиях исключительной национальной неоднородности населения на территории Беларуси. Своеобразное расселение разных национальностей усугублялось реакционными административными мерами царского правительства. Одной из них было установление в северо- и юго-западных губерниях России так называемой "черты оседлости" для еврейского населения. В пределах этой "черты" евреям запрещалось проживать в селе. В искусственно перенаселенные евреями города и местечки был усложнен приток белорусов из деревень. Поэтому большинство белорусского населения проживало в сельской местности, в городах же преобладали евреи (до 60% горожан).

Распыленность «аномальных» детей белорусов в сельской местности губительно сказывалась на их судьбе. Если глухонемые и слепые дети русских, польских, да и белорусских дворян и чиновников, проживавших на территории Беларуси, имели хотя бы минимальные возможности быть принятыми на обучение в соответствующие учреждения С.-Петербурга или Варшавы, то «аномальные» дети белорусских крестьян такими возможностями не располагали.

В более "выгодном" положении к концу XIX в. оказались глухонемые дети евреев. Скуденность евреев в городах и местечках обращала внимание еврейских обществ на глухонемых детей.

По данным М.О.Бича, в 1884-1886 гг. на долю еврейской буржуазии приходилось 91% торговых оборотов Минской губернии, 69% - Виленской и 66% - Гродненской губерний. Согласно переписи населения 1897г., 84,5% купцов пяти западных губерний относилось к евреям. В том же году в этих губерниях еврейской буржуазии принадлежал 51% промышленных предприятий фабричного типа. В общей численности пролетариата

¹ Минский листок, 1886, № 61.

несельскохозяйственных занятий белорусских губерний в 1897г. также преобладали евреи [20].

Белорусской национальной буржуазии трудно было овладеть местной торгово-промышленной сферой, т. к. торговля к началу формирования сельской буржуазии (т.е. после 1861г.) находилась уже в руках еврейских капиталистов и крупных землевладельцев, которые в большинстве своем считали себя поляками и русскими.

Наиболее крупным торгово-промышленным центром Беларуси к концу XIX в. стал г. Минск.

Все вышеизложенные факты позволяют понять, почему первым учебно-воспитательным учреждением для «аномальных» детей на территории Беларуси стала **Минская школа глухонемых и заикающихся еврейских детей**, открытая в 1888г. и получившая в свое время широкую известность не только в Беларуси, но и за ее пределами.

Инициатива в организации этой школы принадлежит минчанам Михаилу Яковлевичу Нисневичу (1860-1890гг.) и Софии Осиповне Окунь, в замужестве Нисневич (1863г.-?).

М.Я.Нисневич в 1876г. закончил С.-Петербургское еврейское училище Л.Я.Бермана, совмещая учебу с обучением детей, страдавших глухотой и органическими пороками органов речи. По прибытии в Минск он успешно продолжал практику индивидуального обучения детей с нарушением слуха и речи.¹ Под влиянием знакомства с М.Я. Нисневичем С.О.Окунь, окончившая в 1879г. Минскую женскую гимназию, обратилась к попечителю Виленского учебного округа Н.А.Сергиевскому с прошением о выдаче ей свидетельства на звание домашней учительницы и разрешения открыть в Минске как одном из центров "черты еврейской оседлости" **частное училище для глухонемых и заикающихся еврейских детей** обоего пола. В качестве специалиста по обучению глухонемых детей был представлен М.Я.Нисневич², который в мае 1888г. на заседании Научного общества минских врачей прочел свою "Записку о методе обучения глухонемых разговорной речи" и представил собравшимся свою ученицу - глухую девочку Софью Биргер, прочитавшую вслух слова, написанные на доске. Президент общества Д.А.Стратанович, директор народных училищ Минской губернии Е.Е.Тимофеев и все присутствовавшие выразили М.Я.Нисневичу искреннюю благодарность³. Протокол заседания общества минских врачей был опубликован в местной прессе и содействовал распространению веры в успех открываемого училища. Это положительно сказалось и на решении Минского губернского правления об отпуске из сумм коробочного сбора еврейских обществ по 2000 рублей в год на содержание училища с условием, что С.О.Нисневич возьмет на полное

¹ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.131.

²ЦГИА Литовск. ССР, ф.576, оп.18, д.691, лл.1-4.

³ЦГИА БССР, ф.502, оп.1, д.20.

содержание 9 глухонемых еврейских детей бедных родителей - по одному от каждого уезда Минской губернии.

Первыми кандидатами на обучение в училище С.О.Нисневич оказались глухонемые дети из Ивенца, Горволя, Новогрудка и Бобруйска. Позже прибыли стипендиаты из Слуцка, Пинска, Минска. Официальное открытие училища состоялось 30 сентября, а уроки начались 2 октября 1888г. Училище считалось закрытым учебным заведением, рассчитанным на 50 детей, но, по желанию родителей, в нем могли обучаться и вольноприходящие.

Училище подчинялось Минской дирекции народных училищ. Первоначально оно мыслилось как пятиклассное: две группы приготовительного отделения, первый класс и две группы второго класса. Содержание обучения определялось планом училища и программой учебных предметов: гимнастика органов речи, русский язык, разговор русский, закон еврейской веры и чтение еврейских молитв, арифметика, чистописание, рукоделие для девочек и гимнастика для мальчиков. Все предметы преподавались на русском языке по учебникам, одобренным Министерством народного просвещения. Основными пособиями по русскому языку были "Русская речь" Вольпера, "Русское слово. Городская школа" И.Павлова и "Родное слово" К.Д.Ушинского.

Обучением русскому и еврейскому языку занимался М.Я.Нисневич. Учителем чистописания, рисования и ажурной работы был А.Я. Дайновский. В приемах и способах обучения преподающие руководствовались программами и инструкциями для народных училищ Виленского учебного округа и составленной С.О.Нисневич запиской, придерживаясь "устного, чисто звукового метода", который применялся тогда в русских и в большинстве заграничных школ для глухонемых. Училище имело цель - "доставить глухонемым и заикающимся еврейским детям возможность научиться правильно говорить по-русски и получить законченное элементарное образование".

Однако после года работы Нисневичи пришли к выводу, что "глухонемым детям недостаточно одного только умения объясняться с окружающими, ...что по выходе из школы они должны уметь снискать себе пропитание трудом собственных рук, ремеслом", которое позволило бы им, "не ложась бременем на общество, добиться независимой самостоятельной жизни". На формирование этих взглядов, видимо, оказала определенное влияние работа I съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, который состоялся в Петербурге на рубеже 1889-1890гг. Стремясь осуществить свои планы на практике, С.О.Нисневич уже без мужа, умершего в 1890г., открыла для девочек мастерскую, в которой они под руководством двух мастериц - белошвейки С.Айзенштейн и портнихи Ф.Рубин - учились рукодельным работам: шитью белья, кройке и шитью платьев. Мальчиков же в свободное от занятий время стал обучать резьбе по дереву, гипсовой и лепной работе, позолотному ремеслу скульптор И.Цыпкин. Учителем рисования и черчения был приглашен В.Тюльпанов. Обучение глухонемых языку после

смерти мужа взяла на себя С.О.Нисневич.

На третьем году своего существования училище глухонемых получило уже довольно широкую известность. Спрос на него возрастал, особенно после публикации в газете "Минский листок" (3 июля 1890г.) статьи "Злобы дня", в которой автор восхищенно описывал постановку дела обучения и воспитания глухонемых детей в училище Нисневич, сокрушался ограниченностью масштабов деятельности училища: в нем воспитывалось 9 пансионеров и 6 своекоштных только еврейских детей.

«Куда же девается масса глухонемых детей христиан?» - спрашивает автор, скрывшийся под псевдонимом "Заноза", и продолжает: "По статистическим данным, в одной только Минской губернии насчитывается до 500 глухонемых, из которых могли бы выйти отличные ремесленники, канцелярские чиновники, писцы, артельщики и т.п., и которые теперь живут паразитами". Выход из создавшегося положения автор видел в создании специального общества покровительства глухонемым: "Ах, господа! Мы так много говорим о христианском милосердии, о гуманности даже по отношению к окружающим нас животным. Общество покровительства животным широко распространило свою деятельность, и у нас нет почти города, где бы не было такого общества. Но общества покровительства несчастным глухонемым детям у нас нигде нет, за исключением Москвы и Петербурга. Справедливо ли это? Последовательно ли это?"

Подобные заявления "Минского листка" лишь подогрели и усилили растущее беспокойство родителей глухонемых детей не только белорусов, но и евреев, так как число стипендиатов губернского правления оставалось незначительным, а замещение их происходило лишь в случае отчисления кого-нибудь из училища.

Поток заявлений от родителей глухонемых из разных губерний неоднократно побуждал С.О.Нисневич расширить масштабы деятельности училища за пределы Минской губернии. Но Витебское и Гродненское губернские правления сообщили, что от местного еврейского населения не поступало заявлений об учреждении таких стипендий, а Виленское отказалось от предложения "из-за больших казенных недоимок за еврейскими обществами". Только Могилевское выделило Минскому училищу глухонемых в 1897г. 600 руб., на которые обучалось трое детей из Быховского и Мстиславского уездов. "Расщедрилось" и Минское губернское правление, установив для училища 11 вакансий вместо 9.

"Училище, поставившее себе задачей научить глухонемых, не прибегая к жестам, выразить свои мысли, чувства и желания устной русской разговорной речью, - писала в 1895г. С.О.Нисневич, - вполне оправдывает те надежды, которые на него возлагались. Училище дает своим питомцам законченное элементарное образование; они научаются грамоте, разбирают этимологически и синтаксически, склоняют, спрягают, читают статейки, устно и письменно объясняют содержание прочитанного; учатся закону божию, библии, читают молитвы на древнееврейском языке, знают порядок этих молитв; решают

арифметические задачи на отвлеченные и именованные числа, считают на счетах; получили некоторые сведения по географии и т.д... Благодаря усиленной заботе училища об интеллектуальном развитии воспитанников и религиозно-нравственном их воспитании, как мальчики, так и девочки производят отрадное впечатление интеллигентных, благовоспитанных детей. Под руководством особых учителей достигнуты значительные успехи в обучении черчению, каллиграфии и рисованию. Воспитанники пишут различным шрифтом и бойким канцелярским почерком, рисуют с гипсовых орнаментов группы цветов с тушевкой, наложением теней, в увеличенном виде, составляют проекты для резных работ и др. Мальчики обучаются художественно-столярному и скульптурно-резному ремеслу, а девочки - шитью и кройке платьев и разным изящным рукодельным работам"¹.

Хотя в училище планировался 5-летний срок обучения, первый выпуск учащихся состоялся лишь в 1895г. Среди выпускников было 2 своекоштных и 4 стипендиата. Присутствовавший на выпускном экзамене инспектор народных училищ С.О.Кваснецкий заключил, что выпускники "не приобрели еще навыка читать и разговаривать по-русски настолько, чтобы можно было их свободно понимать и поддерживать с ними какой-либо разговор постороннему лицу о том или другом предмете. Кроме того, они не могут также по возможности складно выражать свои мысли на бумаге. Такого рода недостатки свидетельствуют о том, что учащиеся, предназначенные к выпуску, оказываются недоучками, нуждаются еще в подготовке по чтению, разговорной речи и изложению мыслей на бумаге, и потому... должны быть оставлены в училище еще на 1 год, если не больше (по примеру выпуска в училище глухонемых в С.-Петербурге), для усовершенствования в знаниях". По мнению инспектора, "более или менее свободное знакомство учащихся с разговорной и письменной речью далеко продвинулось бы вперед, если бы они почаще упражнялись практически в русском чтении, разговоре и изложении прочитанного на бумаге"².

С.О.Нисневич также признавала, что "хотя эти воспитанники и знают теоретически весь курс, требуемый программой училища, но им еще недостает навыка в умении свободно пользоваться речью как средством для взаимных сношений с людьми". В рапорте новому директору народных училищ Н.Ф.Акоронко в июле 1895г. С.О.Нисневич выражала надежду усовершенствовать речь и ремесленную подготовку своих учеников, если их оставить при училище ещё на год. И хотя губернское правление не разделяло этого мнения, свой замысел о 8-летнем сроке обучения глухонемых С.О.Нисневич практически осуществила.

Подкупает "симпатичное", по оценке Н.Ф.Акоронко, отношение

¹ ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.131, лл.164-165.

² ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.131, л.191.

С.О.Нисневич к своим питомцам-выпускникам: "За отсутствием в Минске специального общества или учреждения, которое заботилось бы о материальном обеспечении покидающих училище воспитанников, я считаю своей нравственной обязанностью по мере возможности устроить судьбу моих бывших питомцев приисканием дня них постоянного, устойчивого заработка. В пользовании же квартирой и чаем при заведении я им не откажу и на будущее время до минования надобности в моей поддержке".¹ И действительно, С.О.Нисневич была обстоятельно информирована о судьбе каждого из выпускников.

Один из них, Л.Гурвич, в 1898г. успешно занимался в Виленской рисовальной школе, а впоследствии работал литографом. С.Вейсман, Б.Дамская и А.Рубин служили ретушерами у частных фотографов в Минске. С.Биргер, Б.Кугель и Э.Китаевич занимались шитьем. Два выпускника работали столярами, а двое жило пока у родителей до приискания должности.

Деятельное участие принимала С.О.Нисневич в судьбе выпускника А.Рубина, одаренного выдающимися способностями к рисованию. Она добилась ходатайства Н.Ф.Акоронко перед С.-Петербургским училищем технического рисования барона Штиглица о приеме этого юноши в число учащихся, доказывая, что глухота в данном случае не может служить препятствием к успешному обучению его, так как А.Рубин может довольно сносно сговориться с окружающими устно и письменно. Однако в училище Штиглица усомнились в возможностях глухого и отказали в приеме.

Большим событием в жизни Минского училища глухонемых явилось участие его в работе II съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в декабре 1895г. в Москве. Экспонаты училища - работы по графическим искусствам (чистописанию и рисованию), серия скульптурно-резных изделий и рукодельные работы получили одобрение экспертной комиссии. Высоко были оценены эти работы и на Всероссийской художественной выставке в Н.-Новгороде, куда они были пересланы из Москвы. Минское училище глухонемых удостоилось на выставке диплома III степени. Участие в выставках содействовало обмену мнениями и опытом работы с представителями других заведений для глухонемых, начатому С.О. Нисневич ранее (переписка с Л.Н.Модзалевским, директором С.-Петербургского училища глухонемых, о правилах приема детей в училище; А.Д.Благовещенским, директором Варшавского института глухонемых и слепых, об уставе и программе института и др.).

Однако положительная оценка деятельности Минского училища глухонемых в Москве и Н.-Новгороде не помешала губернскому правлению с 1896г. лишить училище трети прежней субсидии, что вынудило С.О.Нисневич сократить расходы на обучение скульптурно-резным работам, чистописанию, черчению и рисованию. Ощувив ограничение средств,

¹ ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.131, л.210.

С.О.Нисневич начала настойчиво добиваться перевода своего училища "в ведение казны" или обеспечения его "устойчивой правительственной субсидией". Но попечитель Виленского учебного округа Н.А.Сергиевский не согласился "дать сему делу дальнейшее движение".

Узнав о том, что 3 мая 1898г. в России учреждено **Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых**, которое занялось сбором сведений о количестве глухонемых и созданием местных отделов попечительства в городах Беларуси - в Минске, Витебске, Пинске, Бобруйске, С.О.Нисневич снова решила ходатайствовать о выдаче Минскому училищу глухонемых ежегодной правительственной субсидии. Этот замысел она отразила в специально разработанном ею проекте плана училища, где оно уже названо "казенным", в новой программе учебных предметов, рассчитанной на 8-летний срок обучения, и в "Смете на содержание казенного училища для глухонемых на 50 человек".¹

В этих документах сделана попытка определить принципы отбора учащихся в школу глухонемых, обосновать необходимость врачебно-педагогического обследования поступающих в училище, необходимость иметь при училище врача-офтальмолога и еще трех учительниц (если в училище будет около 50 учащихся), чтобы устранить ту перегрузку, которая, имела место в Минском училище, где на одного обучающегося приходилось 18 глухонемых, разных по возрасту и уровню успеваемости. В новом проекте плана закреплялся и опыт самого училища по ремесленно-трудовой подготовке глухонемых к самостоятельной жизни.

Директор народных училищ Минской губернии согласился с доводами С.О.Нисневич. Но попечитель Виленского учебного округа и на этот раз не поддержал их. Тогда С.О.Нисневич задумала лично изложить свои планы попечительству о глухонемых и обратилась к градоначальнику С.-Петербурга с просьбой разрешить ей шестидневное пребывание в столице по делу преобразования училища. Однако градоначальник не разрешил ей приезд в С.-Петербург даже на 6 дней "по отсутствию у Нисневич права на жительство вне черты еврейской оседлости". Так неожиданно рухнула последняя надежда С.О.Нисневич исходатайствовать казенную субсидию училищу.

Успокаивало и утешало С.О.Нисневич в этот период сравнительно благосклонное отношение к ней отдельных представителей русской сурдопедагогики и врачей-офтальмологов. Так, М.В.Богданов-Березовский в книге "Положение глухонемых в России" назвал Минское училище "симпатичным по истории возникновения и развития" [30]. "Обозревая деятельность училища, - писал он, - видно, что Софья Осиповна Нисневич сделала не только совершенно все, но даже более того, что может сделать единичная личность для общественного дела и притом такого трудного, как обучение и воспитание глухонемых. Правда, многое еще не кончено, многое надо доделать, но в этом, конечно, не виновата светлая личность этой выдающейся женщины-гражданина".

¹ ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.211, лл. 7, 9-11, 17-20.

Между тем губернское правление ставило училище глухонемых во всё более трудные условия. В конце 1900г. ремесленное отделение в училище было совсем закрыто. Основные предметы учебного курса преподавала сама С.О.Нисневич. Единственной помощницей ей была, по М.В.Богданову-Березовскому, некто госпожа Гехт. Преподавание графических искусств с 1896г. велось выпускником училища А.Рубиным. Ограниченность средств училища сдерживала охват обучением глухонемых и увеличивала число кандидатов в стипендиаты губернского правления. В фондах правления содержатся целые тома прошений и отказов в приеме глухонемых детей в училище С.О.Нисневич. И за каждым прошением видятся живые люди, стремившиеся облегчить посредством грамоты судьбу своих глухонемых детей.

Однако в годы подъема революционного движения и первой русской революции уже невозможно было ожидать притока средств на поддержание училища глухонемых, так как "благотворители", по верному замечанию А.Г.Басовой, перебросили в этот период свои пожертвования на борьбу с рабочим движением [13].

Нарастание революционной ситуации 1905г. в Минске не проходило и мимо училища глухонемых. Боясь разраставшегося движения учащейся молодежи, директор народных училищ Минской губернии, выполняя предписание попечителя Виленского учебного округа, счел не лишним 20 февраля 1905г. секретно предложить и С.О.Нисневич "принять все меры к продолжению занятий" во вверенном ей учебном заведении "и отмечать тех учащихся, которые не явятся к учебным занятиям". 29 апреля 1905г. С.О.Нисневич вынуждена была принять к сведению и другое предписание Н.Ф.Акоронко: "Предлагаю принять все меры к тому, чтобы учащиеся без нужды не ходили, особенно толпами, по многолюдным улицам и площадям, держались возможно дальше от всяких сборищ и, в случае уличных беспорядков, при самом начале таковых немедленно удалялись домой"¹.

В январе 1906г. училище оказалось в критическом положении, так как в депозит губернского правления не поступили суммы коробочного сбора от еврейских обществ. С другой стороны, в училище уменьшилось число своекоштных воспитанников, а за содержание оставшихся в заведении плата поступала весьма неаккуратно. Не имея других источников для содержания училища, Нисневич вынуждена была закрыть его. По завершении 1905-1906 уч. г. С.О.Нисневич попросила дирекцию народных училищ аттестовать ее деятельность на поприще обучения и воспитания глухонемых. В удостоверении, выданном ей 26 июня 1906г., говорилось: "Дано сие от директора народных училищ Минской губернии, за надлежащим предписанием с приложением казенной печати, Софии-Шиме Нисневич с тем, что она состояла содержательницей училища глухонемых в Минске с 30 сентября 1888г. по 1 июня 1906г. и во все время службы свои обязанности по обучению и воспитанию глухонемых детей исполняла с любовью и знанием дела, достигая в большинстве случаев хороших

¹ ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.298, л.24; д.299, л.226.

результатов".¹ Дальнейшая судьба С.О.Нисневич неизвестна.

Но дело, начатое Нисневичами, не было забыто в Минске. Его продолжил Рувим Вульфович Слиозберг (1846-1929гг.).

Имея глухонемого сына, Р.В.Слиозберг около года изучал приемы обучения глухонемых в Кенигсберге, ознакомился с работой некоторых школ для глухонемых в России, а затем семь лет занимался частным обучением глухонемых в Кременчуге. В 1902г. Р.В.Слиозберг переехал в Гомель. Не имея звания учителя, он давал частные уроки глухонемым нелегально. В 1904 г. на квартире Слиозберга проживало 8 глухонемых детей 8-13-летнего возраста из Могилева, Гомеля, Дрибина, Солтановки и Бобруйска. В качестве основного методического руководства при обучении глухонемых он использовал книгу В.И.Флери "Правила преподавания глухонемым искусственного изустного слова".

Хорошо усвоив систему Флери, Р.В.Слиозберг, по заключению инспектора народных училищ Гомельского и Рогачевского уездов Могилевской губернии Триумфова, достиг к этому времени уже достаточно высокого мастерства в обучении глухонемых. Новички, прозанимавшиеся у него от полутора до трех месяцев, "довольно внятно произносили гласные и согласные звуки, слоги и - с сильной цензурой - целые слова, состоящие из небольшого количества слогов, а при помощи мимики даже короткие фразы; ...умеют они, в пределах пройденных звуков, немного писать и считать до 10; разговор с ними и письмо происходит главным образом на жаргоне (здесь: на еврейском языке - И.Б.)". Дети же, обучавшиеся год-полтора, "сравнительно хорошо - в смысле внятности и плавности - произносили все слова, даже начинающиеся несколькими (тремя, четырьмя) согласными, относительно легко схватывали при губной передаче почти все короткие фразы, сносно писали... и считали в пределах первой сотни. Кроме разговора и письма на жаргоне, они знали много слов по-русски, выражающих преимущественно конкретные представления".²

В 1904г. Р.В.Слиозберг, опасаясь, что его деятельность может быть расценена как попытка "тайного обучения" глухонемых, обратился к министру народного просвещения с ходатайством открыть в Гомеле "хедер глухонемых" или частное одноклассное училище глухонемых, в котором обучение русской грамоте будет предоставлено лицу, имеющему установленное звание, а сам Слиозберг будет обучать детей только "механизму русской речи". Однако попечитель Виленского учебного округа усомнился в пользе и целесообразности занятий Слиозберга и предложил предварительно испытать его способности к обучению разговорной речи глухонемых и оценить применяемые им методы при одном из специальных учебных заведений для глухонемых.

Неизвестно, как развивались дальнейшие события, но, по

¹ ЦГИА БССР, ф.458, оп.1, д.378, л.10.

² ЦГИА Литовск. ССР, ф.567, оп.12, д.8294, лл.1-7.

воспоминаниям Л.Л.Фольпа, проживавшего в Минске, он с 1908г. по 1914г. учился в школе Р.В.Слиозберга в Минске. Школа представляла собой сочетание интерната с экстернатом и отличалась от училища Нисневичей тем, что обслуживала детей разных вероисповеданий и национальностей. По данным Л.П.Фольпа, в школе обучалось 12-15 детей; по другим данным, их было около 30. Приходящие ученики обучались в школе за плату 120 руб. в год, а интернатные - за 220 рублей. Дети обучались произношению, письму и чтению, упражнялись в разговорной речи, составлении рассказов и сочинений, изучали 4 арифметические действия в пределах 1000. В обеденный перерыв в теплое время года проводились занятия гимнастикой на воздухе. Обучение велось на русском языке в основном по звуковому методу, но с широким использованием дактилологии и письменной речи. Применение жесто-мимической речи в общении воспрещалось, зато большое внимание уделялось чтению с губ. По утверждению Л.П.Фольпа, в школе не изучался закон божий, но детей знакомили с основными религиозными обрядами. В отличие от училища Нисневичей, в школе Р.В. Слиозберга не изучался еврейский язык, не преподавались и ремесла. О ремесленной подготовке детей заботились родители. Так, Л.П.Фольп после школы два года учился у дантиста и приобрел специальность зубного техника-протезиста. Правда, с учащимися, проявлявшими способность к графическим искусствам, по приглашению Р.В.Слиозберга занимался профессионал-художник. Активной помощницей Р.В.Слиозберга в последние годы существования школы была его дочь Геня Рувимовна (1895- 1941гг.), окончившая Минскую гимназию.

В сроках обучения глухонемых Р.В.Слиозберг опирался на опыт С.О.Нисневич: Л.П.Фольп учился в школе Слиозберга в течение 8 лет, не закончив полного курса в связи с началом империалистической войны. Но школа продолжала работу вплоть до 1919г., когда вместо нее была открыта **Советская школа глухонемых**.

Наряду с Минском и Гомелем важным центром сурдопедагогической практики в Беларуси начала XIX в. был Витебск. Здесь начало обучению детей с нарушением слуха положил выпускник С.-Петербургского училища глухонемых Иван Осипович Васютович (1853-1918гг.).

Родился И.О.Васютович в семье учителя Освейской школы Дриссенского уезда на Витебщине. В 1864г. он окончил Витебское приходское училище (этот факт заставляет усомниться в том, что И.О.Васютович был глухим с детства). Отец И.О.Васютовича, Иосиф Семенович, даже будучи дворянином по происхождению, с трудом добился определения своего сына в училище глухонемых в С.-Петербурге. Иван Васютович был принят в училище в возрасте 12 лет с условием, что по окончании училища отец возьмет его на свое содержание.¹

Поступление И.О.Васютовича в Петербургское училище глухонемых совпало с периодом коренной перестройки всей учебно-воспитательной работы

¹ Ленинград, ГИА, ф.316, оп.1, д.1583.

в нем с тем, чтобы "добиться в училище полного царства устной речи". Цель училища, по уставу 1865г., состояла в том, "чтобы принимаемых глухонемых детей развить умственно и нравственно и, независимо от сообщения им необходимых общеобразовательных сведений, обучить таким техническим занятиям, с помощью коих они могли бы вести самостоятельную жизнь, содержа себя своими трудами и не становились в тягость обществу".¹ Все это отложило отпечаток на характер обучения и воспитания в училище глухонемых, которое И.С.Васютович окончил в 1872г. Из полученного им свидетельства видно, что И.О.Васютович приобрел очень хорошие познания в языке, чистописании и рисовании, хорошие - в арифметике и геометрии, весьма хорошие - в истории и географии, отличные - в законе божьем. Кроме того, он обучался танцам, гимнастике и типографскому мастерству. В свидетельстве особо оговорено, что он "может говорить и слышать довольно хорошо". На основании устава училища И.О.Васютович имел право вступления в гражданскую службу и пользовался по тогдашнему чиновному производству правами выпускников уездных училищ.

В 1872г. И.О.Васютович на средства училища прибыл в Витебск и до 1878г. работал наборщиком в типографии Витебского губернского правления, а затем около 15 лет служил коллежским секретарем. Но служба не удовлетворяла его материальные и духовные запросы. По свидетельству Витебского городского полицейского управления, в 1892г. Васютович уже находился в отставке и числился человеком "состояния крайне бедного", который "имущества как движимого, так равно и недвижимого не имел".

Видимо, в поисках средств к существованию И.О.Васютович в начале 1893г. подготовил проекты плана и программы частной одноклассной школы для глухонемых. Возможно, что в решении открыть школу сыграло определенную роль стремление Васютовича помочь своему глухонемому племяннику Володе Васютовичу.

Однако рассмотрение материалов И.О.Васютовича в дирекции народных училищ Витебской губернии затянулось. При "очень хороших познаниях в языке" Васютовичу все же свойственны были стилистические недочеты, характерные для речи людей с нарушенным слухом: "Покорно прошу Вас, будьте так добры, пожалуйста, поправьте план и программу, чтобы было сократить, а потом я буду переписать на чистой бумаге" и т.п. Вероятно, погрешности стиля И.О.Васютовича насторожили директора народных училищ Д.И.Тихомирова и побудили его обратиться к директору С.-Петербургского училища глухонемых за разъяснением, возможно ли считать И.О.Васютовича "имеющим право учительства в начальных училищах для глухонемых детей". В ответе В.Д.Силовского значилось: "Выпускникам училища право на обучение других глухонемых не предоставлено, в виду чего и бывшему выпускнику училища коллежскому секретарю Ивану Иосифовичу Васютовичу не может быть разрешено

¹ Лаговский Н.М. Петербургское училище глухонемых.- СПб., 1910. с.115, 143-144.

преподавание где-либо в начальной школе для глухонемых, а равно и открытие такового же училища"¹.

Но это не остановило И.О.Васютовича. Дело дошло до Министерства народного просвещения. В 1895г. уже новый директор народных училищ Я.Тарановский признал, что "открытие начальной школы для глухонемых в Витебске вследствие отсутствия таких учебных заведений в Витебской губернии было бы весьма желательно", что "Васютович - человек развитой, и хотя не имеет учительского звания, мог бы с успехом вести дело преподавания в предлагаемом им к открытию училище". В августе 1895г. попечительский совет Виленского учебного округа разрешил, наконец, И.О.Васютовичу открыть и содержать в Витебске **частную одноклассную школу для глухонемых**.

Целью школы, по формулировке И.О.Васютовича, было "нравственное и умственное развитие и правильное школьное образование глухонемых детей". В программе учебных предметов одинаковое время отводилось закону божию, русскому языку, арифметике, чистописанию - по 6 часов в неделю. Главным пособием для учащихся по русскому языку было избрано "Родное слово" К.Д.Ушинского.

Официальное открытие школы состоялось в сентябре 1896г., когда из сумм Министерства народного просвещения удалось исходатайствовать единовременное пособие на первоначальное обзаведение школы в размере 20 рублей вместо просимых 100. Школа обосновалась на квартире И.О.Васютовича, снятой им в крайне убогом доме на самой окраине города в Ивановском переулке. В первый год существования школы в нее поступило 6 глухонемых мальчиков: один православного исповедания, прочие - "иудейской веры". Все они были детьми бедных родителей. Только за одного из них Васютович получал плату по три рубля в месяц. Остальные, проучившись некоторое время бесплатно, были взяты из школы родителями, чтобы не обременять учителя.

В 1897-1898 уч. г. среди 5 учащихся оказалось двое платных, что позволило учителю обучать всех принятых до конца учебного года. Все это время И.О.Васютович существовал за счет небольшой пенсии - 74 рубля в год - и частных уроков, продолжая "осаждать" письмами директора народных училищ и со слезами умолять его о назначении пособия для училища глухонемых.

Атакуемый прошениями Васютовича, директор народных училищ вынужден был обратиться к витебским благотворительному и еврейскому обществам с просьбой оказать помощь Васютовичу, подчеркнув, что содержатель училища, получив воспитание в училище глухонемых в Петербурге и владея "достаточным слухом и умением говорить, имеет при своем хорошем развитии все необходимые знания, подготовку и опытность для того, чтобы с успехом обучать глухонемых детей", что это училище "имеет несомненное благотворительное значение для Витебской губернии", но Васютович не может поддерживать его "без сторонней помощи". И

¹ ЦГИА БССР, ф.2496, оп.1, д.4351, л.372.

далее: "За два года существования школы при самых неблагоприятных условиях 3 ученика, поступив в школу неграмотными, путем мимико-звукового метода обучения были обучены читать печатный и рукописный текст, могли правильно списывать с книги и даже давать краткие письменные ответы на вопросы; обучены были также сложению, вычитанию и умножению: один в пределе 100, а другой в пределе 1000; решали несложные задачи. Все ученики имели некоторые познания из закона Божия и получали постепенное развитие в нравственном отношении". В заключение директор констатировал, что "успехи учащихся оказались весьма значительными и свидетельствовали об усиленных трудах учителя в учебно-воспитательном деле и о редкой его любви к этому делу".

В итоге в 1898г. училищу Васютовича было выделено единовременное пособие в размере 50 рублей благотворительным обществом и ежегодное в размере 100 рублей из сумм еврейского коробочного сбора по г. Витебску.

Ежегодное пособие школе обязывало И.О.Васютовича освобождать от платы за обучение детей бедняков-евреев. Естественно, что в школе стали преобладать учащиеся-евреи. Это "обеспокоило" директора народных училищ, и в январе 1899г. он предложил витебскому губернатору принять меры "к поступлению в училище И.О.Васютовича глухонемых детей христиан, которые живут в нищете и не имеют средств воспользоваться обучением в училище". В связи с этим "забеспокоился" и губернатор. Поводом к "беспокойству" послужили, с одной стороны, усиливающееся внимание ряда учебных округов к крайне печальному положению «аномальных» детей в империи, остающихся, что вынужден был признать и министр народного образования Н.П.Боголепов, без всякого образования и воспитания и лишенных поэтому всякой возможности зарабатывать впоследствии личным трудом необходимые средства. С другой же стороны, это "беспокойство" вызывалось расширением деятельности попечительства о глухонемых, а главное - боязнью самодержавия и православной церкви потерять влияние на местное население.

На основании ходатайства витебского губернатора и заключения директора народных училищ Виленский учебный округ сделал представление министру народного просвещения о необходимости назначения училищу Васютовича как единственному в округе учебному заведению, где могут получать элементарное образование и воспитание глухонемые дети христиан, ежегодного казенного пособия в размере 500 рублей. Однако когда департамент предложил Виленскому учебному округу отнести это пособие на счет сумм, ассигнуемых дирекции народных училищ Витебской губернии, то "беспокоящийся" о глухонемых христианах директор категорически воспротивился этому предложению, ссылаясь на "ущербность такого шага для благоустройства школьных зданий и библиотек, выдачи вознаграждений преподавателям, посылки учителей на курсы садоводства". Попытки передать училище Васютовича под покровительство попечительства о глухонемых также не увенчались

успехом.¹

Вечная нужда заставляла И.О.Васютовича постоянно унижаться, толкала на поиски все новых и новых покровителей и опекунов. К концу 1902г. он получал уже 300 рублей субсидии на поддержание своего училища, в 1908г. - 650 рублей (на 16 учащихся, из которых 12 обучалось бесплатно), в 1916г. - 1450 рублей (на 12 учащихся) от Витебских губернской, уездной и городской земских управ, из сумм коробочного сбора, от Свято-Владимирского братства. К 1917г. у Васютовича обучалось 15 глухонемых (9 мальчиков и 6 девочек). Они распределялись: по вероисповеданию - 8 евреев, 6 православных, 1 старообрядец; по сословиям - 9 из городских сословий, 4 из сельских и 2 детей дворян и чиновников.²

9 октября 1916г. И.О.Васютович отметил 20-летний юбилей своего училища. Как видно из юбилейного отчета, в училище ежегодно проводились испытания для всех детей и экзамены по закону божию для учащихся православного исповедания. На испытаниях дети, обучавшиеся один год, письменно отвечали на вопросы о частях тела человека и временах года, о классной обстановке и т.п.; некоторые учащиеся читали "весьма членораздельно". Многие выпускники вполне удовлетворительно владели устной речью, понимали чужую устную речь. Как подчеркивал И.О.Васютович, их пониманию были доступны даже отвлеченные понятия о вере, молитве и др. Выпускники знали 4 арифметические действия над числами любой величины, быстро и безошибочно производили их, имели понятие о простейших дробях. На экзаменах же выпускники писали отчетливые и вполне осмысленные ответы на предложенные им вопросы, а затем довольно членораздельно читали написанное. За успехи в учебе и примерное поведение учащимся вручались иконки, книги и брошюры религиозно-нравственного содержания.

В училище Васютовича получило первоначальное воспитание и образование более ста глухонемых детей. Но независимо от количества обучавшихся у него, деятельность И.О.Васютовича как педагога является прекрасным примером самоотверженного служения на ниве сурдопедагогики, хотя в условиях царской России он не имел "никакого вознаграждения за 20-летнюю тяжелую и честную службу в деле народного просвещения". Сознывая свой физический недостаток и отсутствие формальных прав на учительскую должность, он не преувеличивал свои возможности, добиваясь открытия лишь одноклассной двухгодичной школы для глухонемых, чтобы помочь им овладеть грамотой и общеупотребительным средством общения - словесной речью. Материалы, отражающие процесс создания плана школы и программы учебных предметов, свидетельствуют о творческом и прогрессивном подходе И.О.Васютовича к организации школы и процесса обучения в ней, в выборе средств и методов обучения детей с нарушением слуха. Учитывая

¹ ЦГИА БССР, ф.2496, оп.1, д.4876, лл.6-9.

² ЦГИА БССР, ф.2507, оп.1, д.1937, л.56.

особенности глухих детей, И.О.Васютович большие надежды возлагал на использование зрительного анализатора в процессе обучения, придавая в связи с этим огромное значение наглядности и индивидуальному подходу к учащимся.

Испытав на себе все "прелести" распространенного в то время "звукового" или "чистого устного метода", И.О.Васютович сознательно игнорировал этот метод и в своей сурдопедагогической практике широко использовал различные виды словесной речи: дактильную (пантомимное - на пальцах - выражение букв), письменную (русскую азбуку в печатном и письменном начертании), устную речь с упором на овладение навыком чтения с губ. Применялась им и мимическая речь по методу Виктора Флери. Наряду с этим в обучении детей языку И.О.Васютович руководствовался рекомендациями К.Д.Ушинского и большое место на уроках отводил письменным упражнениям с целью закрепления усвоенных понятий и расширения возможностей общения глухонемых.

Хорошо владея устной речью и правильно оценивая ее значение для глухонемых, И.О.Васютович, опираясь на подражательные способности учащихся и на собственные остатки слуха, стремился сформировать у детей прочные навыки произношения. По свидетельству учеников Васютовича, при разговоре со слышащими и с учащимися он всегда прикладывал согнутую кисть руки к уху, чтобы лучше слышать собеседника. Характерно, что И.О.Васютович формировал устную речь у глухонемых с целью активного использования ее в речевой практике. Большие надежды в этом отношении он возлагал на "губные рисунки", видимо, прообраз "киношрифта И.А.Васильева".

Все это дает основание заключить, что И.О.Васютович в практике своей работы утверждал передовые идеи русской сурдопедагогики начала XIX в. и фактически выступал против официально одобренной системы обучения глухонемых в России – "чистого устного метода". Возможно, именно этим объясняется так быстро угасшее "желание" председателя комитета попечительства о глухонемых К.К.Мердера "поощрить г. Васютовича" и "забывчивость" директора Петербургского училища глухонемых, посетившего школу Васютовича, но не оказавшего обещанной поддержки в снабжении школы пособиями.

Ограниченность материальных средств затрудняла осуществление замыслов И.О.Васютовича. Намечавшиеся в плане школы мероприятия по физическому и эстетическому воспитанию - "гимнастические упражнения и танцевания" - были немыслимы в холодное время года в помещении, площадь которого едва превышала 1,5 квадратных саженей. Отмеченные А.Г.Басовой попытки И.О.Васютовича организовать трудовое обучение своих воспитанников (рукоделие для девочек и переплетное мастерство для мальчиков), скорее всего, носили пропедевтический и случайный характер [14]. По воспоминаниям З.К.Равина, который учился у Васютовича в 1906-1909гг., в школе никакой ремесленной подготовки не проводилось. То же утверждает и другой воспитанник И.О.Васютовича - В.Н.Рысь из Гродно. Лишь Е.Е.Потоцкий из Витебска, обучавшийся у

Васютовича с 1907г. по 1912г., вспоминает, что один год мальчики по ходатайству И.О.Васютовича 3 раза в неделю с 17 до 19 часов занимались переплетным делом в городском ремесленном приюте вместе со слышащими. Девочки упражнялись в домоводстве, но очень ограниченно: подметали и мыли полы, убирали школу. Не случайно на запрос отдела промышленных училищ, преподаются ли какие-нибудь ремесла в училище Васютовича, директор народных училищ Витебской губернии 1 сентября 1906г. ответил: "Ремесла не преподаются". И в отчете И.О.Васютовича о состоянии училища в 1916г., когда оно находилось в наиболее благоприятных условиях, никаких данных о ремесленно-трудовой подготовке учащихся не имеется.¹

Несомненно, что И.О.Васютович понимал ограниченность двухлетнего курса обучения глухонемых. В практике его работы имели место случаи продления сроков обучения отдельных детей. Так, упоминавшийся уже Е.Е.Потоцкий, сын машиниста, обучался у Васютовича 5 лет за плату по 5 рублей в месяц золотом. Но не многие родители глухонемых могли позволить себе такую "роскошь". Сознвая это, И.О.Васютович настойчиво добивался всевозможными путями включения своей школы в государственную систему народного образования. Однако все эти хлопоты напоминали "глас вопиющего в пустыне".

Школа Васютовича вплоть до Октябрьской революции существовала лишь на средства благотворительности, местных коробочных и земских сборов и мизерную плату за обучение отдельных учащихся. Несмотря на скудность средств на содержание училища и собственное пропитание, Васютович находил возможность организации своеобразного интерната у себя на квартире для 4 детей беднейших родителей из села.

После Октябрьской революции, по рассказам бывших учащихся Васютовича, он развил активную деятельность по вовлечению в школу глухонемых новых учащихся. Однако после одной из поездок по губернии в 1918г. И.О.Васютович скончался, так и не ощутив изменений в деле воспитания, обучения и образования глухих, последовавших после революции 1917г.

Прослеживая процесс становления практики специального обучения и воспитания глухонемых на территории Беларуси в конце XIX в - нач. XX в., нельзя обойти вниманием попытки попечительства о глухонемых привлечь церковь к устройству школ для глухонемых при монастырях Минской епархии. При этом попечительство принимало на себя заботу о подготовке учителей для таких школ. Однако настоятели Минских мужского и женского, Пинского, Слуцкого и Ляданского монастырей, по материалам Минской духовной консистории за 1899-1900гг., отказались от предложения попечительства, ссылаясь на отсутствие при монастырях соответствующих помещений и необходимых для этого средств.²

Под влиянием южаковского "плана всенародного обязательного

¹ ЦГИА БССР, ф.2507, оп.1, д.1937, л.60-61.

² ЦГИА БССР, ф.136, оп.1, д.36756, лл 1-4.

среднего образования", в начале XX в. попечительство о глухонемых широко пропагандировало мысль "о желательности, в зависимости от местных условий, устройства вблизи городов или больших сел особых **школ-хуторов**, в которых глухонемые близлежащего района могли бы обучаться грамоте, устной речи, ремеслам, а главное - сельскохозяйственному труду".¹ В 1900-1906гг. в Минской (Мозырь, Минск, Несвиж, Пинск и др.), Витебской (Двинск, Себеж, Полоцк и др.), Гродненской губерниях на эти цели было выделено свыше 150 десятин земли. Но идеи С.Н.Южакова не оправдали себя и в области сурдопедагогической практики.

Не в лучшем положении в отношении возможности получить хотя бы элементарное образование находились и слепые дети в Беларуси конца XIX в. – начала XX в. В это время первым и единственным учебным заведением для слепых детей было **Минское училище для слепых мальчиков**, открытое в 1897г. местным врачом Иваном Устиновичем Здановичем (1864 – 1915гг.).²

И.У.Зданович - сын преподавателя Минской духовной семинарии, выпускник Минской гимназии, окончил в 1889г. медицинский факультет Киевского университета, изучал массаж и врачебную гимнастику за границей. Работая сначала сельским врачом, а затем врачом Минских богоугодных заведений приказа общественного призрения, И.У.Зданович неоднократно сталкивался со слепыми детьми и уже в 1893г. предлагал минскому уполномоченному главного попечительства о слепых открыть в Минске училище для них. Позже, будучи в Петербурге, Зданович добился согласия председателя Совета попечительства о слепых на устройство такого училища в Минске.

Первоначально на устройство училища слепых было выделено 500 рублей ежегодной субсидии от Минской городской управы и 2500 рублей от попечительства о слепых. По мере сокращения субсидии попечительства о слепых были исходатайствованы ежегодные пособия от Минской и Могилевской губернских управ по делам земского хозяйства, от Виленского, Гродненского и Ковенского губернских распорядительных комитетов и др., что составило свыше 5000 рублей ежегодного пособия. Значительную статью доходов училища составляли сборы в неделю о слепом, кружечные сборы, пожертвования в пользу слепых, доходы от продажи изделий мастерских училища.

Благотворительный характер средств на содержание училища определял и состав учащихся в нем: сначала в училище принимались только слепые дети бедняков-минчан, а позже дети из других губерний Северо-Западного края. Обучение было бесплатным.

В первые годы своего существования училище размещалось на частных квартирах, часто меняя их. Лишь 1 сентября 1900г. оно перешло в собственный дом на участке. Распорядок внутренней жизни училища

¹ЦГИА БССР, ф.1, оп.1, д.3721, лл.1-4; ф.2496, оп.1, д.4322, лл.1-6.

² Минские врачебные известия, 1915, 15 августа.

создавался по образцу Петербургского института слепых, поэтому лица, приставляемые к воспитательному делу, проходили предварительную стажировку в Петербурге.

Первой воспитательницей в Минском училище слепых была Мария Александровна Яхнова, благодаря интеллигентности которой "убежище слепых" превратилось вскоре в "теплый уютный уголок", в котором дети были поставлены в "условия отличного пансионата". Для обучения слепых корзиночному ремеслу был приглашен Иван Егорович Дицков, который помимо знания своего дела "отличался прирожденным педагогически тактом, редкою добросовестностью, аккуратностью и строго воздержанною жизнью" (умер в 1908г.). В целом же педагогический состав училища не отличался постоянством. В 1898г. М.А.Яхнову сменила выпускница педагогических курсов Елена Александровна Барышева. Ее вскоре заменили Василий Алексеевич Макаров и Вера Федоровна Данкевич, но в 1903г. и они уволились. Новый воспитатель Ярослав Осипович Якимович тоже вскоре умер. Это заставляло директора училища И.У.Здановича, кроме общего руководства, заниматься непосредственно воспитанием детей. Правда, с 1904г. бессменными учителями-воспитателями были Иван Васильевич Георгиевский и Константин Станиславович Болтуць. После смерти И.Е.Дицкова обучение корзиночному ремеслу около года велось А.С.Борисовым, а затем - Сергеем Федоровичем Лукачевым. С открытием в 1909г. щеточного производства учителем этого ремесла был приглашен Федор Афанасьевич Малышев.

Число учащихся в училище колебалось от 28 до 33 человек. Они подразделялись на два отделения: школьное - 18-14 детей и ремесленное - 10-19 учащихся (по данным отчетов училища за 1908-1913гг.). Школьное отделение состояло из подготовительного и трех основных классов. Наполняемость их менялась от 1 до 6 учащихся. В связи с этим учителя-воспитатели работали по принципу двухкомплектных школ: то И.В.Георгиевский вел занятия с подготовительным и вторым классом, а К.С.Болтуць преподавал первому и третьему, и наоборот. Позже К.С.Болтуць специализировался на работе с подготовительным и первым классами, а И.В.Георгиевский, будучи инспектором училищ, работал со 2-м и 3-м классами.

Школьное отделение призвано было обеспечить общеобразовательную подготовку слепых. Но судить об уровне этой подготовки трудно, так как программа училища не сохранилась. В отчетах Минского отделения попечительства о слепых говорится, что "учебные занятия велись по программе, принятой в училищах слепых". Однако известно, что даже в Петербурге обучение слепых в разных учреждениях велось по разным программам: в С.-Петербургском институте слепых, находившемся в ведении "Человеколюбивого общества", под влиянием французской тифлопедагогики насаждалась музыкальная специализация учащихся; в училище для слепых, открытом попечительством о слепых, проводились идеи немецкой тифлопедагогики, ограничивавшей общеобразовательную подготовку слепых начальной школой и признававшей возможным готовить слепых только к

ремеслам [245].

Руководство Минского училища слепых, как видно из "Исторической записки" об училище, составленной И.В.Георгиевским в 1912г., считало дело обучения слепых новым, "не совсем ясно разрешенным и за границей", и придерживалось в основном требований и рекомендаций попечительства о слепых, при содействии которого было открыто училище. В число предметов, которые изучались в Минском училище, входили: закон Божий, русский язык, арифметика, гражданская русская история, география и зоология. Большое внимание уделялось пению, преимущественно церковному. Конечной же целью училища была "специализация слепцов в каком-нибудь ремесле". Это и служило доминирующим началом в обучении и воспитании слепых детей.

Судя по отчетам Минского отделения попечительства о слепых, его мало интересовала учебная работа и состояние общеобразовательной подготовки учащихся. Лишь в сентябре 1911г. на общем собрании членов отделения рассмотрено предложение Совета попечительства об учреждении при Минском училище слепых педагогического комитета для рассмотрения вопросов учебно-воспитательного характера. В центре внимания Совета попечительства стояли проблемы изыскания мер для оживления в обществе интереса к деятельности попечительства о слепых и усиления притока пожертвований, вопросы финансово-хозяйственной деятельности училища. Да и сам директор училища занимался преимущественно хозяйственной деятельностью: приобретением земельной собственности с целью расширить территорию училища (в 1907г. усадьба училища уже занимала 2600 кв. сажен вместо 1616 в 1900г.), благоустройством территории училища (на месте бывшего пустыря появился сад), устройством водопровода, строительством здания для мастерских, бани, ледника, теплой уборной, магазина для продажи изделий слепых, оборудованием электроосвещения. Масса времени и средств (около 13000 руб.) затрачено на строительство церкви, что более двух лет постоянно отвлекало внимание от непосредственных учебных задач училища не только К.У. Здановича, инициатора этой затеи, но и учителей-воспитателей, и преподавателей ремесел. В 1912г. училище располагалось в пяти деревянных домиках барачного типа.

Рабочий день учащихся начинался и заканчивался молитвой. В 9 часов школьники шли "на грамоту", а ремесленники - в мастерские. С 12 до 14 часов учащиеся обедали и отдыхали. Затем начинался второй урок. С 16 до 17 часов чаепитие и отдых, а с 17 часов 30 минут все без исключения воспитанники два часа занимались ремеслом в мастерских, после чего ужинали и до 9 часов вечера располагали "приватным" временем (обычно в это время дежурный воспитатель читал детям книгу, не имеющуюся в брайлевской печати). Распорядок дня училища подчеркивает направленность всей работы в нем на ремесленную подготовку слепых. Причем участие воспитанников школьного отделения в работе мастерских рассматривалось руководителями училища как средство возмещения фребелевских занятий, которые редко проводились в Минском училище слепых, потому что учителя-воспитатели, "кроме прямых обязанностей по обучению и

воспитанию слепых, имели немало других дел по училищу и церкви".

В отличие от "школьников", "ремесленники" трудились в мастерских по 7 часов ежедневно, кроме выходных, овладевая профессией корзиночника или щеточника. Учащиеся систематически изучали преподаваемое ремесло, начиная от резки упаковочных палочек до изготовления всевозможной дачной и комнатной мебели. "Ремесленники" распределялись по мастерским примерно поровну, но корзиночное ремесло предпочиталось щеточному: "...занимаясь корзиночным делом, слепец прилагает к нему все свои физические и душевные способности и силы, тогда как в щеточном все почти дело сводится к механической наборке щеток; кроме того, слепец-корзинщик может существовать своей работой независимо от училища и вообще от зрячих, между тем как щеточник неотделим от мастеров зрячих".

Срок обучения в ремесленном отделении был неограниченным. Одни учащиеся выпускались из училища через 2-3 года пребывания в ремесленном отделении. Большинство состояло учениками-ремесленниками 5-6 лет, а такие как А.Пекарский (из Новогрудского уезда) и А.Козел (из Брестского уезда), поступившие в училище в 1900г. и 1899г., в списках учащихся за 1913г. все еще числились ремесленниками. Видимо, содержание и сроки ремесленной подготовки в училище определялись не педагогическими соображениями, а стремлением получить дополнительные средства на содержание училища за счет учащихся ремесленного отделения.

Продажа изделий в мастерских училища от года к году приносила все большие доходы. Если в первые годы существования училища выручка от продажи изделий слепых составляла несколько десятков рублей, то в 1913г. она достигла 3290 руб. Училище не только удовлетворяло частные заказы, но выполняло и казенные подряды: в большом количестве поставляло ерши для мытья стеклянной посуды в винные склады Минской и Ковенской губернии, половые щетки, ерши для чистки ламповых стекол, ручной мойки для Полесских железных дорог. Между тем мастерские училища были так тесны, что некоторым воспитанникам негде было сесть, а получившие доступ в работу своим тесным соседством чрезвычайно мешали друг другу.

В погоне за производительностью труда в мастерских и в хлопотах о религиозно-нравственном воспитании учащихся училище мало внимания уделяло общеобразовательной подготовке детей. Об этом говорят сведения об успеваемости учащихся школьного отделения. Так, в 1908г. из 18 "школьников" шестеро оставлено на повторный курс, в 1909г. из 13 - двое, в 1910г. из 12 - четверо, в 1911г. из 13 - четверо, в 1912г. из 13 - шестеро, в 1913г. из 14 учащихся оказалось пятеро второгодников. Правда, второгодничество объяснялось крайней недоразвитостью вновь принятых воспитанников, их болезнями, "желанием воспитателей непосредственно понаблюдеть за образованием их характера". Задержки ряда третьеклассников на повторный курс вызывались и недостатками их физической подготовки к прохождению ремесленного курса.

Свободное время воспитанников администрация училища старалась заполнить "полезными делами и разумными развлечениями". Наибольшим вниманием пользовалось церковное пение. Хор учащихся, организованный

инспектором И.В.Георгиевским при участии учителя К.С.Болтуца, участвовал во всех совершаемых в церкви богослужениях. Кроме прикладного значения, он служил, по оценке И.У.Здановича, "источником неиссякаемого удовольствия для самих слепцов", которые с громадным усердием разучивали сложное узорочье родной церковнопевческой старины". Разучивание различных нотных произведений происходило преимущественно с голоса, так как учителя по недостатку времени не могли заняться переложением нотных произведений с обыкновенной пятилинейной системы на брайлевскую, изучавшуюся в училище. Песенный репертуар училища составляли в основном старинные русские церковные мотивы в переложении композиторов Архангельского, Калининкова, Кастальского, Толстякова, Чеснокова, и в меньшей мере светское пение. Вокальная музыка принаравливалась опять-таки к потребностям церковного певца. При этом большое внимание уделялось усвоению знаменного, болгарского, киевского и иных древних напевов, а также изучению произведений церковной музыки XX века. Планировалось пригласить в училище для занятий со слепыми просвещенного музыканта, который смог бы привить учащимся тонкое понимание инструментальной музыки, несовместимое с прикладным ремеслом музыканта-скрипача или тапера по увеселительным заведениям.

Нередко практиковалось бесплатное посещение слепыми оперных спектаклей в Минском театре, концертов местных и заезжих певцов и музыкантов. Интересно, что один из вечеров К.С.Болтуць - соученик и приятель Якуба Коласа - посвятил белорусской поэзии. По воспоминаниям выпускника училища слепых И.М.Волчка, учащиеся с огромным удовлетворением слушали чтение Я.Коласом своих стихов на белорусском языке, хотя обучение в училище велось только на русском.

В основном же внеурочное время воспитанники проводили в стенах училища, занимаясь чтением книг, изучением нотных произведений по системе Брайля, игрой в лото, на гармониках, гуляли и играли в саду училища, беседовали друг с другом и с воспитателями. Некоторые из воспитанников помещали свои литературные опыты в местных периодических изданиях, другие, имея небольшое пособие от родителей, обучались в местной музыкальной школе игре на скрипке.

К 1914г. училище выпустило 16 воспитанников. Их дальнейшая судьба сложилась следующим образом:

- С.Боцян устроился учителем корзиночного ремесла в народном училище Ошмянского уезда, за что имел готовую квартиру с отоплением и получал по 10 руб. в месяц. Дополнительно занимался корзиночным ремеслом. Женился;

- Г.Маковецкий работал преподавателем ручного труда в Минском губернском приюте и получал по 15 руб. в месяц. Собственными трудами приобрел домик, женился, имел двоих детей;

- А.Трофимук, склонный к интеллигентному труду, работал помощником учителя в Минском училище слепых, за это получал от училища стол. На остальные жизненные потребности зарабатывал пением в церкви и плетением из камыша сидений для стульев;

- М.Верженский, слабовидящий, устроился кассиром в торговой фирме Полоцка;
- А.Капуста, корзинщик, жил своим трудом в Сибири;
- М.Белявский был принят в училище в 20 с лишним лет, овладел корзиночным ремеслом и проживал этим трудом. Между делом торговал газетами;
- П.Куликовский жил в Минске с матерью, зарабатывал корзиночным и щеточным ремеслом;
- К.Прутик по выпуску из училища получил психическое расстройство и жил при отце в Новогрудке;
- М.Романовский поселился в Супрасльском монастыре в качестве щеточника и звонаря.

Остальные выпускники сдельно работали в мастерских училища слепых, проживая на частных квартирах. В мастерских они зарабатывали по 12-15 руб. в месяц, из которых платила по 4 руб. за пищевое довольствие при училище (обед, ужин и 2 раза чай с хлебом и бубликом). Дополнительно они получали по 4-5 руб. в месяц за участие в хоре церкви, построенной при училище.

Практически вся жизнь выпускников, работавших в мастерских, протекала в училище, где они находили удовлетворение своим материальным и духовным запросам. "Внешний же мир, по признанию И.У.Здановича, оказывался для них средою тяжелою: за стенами училища они или наталкивались на эксплуататоров своего труда или же на людей, хотя и сердобольных, но считающих понятия "слепой" и "нищий" синонимами". Отсюда напрашивалась необходимость организации "разумной помощи вышедшим из училища слепым". И.У.Здачович и И.Б.Георгиевский видели средство такой помощи в устройстве при училище общежития для тех выпускников, которым трудно обосноваться вне стен училища. Это общежитие "служило бы для слепых выпускников-подростков преддверием к более или менее самостоятельной жизни, а для слепцов богаделенного типа пунктом их тяжелой жизни". Общежитие должно было иметь свои особые помещения, так как "совместная жизнь взрослых и школьников приносит вред и тем и другим: первых озлобляет необходимая и одинаковая для всех живущих в училище школьная дисциплина, вторые же поддаются нежелательному влиянию взрослых слепцов и с большой готовностью перенимают их слабые стороны"[204].

Реализовать эти планы училищу не удалось. С каждым годом оно все больше "страдало своею маловместимостью", не было места даже для приема слепых мальчиков, нуждающихся в обучении. Обучение слепых девочек вовсе не практиковалось в Беларуси в начале XX в. Их права на обучение в училище слепых признавались лишь на словах. Пожертвованные некоей Буяковой 3.Ю. 3000 рублей на устройство при училище отделения для девочек более 10 лет хранились в Русско-Азиатском банке без использования по назначению. Увлеченные строительством и оборудованием церкви, магазина по сбыту изделий слепых, руководители училища "забывали" о слепых девочках.

В училище обучались мальчики в основном православного исповедания. Дети других вероисповеданий принимались ограниченно: в 1912г. среди 32 учащихся было трое католиков и 1 еврей [204].

После смерти И.У.Здановича училище возглавил И.В.Георгиевский. В связи с тем, что Минск в период первой мировой войны стал прифронтовым городом, училище слепых 8 сентября 1915г. было эвакуировано в г. Мещевск Калужской губернии со всем персоналом, кроме священника. Оно разместилось там, по воспоминаниям И.М.Волчка, в собственном доме И.В.Георгиевского и возвратилось в Минск лишь в 1919г. вскоре после освобождения города от кайзеровских захватчиков.

Специальных учебно-воспитательных учреждений для умственно отсталых детей в нач. XIX в. в Беларуси не существовало. Лишь некоторые из таких детей приобретали начатки знаний в детских приютах и домах призрения, имевших школьные отделений. Подобное имело место в детском приюте г. Витебска. В программе учебного заведения, открытого при приюте в 1849г., говорится: "Дети более успешные могут объяснять все 40 картин (по священной истории), другие - менее, судя по возрасту и способностям". Это требование-рекомендация распространялось и на усвоение материала по арифметике, географии, истории и другим учебным предметам.¹ В учебном заведении числилось 20 девочек 8-15 лет. Их учителем был И.И.Лешко. Аналогичные примеры были и в приютах Могилева, Минска, Гродно.

Царскую администрацию на местах мало интересовали проблемы воспитания «аномальных» детей вообще и умственно отсталых в частности. Получив в 1853г. сообщение преподавателя Рижского училища глухонемых Фридриха Пляца об открытии заведения для исцеления и образования слабоумных, генерал-губернатор Могилёвский, Витебский и Смоленский П.Н.Игнатъев ограничился лишь рассылкой по губерниям присланных ему экземпляров проекта заведения, не придав никакого значения тому, что в России родилось первое учреждение для умственно отсталых детей.² Правда, с началом издания журнала "Народное образование в Виленском учебном округе" (1900-1915 гг.) в нем периодически публиковались информационные материалы о практике обучения "слабых и неразвитых в умственном отношении детей" в Германии, о призрении "детей-идиотов и эпилептиков" в Москве, о подготовке учителей для занятий с «ненормальными» детьми в Нью-Йорке, о психопедологическом институте в С.-Петербурге и т.п.

Отсутствие вспомогательных школ в Белоруссии побуждало ряд выпускниц гимназий, работавших домашними учительницами, к частным индивидуальным занятиям с "малоуспешными" и "неуспевающими" у себя на дому, о чем свидетельствуют специальные объявления в газетах и архивные материалы. Так, большой интерес к работе с умственно отсталыми детьми проявила минчанка В.И.Волынская. Она прошла подготовку на курсах общества воспитательниц и учительниц в Москве, где участвовала в

¹ ЦГИА БССР в Минске, ф.2548, оп.1, д.494, лл.112-113.

² ЦГИА БССР в Минске, ф.2548, оп.1, д. 674, лл.12, 17.

практических занятиях с умственно отсталыми детьми во вспомогательной школе и в Институте экспериментальной психологии и педагогической патологии, созданном Г.И.Россолимо. В 1914г. она добилась разрешения открыть в Минске детский сад и начальную школу, но дальнейшая судьба ее замыслов неизвестна.¹

Таким образом, практика воспитания и обучения «аномальных» детей на территории Беларуси в конце XIX в. - начале XX в. прокладывала себе дорогу с большим трудом. Причиной этому была политика царского правительства в области просвещения. Перепоручив "заботы" о людях с отклонениями в развитии филантропическому "Ведомству императрицы Марии Федоровны", правительство фактически самоустранилось от дела воспитания и обучения «аномальных» детей. Правила приёма в открывающихся училищах для «аномальных» детей ущемляли национальные и религиозные интересы населения. Примеры этого мы видели в преимущественном приеме детей православного исповедания в Минское училище слепых, в Витебское училище глухонемых, в отказе принимать православных в Минское училище для глухонемых и заикающихся еврейских детей.²

Созданные в системе Мариинского ведомства специальные попечительства о слепых (1881г.) и глухонемых (1898г.) сумели в некоторой мере привлечь внимание общественности к нуждам слепых и глухонемых, но вся их деятельность строилась на средства благотворительности, которая не отличалась постоянством и щедростью, что метко выражено в белорусской пословице: "Бачыш, які пан тараваты, сам ракі паеў, а юшку ўбогім аддаў".³ Неслучайно под свое покровительство попечительства о слепых и глухонемых брали только учреждения, обеспеченные финансами.

Специальные учреждения для слепых, глухонемых и заикающихся детей в Беларуси были открыты лицами, руководствовавшимися гуманным отношением к «аномальным» детям, по образцу и под влиянием уже существовавших училищ в России, но с учетом местных возможностей и условий. Обучение и воспитание «аномальных» детей в данных учреждениях осуществлялось в духе теории "православия, самодержавия и народности". Особенно усердно эта линия проводилась в Минском училище слепых, которое постепенно превращалось из учебного заведения в призренческую организацию попечительства о слепых. Оно как бы стремилось буквально выполнить циркуляр департамента полиции от 22 июня 1909г., в котором напоминалось губернаторам, что "выдача паспортных книжек не имеющим средств к жизни калекам и другим лицам, не могущим снискать пропитание трудом", воспрещается. Упомянутый циркуляр был вызван тем, что "в

¹ ЦГИА БССР в Минске, Ф.458, оп.1, д. 674, лл.12, 17.

² ЦГИА БССР в Минске, Ф.458, оп.1, д. 211, л.27.

³ Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалагізмы / Склаў Ф.Янкоўскі.- 2-е выд.- Мінск, 1962, с.307.

столицу являлось значительное число калек, убогих и вообще лиц, эксплуатирующих нищенством свои физические недостатки.¹

В единичных специальных учреждениях для «аномальных» детей в Беларуси обучалось от 12 до 35 учащихся в то время, когда согласно "Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897г. в белорусских губерниях было свыше 7 тыс. «аномальных» детей: 2,5 тыс. дошкольников (0-9 лет) и около 5 тыс. человек школьного возраста (10-19 лет). Допуская временную возможность воспитания «аномальных» дошкольников в семье, следует признать совершенно ненормальным положение «аномальных» детей школьного возраста (2379 глухонемых, 688 немых, 868 слепых и 1048 "умалишенных"), нуждавшихся в срочной специальной педагогической помощи.² Для обеспечения этой возможности Белоруссия в нач. XX в., если применить расчеты, проведенные в 1913г. Е.С.Боришпольским, должна была располагать специалистами по обучению глухонемых, слепых, умственно отсталых детей и детей-логопатов в количестве 260-500 человек (по 10-20 учащихся на одного учителя) и соответствующей учебно-материальной базой [34]. Однако царская учебная администрация этим проблемам не уделяла должного внимания, в результате чего основная масса «аномальных» детей Беларуси, как и России в целом, оставалась неграмотной, не подготовленной к жизни и обрекалась на нищенство.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему Минск, Витебск и Гомель оказалась центрами становления дефектологической помощи «аномальным» детям в Беларуси в конце XIXв.?
2. Охарактеризуйте деятельность первых на территории Беларуси дефектологов, оцените их вклад в развитие практики воспитания и обучения детей с различными отклонениями в развитии.
3. Определите достоинства и недостатки первых образовательных учреждений для «аномальных» детей на территории Беларуси.
4. Как вы думаете, каковы были причины, сдерживающие процесс развития учебно-воспитательной помощи детям с отклонениями в развитии в Беларуси конца XIX-нач.XXвв.?

¹ ЦГИА БССР в Минске, ф.2496, оп.1, д.4351, л.323.

² Изучение аномального ребёнка и совершенствование учебно-воспитательного процесса в специальных школах.- Минск, 1975, с.11-12.

2. СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ (1919-1940 ГГ.)

2.1 ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В БССР

После октябрьской революции 1917 г., буквально с первых дней своего существования, новая власть в лице Советского правительства приступила к созданию системы образования, которая должна была воспитать подрастающее поколение в духе идеологии социализма. Не осталась без внимания и проблема воспитания и обучения «аномальных» детей.

Постановления центральных органов Советской власти, определявшие основные принципы становления советской специальной школы в 1917-1920гг., полностью распространялись и на территорию Белоруссии. Однако реализация социалистических принципов заботы об «аномальных» детях в Белоруссии тормозилась оккупацией ее территории сначала немецкими империалистами (февраль – декабрь 1918г.), а затем – белополяками (август 1919г. – июль 1920г.).

Лишь в 1919г. правительством республики был принят «Декрет о реорганизации школьного дела». В межоккупационный период (апрель 1919г.) в состав учреждений, находившихся в непосредственном подчинении Народного комиссариата просвещения (НКП), была включена вернувшаяся из эвакуации Минская школа слепых. В июне 1919г. газета «Звезда» известила население республики об открытии в Минске первой Советской школы глухонемых. 19 июня 1919г. вопрос об организации школы для «дефективных» детей с детским садом и интернатом рассмотрен Борисовским отделом народного образования¹.

По линии Наркомпроса РСФСР открылись **школа глухонемых** (февраль 1920г.) и **вспомогательная школа в Витебске** (октябрь 1920г.), **детские дома для умственно отсталых детей в Гомеле** (март 1920г.) и **в Могилеве** (февраль 1921г.). В июне 1921 г. создан «**детский дом для дефективных детей**» №22, в котором находились умственно отсталые еврейские дети.

Для определения необходимой сети учреждений для «дефективных» детей НКП БССР приступил к регистрации таких детей в возрасте от 4 до 15 лет.² В 1923-1924 уч. г. начались поиски приемлемой системы учреждений для «аномальных» детей БССР.

Так как помещение детдома №22 было перегружено, а умственно отсталые дети белорусов и поляков, выделенные из детских домов г.Минска, временно находились во флигеле детдома №2, коллегия НКП БССР в июле 1923г., заслушав доклад Минского горОНО, постановила создать при

¹ ГИА Минск. обл., ф.324, оп.1, д.2, лл.77-78.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.15, лл.18-19; Савецкая Беларусь, 1921, 6 студз.; М. Львова, 1928.

Наркомпросе БССР интернациональный детский дом общереспубликанского масштаба.¹ 2-й съезд инспекторов Соцвоса БССР в сентябре 1923г. просил расширить учреждения для «дефективных» детей для полного охвата ими всех нуждающихся в специальном обучении и ускорить организацию «центрального интернационального дома для умственно отсталых детей».²

Приглашенный из Москвы в 1923г. на должность заведующего Минской школой слепых тифлопедагог Петр Никанорович Захаров предложил дифференцированную систему учреждений для детей с нарушением зрения, которая должна была дать таким детям «правильное воспитание, общее и профессиональное образование и подготовить их к самостоятельной социально-полезной жизни».³ Эта система включала в себя детский дом для детей 4-7 лет, пятилетнюю школу I ступени, трехлетнюю школу II ступени, профтехшколу, школу для детей с ослабленным зрением и школу для слепых умственно отсталых детей. При этом П.Н.Захаров допускал, что в условиях БССР профтехшкола и школа для слепых умственно отсталых детей могли представлять собою единое целое с восьмилетней школой I и II ступени: менее способные дети по окончании школы I ступени продолжали бы обучение в профтехшколе, а наиболее способные – в школе II ступени.

В марте 1924г. ленинградский сурдопедагог Николай Дмитриевич Языков, прибывший на должность заведующего Минской школой глухонемых, составил проект восьмилетней школы-интерната для глухонемых детей с детским садом при ней. В I – V классах (группах) предлагалось изучение теоретического курса, а в VI – VIII – ремесленно-практического.

Однако НКП БССР не разделил всех предложений П.Н.Захарова и Н.Д.Языкова, считая многие из них преждевременными в связи с ограниченностью материальных возможностей республики. Настороженное отношение к ряду предложений П.Н.Захарова и Н.Д.Языкова объяснялось тем, что в БССР, по заключению главного инспектора Соцвоса НКП БССР И.П.Кореневского, «пока не было ясной школьной системы». Обсудив достоинства и недостатки систем образования в РСФСР (9-летняя школа) и в УССР (7-летняя школа), II съезд инспекторов социального воспитания БССР высказался за введение в БССР школьной системы Украины «как более соответствующей пролетарским интересам и более подходящей к экономическому положению края».⁴

На дальнейшую работу по созданию системы учреждений для «аномальных» детей в БССР значительное влияние оказали рекомендации II Всероссийского съезда социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) (1924 г.). В результате многократных обсуждений в отделе СПОД, в Главсоцвосе и на заседании коллегий в 1924 – 1925гг. в Наркомпросе БССР сложилось единое мнение о типах учреждений для «дефективных» детей:

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1179, лл.50-51.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.606, лл.22, 28.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.805, л.105.

⁴ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.606, л.25.

а) **детский дом для слепых детей** в возрасте 5-17 лет включительно для развития и воспитания ориентировочных способностей и приобретения ими определенной квалификации, необходимой в жизни;

б) **детский дом для глухонемых детей** в возрасте 5-17 лет включительно для развития социально-полезных навыков, изучения речи во всех ее формах (говорить, читать, писать и понимать написанное) и для приобретения соответствующей квалификации, которая дает возможность глухонемому быть полезным соучастником трудового общества;

в) **дом умственно отсталого ребенка** для детей в возрасте 5-17 лет включительно для социального воспитания и приобретения необходимой квалификации теми детьми, которые имеют заметные отклонения от нормы в умственной сфере и которые в своем развитии могут поддаваться только медико-педагогическому влиянию;

г) **институты социального перевоспитания слепых, глухонемых или умственно отсталых**, которые, кроме воспитания детей соответствующей категории, ведут специальную научно-исследовательскую работу по изучению психологических особенностей и методов педагогического влияния на детей определенных категорий.¹

Эти учреждения должны были представлять собою своеобразные комплексы: детский сад, дошкольную группу или подготовительный класс, школы I ступени с увеличенным по сравнению с массовой школой сроком обучения, классы профессионально-ремесленной подготовки. Однако в своей практической деятельности по созданию и совершенствованию системы учреждений для «дефективных» детей Наркомпрос БССР всё же отдавал предпочтение не детским домам как типу учреждений, а институтам (для слепых, глухонемых, умственно отсталых детей).

Стремясь экономно и продуктивно использовать ограниченные материальные средства и малочисленные кадры специалистов-дефектологов, уездные отделы народного образования все чаще и настоятельнее предлагали организовать общереспубликанские учебные заведения для «дефективных» детей, способные охватить всех нуждающихся в специальном воспитании и обеспечить их квалифицированное обучение. Учитывая это и намереваясь создать показательные учреждения для дефективных детей, НКП БССР после укрупнения территории республики в 1924г. осуществил *реорганизацию структуры действующих школ и детских домов.* Так Минская и Витебская школы глухонемых в мае 1925г. были переведены в г.Мстиславль Калининского (Климовичского) округа (ныне Могилевская обл.). Минский детский дом №22 и Могилевский детский дом имени К.Д.Ушинского для умственно отсталых детей в декабре 1925г. были слиты с Витебской вспомогательной школой. Новые учреждения, которые, по замыслу Наркомпроса БССР должны были разрабатывать методические вопросы сурдо- и олигофрепедагогики, были названы Белорусскими институтами глухонемых и умственно отсталых детей.²

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.239, л.22; д.318, лл.124-125.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.129, л.38; ф.101, оп.1, д.2776, лл.47, 54, 65.

Мстиславский институт глухонемых был рассчитан на 120 воспитанников. Он состоял из детского сада на 25 человек в возрасте 6-8 лет и школы с восьмилетним сроком обучения.

Витебский институт умственно отсталых детей также был интернатным заведением, рассчитанным на 80 воспитанников, включая группу дошкольников и 20 приходящих учащихся. Обучение в нем было шестилетним.

Минскую школу слепых с профессионально-ремесленным уклоном также намечалось перевести в более просторное помещение с расширением контингента учащихся до 50 человек и удлинением срока обучения до восьми лет. В ней уже действовали группы для слепых дошкольников.

Таким образом, в БССР в 1925 г. было положено начало общественному дошкольному воспитанию почти всех категорий «аномальных» детей.

Выполняя постановление ЦИК и СНК БССР от 7 апреля 1926г. о введении всеобщего обязательного обучения детей от 8 до 11 лет, был составлен трехлетний план расширения сети спецшкол, которым предусматривалось открытие новых учреждений для умственно отсталых детей в Минске и Бобруйске (на местном бюджете) и школы глухонемых на 60 человек в Могилеве.

Наиболее интенсивно в этот период развивалась сеть учреждений для умственно отсталых детей. Так в 1925г. в Гомеле при детском доме имени Н.И.Пирогова открылись: вспомогательная школа на 35 человек, 6 вспомогательных групп на 106 человек при школе первой ступени имени М.И.Калинина, а в 1929г.- третья школа для умственно отсталых детей. В Минске в 1925г. при школе №31 начала работу растущая вспомогательная школа для приходящих детей. В Бобруйске в 1930г. Юндом реорганизуется в дом для умственно отсталых «детей-имбецилов». Большинство этих учреждений было укомплектовано в основном умственно отсталыми детьми, выявленными в детских домах республики. По данным же статистики того времени, в общеобразовательных школах БССР умственно отсталые дети составляли не менее 2%. Они резко увеличивали число второгодников и нуждались в специальном обучении.¹

Значительная часть детей с нарушением зрения из Витебского, Калининского (Климовичского) и Гомельского округов обучалась по соглашению с органами народного образования РСФСР в Смоленской школе слепых. Летом 1929г. Минская школа слепых в поисках лучших условий для жизни, учебы и работы переводится на станцию Красный Берег (между Жлобином и Бобруйском), а затем в г. Могилев.²

По линии Народного комиссариата здравоохранения БССР в конце 20-х годов уделялось большое внимание организации **логопедической помощи** детям и взрослым БССР. Психоневрологический кабинет при клинике

¹ Асвета, 1927. - №1. - с.13.

² ГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.309, л.37; д.1795, л.55.

нервных болезней в Минске в 1927г. был преобразован в **диспансер**, при котором в 1928г. создан **логопедический кабинет**. Диспансеры с логопедическими кабинетами намечалось открыть и в других городах республики. В 1930г. НКП БССР установил должности инструкторов по исправлению речи у детей во вспомогательных школах. В это же время встал вопрос об организации в Мстиславском институте глухонемых группы «афатиков» – детей, утративших речь после перенесенных заболеваний, и детей с задержкой развития речи.

Благоустриваясь, учреждения для «аномальных» детей постепенно расширяли контингент воспитанников. В 1929-1930уч. г. в Белорусском институте умственно отсталых детей в Витебске намечалось увеличить прием детей до 100 человек, а в 1930-1931уч. г. – до 130. В институте глухонемых в Мстиславле в 1929г. обучалось 170 детей.

Тем не менее институт глухонемых, будучи растущим и единственным в БССР учреждением для детей с нарушением слуха, не справлялся с задачами всеобща таких детей: в 1925-1926уч. г. институт получил от родителей глухонемых и немых детей 70 заявлений на 25 вакансий, в 1927-1928уч. г. – 140 ходатайств на 15 мест в детском саду, в 1927-1928 уч. г. – 174 просьбы о зачислении детей в институт. Поток заявлений продолжал расти. В связи с этим в 1930-1931уч. г. при Мстиславском институте была открыта четырехгодичная школа для глухонемых переростков. Открытие же новых учреждений для детей с нарушением слуха и речи тормозилось сложными материальными условиями молодой республики.

В связи с постановлением СНК БССР 1927г. «О порядке введения всеобщего обязательного обучения» активизировалась работа по всеобщему «аномальных» детей (особенно в 1933 – 1937гг.).¹

Чтобы ликвидировать неграмотность среди слепых, в 1933г. была открыта **Всебелорусская школа для слепых подростков** на 50 человек при Могилевской школе слепых, которая в 1934 г. была преобразована в неполную среднюю. Контингент учащихся Могилевской школы слепых возрос до 100 человек. Ее заканчивали и многие выпускники школы слепых переростков.

Широкое развитие в 1933–1937гг. получила **сеть школ для детей с нарушением слуха**. В 1936г. уже работали школы глухонемых в Гомеле, Минске и Витебске, в д. Голошево Витебской области, в г. Бобруйске. Позже открылась Старосельская школа на Витебщине, Поплавская – в Березинском районе Могилевской области, Полесская – под Туровом, школа в урочище Боровая под Минском и др. В каждой из них обучалось от 120 до 200 детей.

В Мстиславском институте глухонемых началось дифференцированное обучение глухих, тугоухих и позднооглохших детей, созданы классы для детей с нарушением речи. Не случайно в 1939г. институт был переименован в школу слуха и речи. В ней обучалось в это время около 300 детей. Активное участие в ликвидации неграмотности среди слепых и глухонемых переростков, в приобщении их к общественно полезному труду принимали

¹ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1764, л.23; д.2037, л.465.

Белорусские общества слепых (БелОС) и глухих (БелОГ).

Не располагая точными данными о развитии **сети вспомогательных школ** в 1933–1941 гг., надо отметить, что в крупных городах БССР было по несколько вспомогательных школ или классов при массовых школах. Так, в 1936 г. в Гомеле действовало 4 учреждения для умственно отсталых детей: детский дом им. Н.И.Пирогова, школа им. М.И.Калинина, школа им. М.В.Фрунзе, железнодорожная школа №8. В Витебске, кроме института для умственно отсталых детей, были еще 2 вспомогательные школы. В Минске в 1936 г. работало 5 специальных школ: нервно-оздоровительная школа №24, белорусская школа для умственно отсталых и глухонемых детей №16, белорусская вспомогательная школа №35, еврейская вспомогательная школа №10, начальная школа №38 со вспомогательными классами.

Намеченные положительные тенденции совершенствования системы специальных учреждений для «аномальных» детей в БССР были приостановлены постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». В связи с этим были отменены ранее изданные приказы и распоряжения по вопросам организации педологической работы в системе народного просвещения, ликвидированы должности так называемых «педологов» в аппарате НКП, школах, детских садах и домах. Были изъяты из употребления как «лженаучные и антимарксистские» издания книги: «Методологические вопросы педологии» М.Н.Цехановича, «Педология» И.Н.Блонского, «Дошкольная педология» А.Б.Залкинда, «Педология» Г.А.Фортулатова и М.В.Соколова. Основная масса детей из «школ для трудновоспитуемых» была переведена в массовые школы. Из учебных планов педагогических учебных заведений была исключена педология как учебный предмет с увеличением количества часов на курс педагогики и педагогической практики. Во всех пединститутах были ликвидированы кафедры педологии, педологические кабинеты и лаборатории. Были организованы единые кафедры педагогики, в состав которых вошли все научные работники, которые преподавали педагогику, историю педагогики и психологию.

Ряд вспомогательных классов при массовых школах в Бобруйске и отдельные «специальные» школы в Гомеле, Витебске и Минске были расформированы. Но вспомогательные школы как неотъемлемое звено системы народного образования в БССР сохранились.

К концу 30-х годов БССР была уже близка к завершению всеобщего начального обучения «аномальных» детей. Началось создание первых спецшкол на воссоединенной территории Западной Белоруссии. В 1940 г. открылись Ошмянская школа глухих (в д. Боруны), школа глухих в Дрогичинском районе Брестской области, школа слепых в Гродно и др.

В годы предвоенных пятилеток в БССР созрели объективные условия для практических мероприятий по осуществлению дифференцированного обучения детей с глубокими и частичными нарушениями отдельных анализаторов, по повышению образовательного уровня у детей с нарушениями зрения (преобразование Могилевской неполной средней школы слепых в среднюю), слуха и речи (преобразование Белорусского

института глухонемых в Мстиславле в Республиканскую неполную среднюю школу слуха и речи).

Большую роль в дифференциации учреждений для «аномальных» детей сыграла деятельность врачей Минского медицинского института, института охраны материнства и детства, Центрального детского диспансера Наркомздрава БССР, которые периодически обследовали учащихся массовых и специальных школ и вносили конкретные предложения в органы народного здравоохранения и образования по совершенствованию системы обучения и воспитания «аномальных» детей в республике, профилактике глухонемоты и слепоты.

Так, профессор С.М.Бурак настоятельно рекомендовал создавать при школах глухонемых особые классы для лиц с остатками слуха, делить тугоухих детей на две категории. К первой он относил детей с очень сниженным слухом, ко второй - тех, кто слышит разговорную речь на расстоянии 2-4 метров. Специальной методики обучения, по мнению С.М.Бурака, требовали и позднооглохшие дети. Большое значение он придавал раннему началу обучения глухонемых (в школах – с 6 лет, а в детских садах – с 3-4-летнего возраста) и максимальному использованию имеющихся у них остатков слуха.

Таким образом, в годы первых пятилеток в БССР была создана сеть государственных учебно-воспитательных учреждений для «аномальных» детей. Эти учреждения включали в себя, как правило, дошкольные группы или детские сады, начальные школы и ремесленные классы, что обеспечивало не только начальный всеобщий детский, но и подготовку их к самостоятельной трудовой жизни. В отличие от РСФСР и Украины, где учреждения для «аномальных» детей первоначально подчинялись разным Наркоматам, в БССР они сразу были включены в ведение Наркомпроса, что повышало качество руководства специальными учреждениями и исключало возможность резкой изоляции их от массовых школ.

В 1940-1941уч.г. в республике работали 32 специальные школы: 18 – для глухонемых, 10 вспомогательных, 3 школы для слепых и 1 – для детей с расстройствами слуха и речи. В них обучалось и воспитывалось около 3000 школьников, нуждавшихся в специальной педагогической помощи.

В начале Великой Отечественной войны осуществлялись попытки организованно вывезти детей и имущество всех спецшкол, которые не увенчались успехом. Были эвакуированы лишь Могилевская школа слепых детей в город Саратов, Витебский институт умственно отсталых детей – в Ивановскую область и часть глухих школьников Минщины – в Уфимскую и Челябинскую области.

Оставшиеся на оккупированной фашистами территории маленькие школьные коллективы детей-сирот и учителей-воспитателей оказались в сложнейших условиях военного времени. Школьные здания занимались под вражеские гарнизоны, конюшни, или сжигались. Имущество школ было разграблено. Дети не обеспечивались ни одеждой, ни продуктами питания. Более того, действуя по гитлеровскому закону 1933г. «О предотвращении наследственно-больного потомства» военные со свастикой истребляли детей

с отклонениями в психофизическом развитии. Так были расстреляны почти все больные Минской психиатрической клиники, в газовых камерах сожжены больные Могилевской психиатрической больницы, Минской колонии для «хроников» - «Новинки». Такая же участь постигла и многих слепых, глухих и умственно отсталых детей и взрослых республики [214].

Некоторые воспитанники специальных школ уходили в партизаны или были связаны с ними. Так глухие Вова Большов, Коля Кучинский, Коля Немой, Коля Островинский помогали партизанам чинить обувь, переписывали листовки, рисовали карикатуры. Все они отмечены правительственными наградами. За связь с партизанами фашисты погубили целый ряд выпускников Могилевской школы слепых. Так, за изготовление и передачу партизанам валенок борисовчанин Федор Долгалов был расстрелян, а его жена Клавдия Кондратович замучена в тюрьме. Комсомолки Ольга Янукевич и Мария Семашко расстреляны фашистами за исполнение советских песен на базаре. При выполнении партизанского задания в Полоцком районе была поймана и расстреляна вместе с матерью слепая Валентина Белова. В Минском гетто замучены слепые Л.Поляк, Ц.Рубин и др.¹

Массовое истребление белорусов, широкое распространение умышленно вызванных оккупантами инфекционных заболеваний привели к значительному сокращению населения БССР и распространению аномального развития детей. Многие дети с отклонениями в психофизическом развитии оказались сиротами, полусиротами и беспризорными.

Контрольные вопросы и задания

1. Что изменилось в образовании детей с особенностями психофизического развития в Беларуси после революции 1917 года?
2. Как выглядела сеть специальных учреждений для «дефективных» детей в БССР к 1927 году? Постройте схему.
3. Как повлияло введение всеобщего обязательного обучения на развитие системы специального образования в БССР?
4. Когда и почему намеченные в конце 20-х гг. положительные тенденции совершенствования системы специальных учреждений для «аномальных» детей в БССР были приостановлены?
5. В чем состояло качественное преимущество системы специальных учреждений БССР перед аналогичными системами РСФСР и Украины?

2.2 СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Непосредственное руководство делом воспитания и обучения «аномальных» детей в Наркомпросе БССР было возложено на секцию

¹ ЦГАОР БССР, ф.1125, д.217, лл.14, 18.

воспитания «дефективных» детей при отделе СПОД Главсоцвосо.¹ В ведение секции в начале 20-х гг. входили минские школы для слепых и глухонемых и детский дом для умственно отсталых детей.

В тяжелейших условиях послевоенной разрухи, голода, роста детской беспризорности предпринимались всевозможные меры для обеспечения специальным учреждениям для «дефективных» детей сравнительно нормальных условий существования. В 1919–1924гг. по заключению НКП БССР школы и детские дома для «дефективных» детей были скорее приютами, чем учебно-воспитательными учреждениями, так как отсутствовала необходимая учебно-материальная база, не было специалистов для работы с различными категориями «аномальных» детей.²

Минская школа слепых, вернувшись из эвакуации, расположилась в собственных зданиях, пожертвованных и купленных попечительством о слепых в самом конце XIX в. В период нахождения школы в эвакуации ее помещения были заняты военными ведомствами и с 1914г. по 1919г. не ремонтировались. В относительно хорошем состоянии был учебный корпус с общежитием мальчиков, клубом и библиотекой, общежитие девочек. Остальные здания к этому времени совсем обветшали. В них находились щеточная и корзиночная мастерская, кухня, столовая и кладовая, баня и прачечная. Школа была электрифицирована, располагала земельным участком в 200 кв.саж. (в том числе 600 кв.саж. огорода и 126 кв. саж. сада) усадьба школы была огорожена.

В 1919г. школе выделили средства для ремонта помещений, учащиеся получили бесплатное питание и одежду. Но радость детей была недолгой. Белополяки, захватив Минск, отказали школе слепых в снабжении питанием и топливом. Часть детей была взята родителями или родственниками, а оставшиеся в школе сироты голодали. Чтобы заработать себе пропитание, старшие воспитанники целыми днями трудились в мастерских. Жители Минска, видя тяжелое положение слепых, часто приносили детям продукты питания, теплую одежду и топливо. В этот период учебно-материальная база школы еще более оскудела.

После освобождения Минска от белополяков школа слепых планировала принять 50 учащихся (в 1920г. в ней воспитывалось 20 детей). Но обеспеченность школы была очень ограниченной: не хватало мебели, трафаретов и бумаги для письма шрифтом Брайля и Гебольда, грифельных шильев и графитовых карандашей, азбук и др. специальных учебников. «Определенных классных комнат в школе не было, дети занимались там, где удобно».³

Минская советская школа глухонемых (в 1920г. в ней было 30 учащихся) размещалась в муниципализированном двухэтажном здании. Усадьба школы занимала 200 кв.саж. По свидетельству З.Бядули материальное положение школы было тяжелым: мало одежды, обуви,

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.95, л.34.

² ЦГАОР БССР, ф.101, оп.1, д.2692, л.49.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.798, л.5.

продуктов питания (1 фунт хлеба в день на ребенка, мясо - очень редко). В школе работали две мастерские – сапожная и столярная. Первая обслуживала свою школу и выполняла заказы по ремонту и пошиву обуви для школы слепых. Столярная мастерская не работала из-за отсутствия лесоматериалов и недостаточного оборудования.

Нехватка специальных учебников для глухонемых и невозможность использовать на первых годах обучения книги для массовой школы привели к тому, что большинство занятий велось без учебников. Из наглядных пособий в школе имелись лишь глобус, арифметический ящик, 2 географические карты и 5 портретов вождей революции и писателей.¹ Школа не имела инструментов, необходимых для развития остаточного слуха у детей.

Примерно такой же была учебно-материальная база и **Витебской школы глухонемых**, которая обслуживала частично Смоленскую и Гомельскую губернии. Правда, там вместо сапожной мастерской «работала» швейная, в которой была всего 1 швейная машина.

Витебская вспомогательная школа до 1925г. занимала одноэтажный каменный дом из 8 комнат и располагала фруктовым садом площадью около десятины. В школе имелась обширная библиотека по детской дефективности, но детской библиотеки не было. В материальном отношении большую помощь школе оказывало общество «Друзья детей» и «Детская комиссия г. Витебска». Серьезной помехой в работе школы была нехватка учебников и письменных принадлежностей, материала для ручного труда, обуви; отсутствовали мастерские.²

Из детских домов для умственно отсталых детей наиболее выгодно отличался в материально-учебном отношении **детский дом имени Н.И.Пирогова** в Гомеле. Он занимал отдельный дом из 10 комнат, был электрифицирован, имел ванну, свои мастерские (переплетная, корзиночная и столярная), располагал богатым набором игр. Шефы – красноармейские части – снабжали детей книгами. Госкино еженедельно выделяло детдому 30 бесплатных билетов в кино. Однако при детском доме до 1925 г. не было школы, мастерские слабо снабжались материалами, остро ощущалась ограниченность средств на питание, обмундирование, медикаменты, хозяйственные нужды, учебные и методические пособия.

На заседании секции по народному образованию Минского городского Совета в декабре 1922г. инспектор И.Ф.Сушинский отмечал: «Детские дома находятся в ужасном положении. Плохое кормление детей. Плохая постановка педагогики. Пробыв до 4 лет в детском доме, дети не умеют читать и писать. Нет никаких учебных пособий...».³ Все сказанное касалось и **дет. дома №22 г. Минска** для умственно отсталых детей.

В плачевном состоянии оказался **детский дом им. К.Д.Ушинского** для умственно отсталых детей в Могилеве. В декабре 1923г. его хозяйственное и

¹ ЦГАОР БССР, ф.8, оп.1, д.54, л.78; ф.42, оп.1, д.730.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.804, лл.5-6.

³ ГИА Минск. обл., ф.6, оп.1, д.17, л.1.

санитарное состояние было не лучше других дет. домов. «Дети не одеты и не обуты, школьники не могут посещать школы. Одежд не хватает. Из супных мисок едят и пьют чай, ложек не хватает. Наблюдается вшивость. Лекарств не хватает. Нет игр и материалов для ручных работ. Самоуправление в примитивных формах, в основном самообслуживание. Ни плана, ни учета педагогической работы нет. Руководительницы работают в тяжелейших условиях...».¹ Лишь в 1925г. в детдоме им. К.Д.Ушинского была организована школа и столярная мастерская, намечалось открытие обувной мастерской и психологического кабинета.

Основным источником снабжения учреждений для «дефективных» детей были фонды Наркомпроса РСФСР. Уже в 1920г., сразу после освобождения Белоруссии от белополяков, Наркомпрос БССР получил из Москвы 3500 экземпляров книг, 200 комплектов учебных картин и таблиц, 460 стоп (1320 пудов) бумаги для тетрадей, 10 тысяч штук вставок для перьев, 310 коробок перьев, 3 тыс. пачек чернильного порошка, 36 gross карандашей, 100 gross ниток, 200 тыс. аршин мануфактуры, 10 тыс. пар обуви, много игрушек, вагоны строительного материала (гвозди, стекло, кровельное железо и др.). До 30% полученного Наркомпрос БССР выделял учреждениям для «дефективных» детей, как находящимся «в особенно неблагоприятных условиях», детским домам и садам.²

Послевоенная разруха и массовый голод, охвативший огромные районы страны в результате засухи 1921г., усложняли проблему снабжения детских учреждений предметами первой необходимости. Это побудило Советское правительство войти в соглашение с организациями общества Красного Креста, работавшими в то время в России. В тесном контакте с ними работал и Красный Крест БССР. Пайки от общества «АРА», квакеров и Джойнте, получаемые заведениями для «дефективных» детей в дополнение к пайкам по государственному снабжению, в 1922-1923уч. г. позволяли «более или менее удовлетворять потребности детского питания». Потребности в одежде, белье и предметах обихода удовлетворились на 50%, в учебниках – на 13%, в тетрадях – на 5%, в карандашах – на 17%.³ По разрешению НКП и Наркомздрава БССР воспитанники школ для слепых, глухонемых и детдома для умственно отсталых детей обеспечивались полуторным продовольственным рационом.

В 1923-1924уч.г. Наркомпрос БССР занялся упорядочением работы учреждений для «дефективных» детей, стремясь не только улучшить материальную базу, но и поставить на научную основу учебно-воспитательную работу в них. Для достижения этих целей были предусмотрены значительные по тому времени суммы на капитальный ремонт зданий, освещение, отопление и содержание в чистоте помещений, на социальное обеспечение, на пополнение и возобновление учебного и

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.834, л.27; д.117-а, л.106.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.91, л.30 и др.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.509, лл.10, 13.

спортивного инвентаря, кухонных и хозяйственных принадлежностей.

Укрепление учебно-материальной базы учреждений для «дефективных» детей БССР продолжалось и в последующие годы. Так, для обеспечения сырьем щеточной мастерской **школы слепых** Наркомпрос БССР в 1927г. заказал 800 килограммов рисового корня из Финляндии, односторонние брайлевские доски системы Кюля из Берлина, приборы для письма Брайля из Омска и т.п.¹ Однако разбросанные, старые помещения Минской школы слепых с тесными классами и мастерскими, рассчитанными когда-то на 30 мальчиков, отрицательно сказывались на работе школы. Поэтому, учитывая мнение заведующего школой Н.Н.Захарова о том, что «слепым более чем зрячим необходим чистый воздух и прекрасная природа как источник здоровья и живая книга мироведения», в июне 1929г. школу слепых переместили в здание бывшего Краснобережского агропедтехникума Бобруйского округа. Одновременно школе слепых был передан опытно-практический участок в размере 10 га с посевами зерновых и огородных растений, значительная часть оборудования, имущества и инвентаря.² В школе, помимо щеточно-корзиночного ремесла, было организовано и шорное. Но занятия слепых сельскохозяйственным трудом не оправдали себя. Не способствовала развитию школы и удаленность ее от культурных центров. Поэтому в 1931г. школа слепых была переведена в Могилев.

Слияние в мае 1925г. Минской и Витебской школ глухонемых и создание на их базе **Белорусского института глухонемых в Мстиславле** также содействовало значительному улучшению учебно-материальной базы обучения глухонемых детей в БССР. Институт глухонемых занял целый квартал в г. Мстиславле. На площади более десятины земли, огражденной кирпичной стеной, размещалось 6 зданий, огород, площадка для игр и занятий физкультурой. При институте была создана небольшая свиноферма. Институту было отпущено 1000 руб. и дополнительные средства по финотделу Калининского (Климовичского) округа. Это позволило полностью оборудовать всем необходимым детский сад, 4 мастерские – сапожную, швейную, столярную, водопровод, приобрести материалы для изготовления в мастерских института недостающей обуви, одежды, белья и мебели. К 1929 г. все здания института были полностью приспособлены к учебно-воспитательной работе, усовершенствовано обеспечение детей питанием, одеждой и обувью, учебной мебелью, построены бани и прачечная с сушилкой, институт был обеспечен учебно-наглядными пособиями и письменно-учебными принадлежностями, оборудованы мастерские.

После слияния Минского и Могилевского детских домов для умственно отсталых детей с Витебской вспомогательной школой вновь созданный **Белорусский институт умственно отсталых детей в Витебске** расположился в двух зданиях. В одном - спальни, швейная и столярная мастерские, классы, прачечная и кладовые, кухня, столовая, ванная, изолятор, врачебно-психологический кабинет; в другом - часть классов,

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.329, л.15.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1745, л.1.

спален и сапожная мастерская. Все воспитанники института были полностью обеспечены одеждой и обувью.¹

В несколько худших условиях находились вспомогательные школы, состоявшие на местном бюджете отделов народного образования.

Согласно постановлению СНК СССР и ЦК КП(б) от 31 мая 1935г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», специальным школам были выделены земельные участки для подсобных сельских хозяйств, которые явились хорошей базой трудового обучения и воспитания «аномальных» детей и дополнительным источником улучшения питания воспитанников. Причем продукция подсобных хозяйств и мастерских спецшкол не подлежала обложению налогами.

Начавшаяся в 1934г. работа по составлению списков минимального учебного оборудования для начальной и средней школы способствовала упорядочению снабжения спецшкол БССР лабораторным оборудованием и учебно-наглядными пособиями. Все учреждения для «аномальных» детей БССР пользовались в 30-х годах централизованным снабжением учебниками и методическими пособиями из Москвы. В 1939г. библиотека Республиканской школы слуха и речи в Мстиславле располагала 10-тысячным книжным фондом. Определенные трудности в обеспечении учебниками испытывали Могилевская и Гродненская школы слепых, в которых обучение велось на белорусском языке, а учебники, напечатанные шрифтом Брайля, издавались на русском языке. Это заставляло педагогические коллективы школ слепых переводить многие материалы на белорусский язык и своими силами или с помощью БелОС создавать хрестоматии белорусских текстов по шрифту Брайля.

Качественно улучшились и материально-бытовые условия педагогических кадров специальных школ. Так в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 апреля 1936г. «О повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам» говорилось: «Ставки заработной платы учителей школ с особым режимом (для умственно отсталых детей, глухонемых, слепых и пр.) исчислять 25% выше установленных для учителей соответствующих массовых школ». Другое постановление от 31 марта 1939г. «О мероприятиях по улучшению материально-бытовых условий учителей» обязывало учителей сельской местности предоставлять квартиры с топливом и освещением, а в случае отсутствия такой возможности выплачивать стоимость квартиры, топлива и освещения.²

Таким образом, в БССР к началу сороковых годов предпринимались необходимые меры для обеспечения соответствующей материальной базы, определяющей дальнейшее полноценное развитие системы специального образования.

¹ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.2117, лл.37, 95.

²СЗ БССР, 1939, №15, ст.39.

Контрольные вопросы и задания

1. Попробуйте сформулировать общие тенденции, характерные для материально-технического состояния сети специальных учреждений БССР в 20-е гг. XXв.
2. Какие меры предпринимал Наркомпрос БССР для обеспечения соответствующей материальной базы системы специального образования?

2.3 ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР В 20-30-е гг. XX ВЕКА

Становление системы специального воспитания и обучения «аномальных» детей в БССР в значительной мере осложнилось тем, что в первые годы Советской власти в Белоруссии не имелось ни одного специалиста–дефектолога. Одни из организаторов дореволюционных учреждений для детей с нарушением зрения, слуха и речи на территории Белоруссии умерли (М.Я.Нисневич, И.У.Зданович, И.О.Васютрович), другие из старых работников школ по разным причинам прекратили свои занятия с «аномальными» детьми (С.О.Окунь-Нисневич, И.В.Георгиевский, К.С.Болтуць, Р.В.Слиозберг и др.). В связи с этим данной проблемой занимались случайные люди, которые не понимали и не ценили высокого значения специальной школы для «дефективных» детей ни с моральной, ни с общегосударственной точек зрения. Они смотрели на нее исключительно с точки зрения своего личного благополучия: не они были для школы, а школа – для них.¹

Попытки комплектовать педагогический состав школ и детских домов для «дефективных» детей выпускниками педагогических техникумов, прошедшими кратковременную практику в специальных школах, не всегда оправдывали себя. Для решения проблемы подготовки квалифицированных кадров дефектологов в начале 20-х годов в вузы РСФСР были приняты первые стипендиаты НКП БССР. Подготовка белорусских кадров сурдо-, тифло- и олигофренопедагогов началась на краткосрочных курсах «по детской дефективности» в Москве. В качестве инструкторов в школу глухонемых и во вспомогательную школу г.Витебска неоднократно приезжали русские сурдопедагоги И.А.Васильев, Л.И.Языкова, Е.П.Белоусова и специалисты по олигофренопедагогике. Для организации воспитания и обучения слепых и глухонемых детей в Минск в 1923-1924уч.г. были приглашены тифлопедагог П.Н.Захаров и сурдопедагог Н.Д.Языков, при активном участии которых в БССР осуществлялось становление различных типов и структуры спецшкол, шел активный поиск оптимальных методов отбора учащихся и комплектования учебных групп, методов воспитания и обучения слепых и глухонемых, содержания их профессионально-трудовой подготовки. НКП УССР выделил молодых сурдопедагогов П.И.Голикова, В.И.Новицкого и специалистов по

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.216, л.113.

ремесленному обучению слепых.¹

Большую роль в обмене опытом работы и в подготовке кадров для спецшкол БССР в 1926г. сыграли командировки руководителей этих учреждений в другие республики страны: учеба заведующего институтом глухонемых С.Д.Дешкевича на курсах сурдопедагогов в Москве, участие заведующей институтом умственно отсталых М.Н.Ерасовой в работе Всеукраинской конференции представителей детских городов в Одессе, изучение П.Н.Захаровым организации дела воспитания и обучения слепых в Смоленской областной школе, возглавляемой в то время одним из основателей советской тифлопедагогики Б.И.Коваленко.

С 1927г. НКП БССР практиковал систематическое оформление заявок дефектологическим вузам РСФСР на молодых специалистов в области сурдо-, тифло-, олигофренопедагогики и логопедии – по 5 человек в год.²

Большая заслуга в организации логопедической помощи детям и взрослым в БССР принадлежит логопеду Минского психоневрологического диспансера Е.И.Фридман и логопеду Витебского института умственно отсталых детей М.И.Крупницкой, прибывшей по заявке Наркомпроса БССР в 1928г. из Ленинграда. Работу по обучению умственно отсталых детей в школе №31 города Минска в 1927г. возглавила одна из стипендиаток НКП БССР, выпускница Московского медико-педологического института С.З.Шишова.

Наряду с подготовкой кадров дефектологов в вузах Москвы и Ленинграда, в БССР изыскивались и местные возможности. Необходимость этого особенно остро осознавалась руководителями специальных учреждений для «аномальных» детей. Так, заведующий институтом глухонемых в Мстиславле С.Д.Дешкевич в 1926г. писал Наркомпросу БССР, что пополнение кадров учителей для глухонемых молодежью, не имеющей сурдопедагогического образования и сурдопедагогической практики, бесполезная трата средств. «Жизнь заставит органы просвещения в самом скором времени открыть новые школы для глухонемых, позднооглохших, тугоухих детей и переростков...».³ В записке предлагалось готовить сурдопедагогов при педагогическом техникуме в г. Мстиславле, где институт глухонемых мог бы стать опорной базой практики. С.Д.Дешкевич считал возможным отобрать 30-40 слушателей из студентов IV курса, прочесть им курсы истории сурдопедагогики, профилактики глухонемоты, психологии глухонемых, методики обследования, воспитания и обучения детей с нарушением слуха, обеспечить будущим сурдопедагогам практику в детском саду и школе института глухонемых. И все это за 430-440 часов в год: по 12 часов в неделю, из которых 6 часов выделялось на теорию и по 3 часа на уроки и конференции. Это позволило бы, по мнению С.Д.Дешкевича, пополнить институт глухонемых подготовленными кадрами и создать резерв сурдопедагогов при дальнейшем расширении сети учреждений для детей с

¹ ЦГАОР БССР, ф.15, оп.1, д.622, л.185 и др.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.336, л.179; д.2108, л.89.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1795, л.118.

нарушением слуха.

Идея создания кафедры сурдопедагогике при Мстиславском педтехникуме была поддержана органами образования. Однако позже было признано целесообразным кафедру сурдопедагогике открыть при педагогическом факультете Белорусского государственного университета, так как образование педтехникума недостаточно для сурдопедагога. С.Д.Дешкевич, предлагавший свои услуги по созданию кафедры сурдопедагогике при БГУ, подчеркивал, что «в дальнейшем этой кафедре суждено будет разрастись в дефектологическое отделение педфака, откуда выйдут настоящие руководители по сурдо-, тифло- и олигофренопедагогике».¹

Предложения С.Д.Дешкевича частично были реализованы. В 1929г. в Мстиславском педтехникуме из числа студентов IV курса была создана группа «сурдистов». Выпускники ее работали в институте глухонемых, а позже – в ряде новых школ для глухих детей в БССР.

В июле 1931г. было принято постановление об организации на базе отдельных факультетов БГУ самостоятельных институтов. На базе педагогического факультета БГУ был создан Белорусский государственный высший педагогический институт с тремя факультетами: социально-экономическим, литературно-лингвистическим и педолого-педагогическим. На последнем из них предлагалось иметь и **дефектологическое отделение**. Однако в 1931г. прием студентов был произведен только на педологическое и инспекторское отделения.² Осенью 1932г. был объявлен набор и на дефектологическое отделение. Но фактами, подтверждающими деятельность этого отделения, мы не располагаем. Скорее всего, дефектологическое отделение в 1932г. не было открыто из-за отсутствия специалистов по дисциплинам дефектологического профиля. Во всяком случае, после закрытия педологического отделения в связи с постановлением 1936г. «О педологических извращениях в системе наркомпросов» педолого-педагогический факультет стал называться педагогическим с отделениями дошкольной и школьной педагогики.

Большой интерес в 30-х годах вызвала и проблема подготовки кадров тифлопедагогов. По данным профессора-офтальмолога Минского медицинского института С.Д.Каминского, в БССР насчитывалось 2-2,5 тысячи детей с нарушением зрения в возрасте 7-15 лет, что вызывало озабоченность медицинской общественности. Наряду с расширением офтальмологической помощи населению БССР, С.Д.Каминский считал важными условиями успешной работы по предупреждению и преодолению слепоты широкое привлечение к этой проблеме учительской общественности и продуктивную организацию воспитания и обучения слепых и слабовидящих детей.

Полемизуя о том, где и как лучше обучать слепых, С.Д.Каминский отдавал предпочтение совместному обучению слепых со зрячими с самого

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.329, л.117.

² ЦГАОР БССР, ф.205, оп.1, д.475, лл.3, 8, 9.

начала поступления в школу и до конца обучения. Он считал необходимым в курс подготовки учителей массовых школ ввести знания, которые позволили бы им обучать слепых. Вместе с этим, по мнению С.Д.Каминского, на данном этапе это было еще нереальным.

Высокая оценка познавательных и профессионально-трудовых возможностей слепых, осуществление в республике всеобщего обучения грамоте в условиях ограниченности специальных школ для слепых побудили Белорусское общество слепых внести свой вклад в проблему воспитания и обучения данной категории детей. Так, Центральное правление БелОС поручило выпускнику Минской школы слепых И.М.Волчку написать пособие «Методы и приемы обучения слепых», которое было издано в 1935г. на белорусском языке. Брошюра адресовалась широким кругам учительства и вообще грамотным людям БССР, которые пожелают заняться обучением взрослых слепых. В ней популярно излагались методы и приемы обучения слепых по разделам: «Как читают и пишут слепые» (по системе Луи Брайля), «Обучение слепых чтению и письму» (основные принципы методики обучения слепых грамоте по звуковому аналитико-синтетическому методу), «Обучение слепых арифметике».

Врач Л.А.Кливенская предлагала привлекать кадры для обучения слабовзрячих из среды опытных представителей массовой школы, хорошо владевших методикой и словом, со стажем не менее 5 лет. Краткосрочные курсы (6-8 недель) для ознакомления с методикой работы и учебными пособиями, для прослушивания некоторых специальных дисциплин, по мнению Л.А.Кливанской, дадут возможность педагогам успешно преподавать в специальных классах для слабовидящих.

Придерживаясь такого же мнения, НКП БССР, по договоренности с НКП РСФСР и Научно-практическим институтом специальных школ и детских домов, начиная с 1936г., организовал ежегодную курсовую подготовку и переподготовку работников специальных школ БССР разных профилей в Ленинграде, а также на базе ведущих спецшкол республики. Так, в Мстиславском институте глухонемых ежегодно в июне работали 2-3-х недельные курсы сурдопедагогов. При Витебском пединституте в 1934-1936гг. работали очно-заочные 2-годичные курсы для педагогов вспомогательных школ. На базе Витебского института умственно отсталых детей в 1935г. был проведен семинар учителей и воспитателей вспомогательных школ, которым руководил профессор А.Н.Граборов. В 1939г. в Мстиславле работали месячные курсы повышения квалификации работников специальных школ. Для чтения лекций и проведения практических занятий привлекались как местные наиболее квалифицированные педагоги-дефектологи так и сурдопедагоги РСФСР. Безотказными консультантами белорусских сурдопедагогов были Ф.А.Рау и Н.А.Рау. Тифлопедагоги БССР работали в тесном контакте с дефектологами Ленинграда.

Многие работники специальных школ заочно обучались на дефектологических отделениях и факультетах во 2-ом МГУ, ЛГПИ им. А.И.Герцена, МГПИ им. А.И.Бубнова, в Московском дефектологическом

институте.

С началом Великой Отечественной войны большинство педагогов-дефектологов БССР стали в ряды защитников Родины, активно участвовали в партизанском движении. Многие из них больше не вернулись в родные школы. От рук фашистов погибли директор Гродненской школы слепых И.Н.Черепов, директор Бобруйской школы глухонемых Б.И.Григорьев, учителя Мстиславской школы слуха и речи В.И.Шершневу и Гомельской школы глухонемых И.И.Петровский и др.

Школьные работники, оставшиеся в оккупации с «аномальными» детьми-сиротами, прилагали все усилия, чтобы сохранить своих подопечных: собирали у населения одежду и продовольствие, организовывали походы детей по полям в поисках остатков картофеля и овощей.

Таким образом, проблема обеспечения кадрами учреждений для «аномальных» детей в Советской Белоруссии в 20-30-х гг. решалась Наркомпросом БССР на основе тесных контактов с Наркомпросом РСФСР путем приглашения специалистов отдельных отраслей дефектологии, направления стипендиатов НКП БССР в вузы Москвы и Ленинграда, оформления плановых заявок на подготовку для Белоруссии сурдо-, тифло-, олигофренопедагогов и логопедов на дефектологических факультетах вузов РСФСР, обучение руководителей и педагогов специальных школ республики на курсах подготовки и переподготовки дефектологов в РСФСР и УССР.

В целом же пополнение кадров дефектологов новыми педагогами в связи с ростом количества специальных школ в предвоенные годы происходило в основном из числа выпускников педагогических техникумов и училищ, что вызывало необходимость постоянной подготовки и переподготовки кадров дефектологов через систему кратковременных и долгосрочных курсов на базе лучших учреждений для «аномальных» детей в республике (в Мстиславле, Витебске, Могилеве) с приглашением на них квалифицированных лекторов и специалистов – практиков.

Контрольные вопросы и задания

1. Определите состояние кадрового обеспечения специального образования в БССР в 20-е гг. XXв.
2. Каким образом в БССР решался вопрос подготовки кадров дефектологов?

2.4. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ, ФОРМ И МЕТОДОВ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В БССР

Проблема определения научно-педагогических и методических основ содержания обучения и воспитания подрастающего поколения даже в массовой общеобразовательной школе советского времени вызывала значительные трудности. Тем более сложной была задача определения чему учить и как воспитывать «аномальных» детей, учреждения для которых впервые после революции 1917г. были включены в общегосударственную

систему народного образования. Не случайно, оценивая состояние учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей в первые годы Советской власти, Л.С.Выготский заключил: «Революция, перестроившая сверху до низу нашу школу, почти не коснулась специальной школы для дефективных детей. Здесь все еще остается по-старому, если не считать некоторых несущественных изменений, механически возникших в революционные годы» [54].

Руководствуясь «Положением о единой трудовой школе РСФСР», «Основными принципами единой трудовой школы», указаниями В.И.Ленина о содержании образования в советской школе, Наркомпрос БССР стремился и в учреждениях для «дефективных» детей реализовать общее и политическое образование, тесно связанное с производительным трудом, направленное на воспитание коммунистической морали, включающее в себя глубокие и систематические знания из различных отраслей науки.

20–30-е гг. были периодом, когда ещё не подготовленные к работе с «аномальными» детьми педагоги и медработники эмпирически овладевали первоначальными навыками диагностики аномального развития ребенка. Как отметил Х.С.Замский, в этот период «понятие «дефективность» носило чрезвычайно широкий характер. Предполагалось, что, кроме физической и психической дефективности (слепоты, глухоты и умственной отсталости) существует дефективность моральная, выражающаяся в нарушении норм поведения в обществе, в антисоциальности. Мы не рассматриваем здесь работу с «морально дефективными детьми», хотя и в БССР были специальные приемники, коллекторы, реформаториум и даже «институты социального перевоспитания морально дефективных детей». В условиях идеологической борьбы и «морально дефективные» нередко попадали во вспомогательную школу и даже в школы для слепых и глухонемых.

Все выше указанные факты мешали продуктивной работе специальных учреждений для «аномальных» детей БССР. Поэтому содержание работы в школах для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей неоднократно обсуждалось не только на секции учреждений для «дефективных» детей и в отделе СПОД Главсоцвоса, но и на заседаниях и собраниях партячейки НКП БССР, на различных республиканских совещаниях и съездах.

Специальные школы г.Минска в этот период работали по самостоятельно составленным учебным планам и программам, построенным по принципу предметности.

Общеобразовательные группы (классы) школы слепых – приготовительная, I, II, III – и ремесленная (для старших воспитанников) приравнивались к трем классам обычной семилетки. Впервые в истории Беларуси в учебный план школы слепых наряду с русским языком, арифметикой, природоведением, географией, музыкой, пением, гимнастикой и трудовой подготовкой был включен белорусский язык как учебный предмет. Основное внимание в работе с детьми уделялось на первых порах формированию у них первоначальных навыков грамоты – чтению и письму по Брайлю и письму по Гебольду.

Относительно хорошо работали в школе учебные мастерские.

Инструкторами в них были склонные к педагогической деятельности слепые выпускники Минского училища – М.С.Герасимов (щеточное ремесло) и И.М.Дедович (корзиночное ремесло). Девочки вязали добротные рукавицы, занимались шитьем и другими видами рукоделия [41].

В **Минской школе глухонемых** обучение велось на русском языке. Согласно учебному плану школа работала в трех направлениях: обучение глухонемых членораздельной речи, общее и ремесленное образование. Дети по уровню знаний делились на четыре группы: нулевая, I, II, III. Учебный план предусматривал ежедневные утренние занятия по общеобразовательным предметам (язык, арифметика, природоведение, география, история, рисование и гимнастика) и вечерние – по обучению ремеслам: мальчики работали в столярной и сапожной мастерских, а девочки – в швейной.¹

Стремясь приблизить обучение глухонемых к потребностям детей, педагогический коллектив в 1921-1922уч.г. пытался внедрить в школе элементы «естественного способа обучения глухонемых речи» П.Д.Енько и лабораторного метода П.С.Янковского. Но эти попытки не меняли по существу принципиальных основ «чистого устного метода», пронизывавшего всю работу школы, хотя дети на уроках и между собой общались мимикой и жестами. Предметное обучение в школе сохранялось и с приездом в Минск Н.Д.Языкова.

Примерно такими же, судя по отчету учительницы Е.Г.Лебедевой, были учебный план и программа **Витебской школы глухонемых**.² Содержание работы этой школы во многом определялось тесной связью ее с сурдопедагогами И.А.Васильевым и А.И.Языковой, которые в 1921г., неоднократно приезжая в Витебск, знакомили белорусских сурдопедагогов с методами обучения и воспитания глухонемых, проводя показательные уроки и занятия. Положительно сказалось на работе Витебской школы направление сюда в 1922г. сурдопедагога Е.П.Белоусовой, которая в течение трех лет руководила всем учебно-воспитательным процессом.

Работа по воспитанию умственно отсталых детей в БССР в начале 20-х гг. носила очень скромный характер, так как при детских домах для умственно отсталых детей в Гомеле, Могилеве и Минске школ не было.

По мнению заведующей отделом СПОД С.С.Шамардиной, в **Минском детском доме для умственно отсталых еврейских детей** работа несколько оживилась в связи с открытием в 1922г. психиатром М.М.Слуцкой психологического кабинета – лаборатории по изучению дефективных детей, что способствовало более дифференцированному комплектованию детского дома, выведению из него «морально-дефективных детей». Однако и в 1923г. состав детей в нем представлял собой очень пеструю массу с колебаниями от едва заметных до глубоких степеней отсталости.³

Наиболее продуктивной учебно-воспитательной работой с умственно

¹ЦГАОР БССР, ф.42, оп.2, д.643, т.1, л.125; ф.101, оп.1, л.2692, л.35.

²ЦГАОР БССР, ф.101, оп.1, д.3078, лл.1-2.

³ЦГАОР БССР, ф.101, оп.1, д.2698, л.36.

отсталыми детьми в эти годы отличалась **Витебская губернская вспомогательная школа-интернат**. Особой чертой этой школы, по воспоминаниям ее заведующей М.Н.Ерасовой, были «ласковость, приветливость, гостеприимство, доброжелательность, а также в полном смысле детская жизнерадостность».¹ Школа ставила своей целью «поднятие интеллекта умственно отсталых детей, развитие их сенсорной культуры, а также обучение в подходящей для них обстановке со специальным индивидуальным подходом к каждому». В основу воспитания и обучения в школе была положена программа Ленинградской вспомогательной школы А.Н.Граборовова. Наряду с ней учитывалась и программа массовой школы, так как некоторые воспитанники, по-видимому, педагогически запущенные дети, «по мере развития и поднятия интеллекта безболезненно переходили в нормальную школу».² С 1923-1924 уч. г. в школе уже вводились элементы комплексного преподавания. В плановую работу школы была введена сенсорная и моторная культура. Для развития внешних чувств и движений использовались пособия и приборы М.Монтессори. Проводились занятия по психологической ортопедии. При поступлении в школу каждый ребенок подвергался психологическому обследованию для выяснения степени его отсталости и определения в соответствующую группу. В течение года дети обследовались повторно по разным методам (тесты А.Бине, «профили» Г.И.Россолимо и др.). В организационно-дидактическом отношении дети разделились на 3 группы (класса): I-я (дошкольная), II-я и III-я.

В школе, по заключению М.Н.Ерасовой, осуществлялась «полнейшая связь педагогики по детской дефективности с педагогией социального воспитания». При этом учитывалось, что «то, что нормальный ребенок схватывает на лету, то умственно отсталому приходится преподносить в самом конкретном систематизированном виде, ибо круг его представлений очень беден, абстрактные представления и комбинаторные способности почти отсутствуют, и он требует обязательного индивидуального к себе подхода». Воспитание умственно отсталых рассматривалось педколлективом школы как социальное воспитание, но с учетом болезненного состояния детей (нервность, неуравновешенность, расстройство волевых процессов, нарушение координации движений, дефекты характера и т.д.). В преодолении этих нарушений большие надежды возлагались на осуществление в школе строгого медико-педагогического режима.

В целом же в 1919-1924 гг. в БССР не наблюдалось активного развития учреждений для «дефективных» детей, так как белопольская оккупация, голод и усиленный рост беспризорности тормозили этот процесс.

В 1924-1925гг. НКП БССР приступил к **пересмотру и уточнению учебных планов и программ** школы слепых и вновь созданных институтов для глухонемых и умственно отсталых детей с учетом комплексных

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.800, л.20.

² Там же д.804, лл.5-6.

программ ГУСа.

В 1925-1926уч.г. для каждой группы школы слепых, по оценке П.Н.Захарова, программы были составлены так, «чтобы дать детям не обрывки знаний по различным учебным предметам, а жизненно полезные знания, добытые путем наблюдений, рассуждений и опыта, прагматически и коррелятивно связанные между собой в одно целое, в умственный кругозор ребенка». Данные программы отличались от программ ГУСа «лишь постольку, поскольку отсутствие зрения, литературы для слепых и нужных учебных пособий не позволяли точно выполнить их. С другой стороны, профессионально-ремесленный уклон в обучении (с 15 лет дети переходят в ремесленный класс) и индивидуальные особенности слепых в отношении их духовных сил и умственных способностей заставляли преподавателей концентрировать сообщаемые знания, чтобы дать детям возможность в каждой группе получить более или менее законченный круг познаний». При этом подчеркивалось, что в «нулевой группе» использовался исключительно комплексный метод преподавания с опорой на имеющиеся наглядные пособия и наблюдения за ближайшим окружением. В последующих группах преобладало систематическое предметное обучение с использованием лабораторного метода.

В качестве основных предметов в учебном плане для школы слепых значились: фребелевские занятия, русский и белорусский языки, математика, естествознание и физическое воспитание – в 0-й группе, география, обществоведение и пение – в I – II группах, политграмота – в III. Во всех группах изучались ремесла, а в IV - только ремесла, если не считать клубных занятий.

Совершенствованию учебных планов и программ в учреждениях для «аномальных» детей БССР способствовало постепенное осознание школьными работниками идей Л.С.Выготского о социальном характере воспитания глухих, слепых и умственно отсталых детей. Так, практикантка школы слепых Е.А.Лисицкая в письме Наркомпросу БССР, опираясь на статью Л.С.Выготского «К психологии и педагогике детской дефективности» (1924г.), резко осуждала стремление учителей школы слепых превратить учащихся в книжные шкафы или ходячие энциклопедии, нерациональное использование времени, отведенного на фребелевские занятия, и настоятельно предлагала распространить общеобразовательные занятия и на ремесленную группу.¹

В конечном итоге школе было рекомендовано пересмотреть учебный план, активнее внедрять в обучение слепых комплексную систему преподавания на первых годах обучения, повысить вес политграмоты и обществоведения как учебных предметов, создать непосредственно в школе комсомольскую ячейку и пионерские звенья, активизировать детское самоуправление, методическую работу и работу по самообразованию педагогического персонала, перевести преподавание всех предметов на

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.805, лл.22-31.

белорусский язык.¹

Решением педсовета школы фребелевские занятия в 1926-1927уч.г. были исключены из расписания групповых занятий и включены в содержание внеурочной работы по ручному труду. Переоценка места и роли фребелевских занятий способствовала повышению коррекционно-воспитательной направленности работы со слепыми детьми, так как в процессе занятий ручным трудом сенсорные функции учащихся развивались в более тесной связи с формированием у них высших психических процессов.

Задача **института глухонемых**, по формулировке заведующего институтом С.Д.Дешкевича, состояла в том, чтобы «дать глухонемым Белоруссии высшее для них образование через обучение детей устной речи, грамоте и письменности, подготовить их к самостоятельному труду в таком объеме, чтобы они имели возможность добывать себе средства к жизни, воспитать из глухонемых граждан, способных выполнять те задачи, которые поставлены Октябрьской революцией».²

Учебный план **детского сада института глухонемых** на 1926-1927уч.г. предусматривал в каждой группе ежедневно по 7 часов «учебных занятий». Из них по часу выделялось на такие «предметы», как артикуляция, фонетическое дыхание и ортопедия, голос и слух, ритмика и пластическая гимнастика, речь и письмо, счет, творчество (строительный материал, песок, лепка, рисунок, аппликация). В процессе осуществления «режимных моментов» у дошкольников воспитывались навыки культуры поведения и гигиены, участия в играх и трудовые навыки по самообслуживанию.

В I – IV группах института еженедельно выделялось по 6 часов на «устную речь», по 12 – на «общеобразовательные предметы», по 18 – на физкультуру и труд (ручной – в I – II гр. и ремесла – в II – IV), по 6 часов – на «искусство» (рисование и черчение) - в III – IV группах и по 12 часов «клубной работы».

Даже поверхностный анализ плана обращает внимание на недифференцированность общеобразовательной работы и чрезвычайную учебную перегрузку (54-60 часов в неделю, не считая «клубной работы»).

Обязательными элементами программ института глухонемых были «Фонетическая и психическая ортопедия» и «Фонетическая артикуляция». Основное содержание программ для каждой группы составляла работа над «живой речью».

По мере роста института в нем постепенно укреплялась предметная система обучения, что видно из отчетов учителей и заседаний педсоветов, на которых утверждались планы работы по русскому языку, арифметике, геометрии, природоведению, физике, обществоведению и др.³

¹ ЦГАОР БССР, ф. 42, оп.1, д.798, л.15.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.797, л.58.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1800, лл.90, 152.

Триместровые и годовые планы работы **Белорусского института умственно отсталых детей в Витебске** на 1925-1926 и 1926-1927 уч.гг. для дошкольной, I и II групп и группы глубоко отсталых детей ¹, статьи З.Шишовой об опыте работы во вспомогательной школе г. Минска ² свидетельствуют о том, что в обучении умственно отсталых детей БССР последовательно реализовывалась комплексная система. В планах учителей тщательно разрабатывалось не только содержание отдельных комплексов, но и объем «формальных навыков» по чтению и письму, арифметике, живой и неживой природе и др.

Многие специалисты считали комплексную систему «единственно соответствующим методом обучения и воспитания умственно дефективных детей». Данная позиция получила отражение в статье инспектора учреждений для «дефективных» детей НКП БССР А.Ю.Таубе³. Главное достоинство комплексных программ А.Ю.Таубе видела в том, что основой воспитания в них является труд, который обеспечивает «хорошо согласованную работу мозга и мускулов». Признавая необходимость психомоторного и сенсорного воспитания умственно отсталых детей, А.Ю.Таубе неодобрительно отзывалась о системах упражнений А.С.Фельдмана, М.Монтессори, В.П.Кашенко, А.Н.Граборова и др. по психической ортопедии и сенсомоторной культуре, так как они во многом искусственны и оторваны от жизни.

Поддерживая тесную связь с учреждениями для «дефективных» детей, А.Ю.Таубе подготовила и внесла на утверждение Главсоцвоса ряд инструктивных документов, определявших учебно-воспитательную работу этих учреждений: списки литературы по детской дефективности, план характеристики дефективного ребенка, оценку игр, организацию работы по самоуправлению, пионерской и летней работы, целесообразность совместного воспитания детей обоего пола, правила приема детей в учреждения для «дефективных», принципы работы приемо-отборочных комиссий при каждом из них.

В качестве ближайших задач в деле воспитания и обучения «дефективных» детей отдел СПОД ставил разработку положений об учреждениях для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей, учебных планов и программа для них. Свою задачу А.Ю.Таубе видела в том, чтобы уточнить систему и структуру республиканских учреждений и совершенствовать методическую работу в них, особенно в плане общественно-политического воспитания «физически дефективных и умственно отсталых», преодоления замкнутости и изолированности их от внешнего мира. Планирование учебно-воспитательной работы в учреждениях для «дефективных» детей она стремилась строго согласовывать с новейшей педагогической мыслью. Особое внимание при этом уделялось методике полового и трудового воспитания «дефективных» детей, формам и видам

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.804, лл.28-116.

² Асвета, 1927, №3; 1928, №5.

³ Асвета, 1926, №2, с.19.

труда, подведению производственной базы под мастерские в учреждениях для слепых, глухонемых и умственно отсталых детей, перспективам расширения сети этих учреждений.¹

Прежде всего необходимо было решить вопрос о месте белорусского и русского языков в обучении «дефективных» детей.

На основании постановления ЦИК БССР от 4 февраля 1921г. Наркомпрос БССР разработал мероприятия, обеспечивающие возможность всем национальностям республики получать образование и воспитание на родном языке (подготовка учителей, издание школьных учебников на национальных языках, план перевода школ на родной язык преподавания). В октябре 1921г. Главсоцвос БССР уведомил отделы народного образования, что во всех 7-летних школах БССР «вводится обучение в первых трех группах исключительно на белорусском языке».² Здесь же оговаривалось, что русский язык как учебный предмет вводится с четвертого года обучения, что в школах национальных меньшинств обучение должно вестись на материнском языке этого меньшинства, а белорусский язык вводится как обязательный предмет с четвертого года обучения. В дошкольных учреждениях всю работу рекомендовалось вести исключительно на материнском языке.

Уже в сентябре 1926г. Наркомпрос БССР докладывал национальной комиссии ЦИК БССР, что полная **белорусизация учреждений для «дефективных» детей** практически невозможна, так как эти учреждения в БССР незначительны по количеству и охватывают воспитанием и обучением детей всех национальностей, которые проживают в Белоруссии. Однако белорусский язык в этих учреждениях был введен как обязательный предмет, на белорусский язык переводилось и делопроизводство этих учреждений.³

Руководство **Белорусского института глухонемых в Мстиславле** вопреки неоднократным напоминаниям инспектуры НКП БССР о переводе обучения глухонемых на белорусский язык упорно отказывалось рассматривать русский язык в качестве второго после родного языка и отстаивало необходимость и целесообразность обучения и воспитания глухонемых «только на русском языке», мотивируя это интересами глухонемых детей, интернациональным составом учащихся в институте и отсутствием специальных учебников для глухонемых на белорусском языке.⁴

Во вновь открытых школах для глухонемых обучение тоже велось только на русском языке как языке межнационального общения. Эта тенденция распространилась в БССР в послевоенные годы и на другие типы специальных школ для «аномальных» детей.

Перевод обучения в школе слепых и вспомогательных школах БССР на

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.547, т.1, лл.17, 20; д.799, лл.1-3; д.800, л.39 и др.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.65, л.110.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.275, л.252.

⁴ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1796, л.217 и др.

белорусский язык повышал доступность изучаемого материала детям белорусской национальности, но создавал дополнительные трудности учителям этих школ, особенно в период обучения детей грамоте, так как издание специальных учебников на белорусском языке затруднялось неразвитостью полиграфической базы республики и малочисленностью спецшкол в БССР. Приходилось использовать учебники, изданные на белорусском языке для массовой школы.

Большую помощь школе слепых оказал минский инженер Б.Ф.Силин, наладивший печатание учебников на белорусском языке рельефным шрифтом.¹

Учителя института глухонемых также вынуждены были приспособлять учебники массовой школы, так как до 1930г. из специально созданных для глухонемых учебников в институте был только букварь Ф.А.Рау и Н.А.Рау.

Становление специального обучения и воспитания «аномальных» детей в БССР сопровождалось уточнением и решением ряда общих для дефектологии проблем, касающихся содержания общего, трудового и политехнического обучения и воспитания детей.

Первые годы работы школы слепых, институтов для глухонемых и умственно отсталых детей в БССР характеризовались установками на **ремесленно-кустарные формы обучения в мастерских** этих учреждений – щеточной и корзиночной в школе слепых, швейной, сапожной и столярно-токарной – в институтах для глухонемых и умственно отсталых детей. Однако по мере апробации содержания, форм и методов обучения и воспитания отдельных категорий аномальных детей взгляды на систему обучения и воспитания их уточнялись и изменялись.

Уже в 1926г. остро обсуждался вопрос о том, какими должны быть **мастерские в институте для умственно отсталых детей**. Наркомпрос БССР, учитывая ограниченные возможности умственно отсталых детей к продолжению образования, рассматривал мастерские института как основную его базу, позволяющую «дать в руки умственно дефективных ремесло для самостоятельной жизни по выходе из учреждения». Поэтому инспектор НКП БССР А.Ю.Таубе, ознакомившись с работой мастерских, заключила, что необходимо учить всех воспитанников изготовлению в мастерских новых изделий, реорганизовать мастерские в производственные и перевести их на самокупаемость. В мастерских рекомендовалось практически прорабатывать весь материал, изучаемый теоретически в школе. Однако работники института (М.Ерасова, А.Климук и др.), ссылаясь на опыт Москвы, Ленинграда, Одессы и на свою практику, отстаивали необходимость учебно-производственных мастерских в институте, расценивая производственные мастерские для умственно отсталых детей как идеал, к которому, может быть, надо стремиться. Пока же в институте немало детей, которых вряд ли удастся приспособить к какой-либо работе. Вызвало возражение и требование охвата мастерскими всех учащихся, включая

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.2046, л.129.

малолетних, без предварительного медицинского отбора.¹

Сурдопедагогов **Мстиславского института глухонемых** тревожило то обстоятельство, что выпускники выходили в жизнь с недостаточно оформленной речью, ограниченным кругом знаний и слабой профессиональной подготовкой. Поэтому в феврале 1930г. педсовет института, по предложению завуча И.С.Ковалева, принял решение с 1930-1931уч.г. преобразовать двухгодичный детский сад института в трехгодичный и принимать в него детей не с восьми-, а с пятилетнего возраста, чтобы за те же 10 лет пребывания в институте, опираясь на «сохранившийся еще инстинкт говорения», выпускники овладели «плавной, выразительной речью» и широким кругом знаний, что позволит им, при желании и способностях, получить не только начальное, но и более высокое общее и профессиональное образование. К этому времени относится и постановка в институте вопроса о механизации учебно-производственных мастерских для глухонемых.

Предложения о повышении уровня общеобразовательной подготовки **слепых школьников** исходили чаще всего от самих выпускников школы. Многие из них, выступая на встречах с учителями и учащимися школы, сокрушались, что одни предметы в школе изучаются очень подробно, а другие (алгебра, физика) совсем не изучаются, а это мешает поступлению в массовую вечернюю семилетку.² В поддержании у учащихся школы слепых жажды знаний и стремления к самообразованию большую роль сыграл пример выпускника этой школы Исидора Максимовича Волчка. В 1921г. он поступил на факультет общественных наук БГУ и свои знания широко пропагандировал среди учащихся школы слепых. Впоследствии И.М.Волчок, один из организаторов Белорусского общества слепых, окончил аспирантуру, работал преподавателем на рабфаке, а затем доцентом кафедры истории КПСС Минского пединститута имени А.М.Горького.

Определяя перспективы обучения и воспитания слепых детей в БССР, заведующий школой П.Н.Захаров в статье «Школа слепых: прошлое, настоящее и будущее» (1929 г.) предлагал обучать слепых вместе со зрячими в единой школе с момента, когда слепые познакомятся со шрифтом Брайля, научатся читать и писать. Трудовое обучение и воспитание слепых, по мнению П.Н.Захарова, должно быть менее политехническим, начинаться в школе слепых на основе индивидуального подхода и особых методов обучения, а завершаться на тех предприятиях, которые заинтересуют старшеклассников.

Офтальмолог С.Д.Каминский предлагал рассматривать проблему воспитания и обучения слепых со стороны обучения общим предметам и политехнического обучения, приспособляющего слепых к разнообразным работам. Мысль о спецшколах для слепых представлялась ему «реакционной». Лишь в качестве временной меры С.Д.Каминский допускал деятельность двухгодичной специальной школы с целью обучения слепых

¹ЦГАОР БССР, ф.42, оп.1, д.1797, лл.81-85.

²ЦГАОР БССР, ф.101, оп.1, д.3394, лл.24-27.

грамоте и подъеме уровня культуры детей с последующим переводом их в массовую школу. Что касается политехнического обучения, то, по мнению С.Д.Каминского, «абсолютным исключением для слепых можно считать только занятия, связанные с транспортом». Наиболее перспективными для незрячих он считал ВУЗы, готовящие специалистов по общественным наукам, педагогике, плановиков, судей и т.д., но подходящими для них могли быть и некоторые ВТУЗы. Заключение С.Д.Каминского находило подтверждение в практической деятельности слепых в БССР. В 1934г. в средних и высших учебных заведениях республики только на филологических и исторических факультетах БГУ и пединститутов обучалось вместе со зрячими 25 выпускников школы слепых.

Существенное влияние на содержание, формы и методы учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей БССР оказали постановления ЦК ВКП/б/ о школе: «О всеобщем обязательном начальном обучении» (25 июля 1930г.), «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931г.), «Об учебной программе и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932г.), «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (4 июля 1936г.), а также постановления СНК СССР и ЦК ВКП/б/ «О структуре начальной и средней школы» (15 мая 1934г.), «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (3 сентября 1935г.). С учетом этих постановлений учебные планы и программы специальных школ приводились в соответствие с требованиями коммунистического воспитания - в первую очередь, лишь затем - с возможностями «дефективных» детей.

Доказательством вышеизложенного, может служить письмо, полученное Н.К.Крупской в 1934г. от воспитанников **Витебского вспомогательного института**: «У нас есть школа с шестью классами, швейная, столярная и сапожная мастерские. Мы учимся в школе и мастерских. Имеется пионеротряд, состоящий из 41 пионера и 22 октябрят. В этом году хорошо подготовились к началу учебного года. Сами отремонтировали свои классы, сделали себе 60 новых парт, пошили всем ребятам костюмы и ботинки. За это время у нас не было ни у кого прогула в школе. Учимся мы на «очень хорошо», «хорошо» и «удовлетворительно». Есть ребята, которые получают «неуд». Мы им помогаем, помогают им учителя и воспитательницы.

За летнее время приготовили дрова для школы и интерната на всю зиму; сами их распилили, высушили и сложили. С огорода собрали столовой и кормовой свеклы 6 тонн, морковки, капусты и других овощей 4,5 тонны. Наш огород маленький, но мы его все лето хорошо досматривали. За образцовую подготовку к учебному году школы и хорошую постановку работы коммуны мы, дети, добились права 6 ноября рапортовать наркому просвещения БССР и председателю Центральной детской комиссии при ЦИК о своих достижениях ко дню 17-й годовщины Октябрьской революции...

Мы, дети разных национальностей: русские, белорусы, евреи, украинцы, поляки, латыши и китайцы, но дети единого класса – пролетариата, живем по заветам нашего любимого наставника Владимира

Ильича и неуклонно выполняем Ваши указания о хорошей учебе, дисциплине и труде и обещаем Вам к концу учебного года добиться усвоения учебного материала на «хорошо» и «очень хорошо», научиться грамотно писать, сохранять в целостности и чистоте школьное имущество и этим самым решения ленинской партии о школе ударно выполнить...» [Полный текст письма опубликован в книге «Друг большой, заботливый». – М.: Молодая гвардия, 1936. – С.201].

Не меньшей политической направленностью отличалась и воспитательная работа с глухонемыми и слепыми учащимися. К началу 30-х годов в **институте глухонемых и в школе слепых** действовали не только пионерские звенья и октябрятские группы, но и ячейки ЛКСМБ. Учащиеся Могилевской школы слепых принимали участие в работе по коллективизации села и в проведении посевных кампаний путем посылки в деревню специальных бригад, члены которых выступали с докладами о преимуществах коллективного хозяйства и с концертами самодеятельности [263]. Шефская работа в деревне проводилась и глухонемыми учащимися (оформление изб – читален и красных уголков, помощь беднейшему населению в летних сельхозработах, выступления с концертами самодеятельности).

Более глубокий анализ содержания, форм и методов учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей БССР в 30-е годы затрудняется тем, что в архивах республики не сохранились документы, отражающие конкретную практику работы спецшкол и органов народного образования в этот период.

В целом же можно заключить, что содержание, формы и методы обучения и воспитания «аномальных» детей в БССР претерпевали изменения, характерные для всех других союзных республик. Решение этих проблем в БССР затруднялось нехваткой квалифицированных кадров дефектологов, ограниченными материальными (полиграфическими, в частности) возможностями республики, не всегда оперативным и квалифицированным методическим руководством учреждениями для детей с отклонениями в развитии. Но даже в этих условиях многие педагоги учреждений для «дефективных» детей БССР стремились согласовать работу по комплексным программам с формированием «живой речи» у глухонемых, с развитием пространственной ориентировки у слепых, с коррекцией познавательной деятельности у умственно отсталых детей и отдавали предпочтение предметной структуре преподавания, согласование общеобразовательной подготовки с трудовым обучением и воспитанием «аномальных» детей.

Таким образом, говоря о становлении государственной системы специального образования в Советской Белоруссии, можно сделать следующие выводы:

1. С образованием БССР начались преобразования в школах для слепых и глухонемых (Минск), впервые были открыты специальные учреждения для умственно отсталых детей (Витебск, Гомель, Минск, Могилев и др.). Все учреждения для «дефективных» детей вошли в

государственную систему народного образования и подчинялись Наркомпросу БССР, что исключало изоляцию их от массовых школ. Органы народного образования приступили к выявлению и учету «умственно и физически дефективных детей», вели работу по созданию учебно-материальной базы учреждений и по подбору кадров.

2. Важным шагом в становлении государственной системы специального образования в БССР стало создание в 1925г. Белорусских институтов глухонемых (в Мстиславле) и умственно отсталых детей (в Витебске). Эти учреждения, как и Минская школа слепых, должны были апробировать новое содержание обучения, формы и методы учебно-воспитательной работы с «дефективными» детьми различных категорий.

3. Создание дошкольных (нулевых) групп и детского сада в школе слепых и в институтах для умственно отсталых и глухонемых положило начало общественному дошкольному воспитанию основных категорий «дефективных» детей в Советской Белоруссии.

4. По мере накопления опыта обучения и воспитания «детей с дефектами умственного и физического развития» и активизации медицинских исследований в области предупреждения и преодоления глухонемоты, слепоты, нарушений речи и познавательной деятельности у детей в специальных учреждениях БССР осуществлялась постоянная дифференциация обучения с учетом степени нарушения слуха и речи, зрения и познавательной деятельности. Это нашло отражение в создании классов для тугоухих и позднооглохших (Мстиславль), в постановке вопроса об организации классов охраны зрения в школах для слепых (Могилев и Гродно) и классов для слабозрячих при массовых школах, в выделении группы глубоко отсталых детей во вспомогательном институте (Витебск) и открытии детского дома для «имбецилов» (Бобруйск). Дифференциация логопедической помощи детям выражалась в открытии классов «афатиков» в Мстиславле, введении должности инструктора по исправлению недочетов речи у умственно отсталых детей в Витебске, в стационарном лечении заикания в логопедическом кабинете при психоневрологическом диспансере в Минске на основе сочетания дидактического и психотерапевтического методов воздействия на заикающихся.

5. Все учреждения для «дефективных» детей БССР в 1924-1925уч.г. в общеобразовательной подготовке учащихся ориентировались на комплексные программы ГУСа для I центра массовой школы, но сроки изучения программного материала устанавливались разные: в школе слепых на ее прохождение отводилось 5 лет, в институте умственно отсталых – 6, а в институте глухонемых – 8, не считая двухгодичного воспитания глухонемых в детском саду. Практические работники с трудом согласовывали работу по этим программам с формированием «живой речи» у глухонемых, развитием пространственной ориентировки у слепых, коррекцией познавательной деятельности у умственно отсталых детей и тяготели к предметной структуре преподавания.

По мере издания учебных планов и программ, специальные школы БССР перестраивали свою работу на основе программно-методической

документации, разработанной в дефектологических центрах РСФСР.

Серьезные затруднения возникли при реализации принципа обучения детей на родном языке в условиях малочисленности учреждений для «дефективных» детей и разнообразия национального состава учащихся в них.

6. В 30-е гг. совершенствовалась вся учебно-воспитательная работа. Мстиславская школа слуха и речи приступила к осуществлению неполного среднего образования глухонемых, тугоухих и позднооглохших детей и детей с нарушениями речи, а в Могилевской школе слепых началось обучение учащихся по программе массовой средней школы. Совершенствовалась в эти годы и система профессионально-трудовой подготовки «дефективных» детей за счет ограничения ремесленно-кустарных форм труда и включения в него элементов политехнизации, особенно в школах для слепых и глухонемых.

Поступательное развитие специального обучения и воспитания «аномальных» детей в Советской Белоруссии было прервано в 1941 г. в связи началом Великой Отечественной войны.

Контрольные вопросы и задания

1. Оцените состояние учебно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей в первые годы Советской власти.
2. Постройте схему «Подходы к содержанию образования детей с особенностями психофизического развития в БССР в 20-30-е гг. XXв.»

3. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В БССР ПОСЛЕ ВОВ

3.1 ВОССТАНОВЛЕНИЕ, РАСШИРЕНИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕТИ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ С ОТКЛОНЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ В БССР

По мере освобождения белорусских земель от фашистских захватчиков первоочередное внимание и забота были проявлены о детях-сиротах, в том числе и об «аномальных» детях. 1 октября 1943г., через 3 дня после освобождения г. Мстиславля Могилевской области, возобновила свою работу Мстиславская школа слуха и речи, преобразованная в феврале 1944г. в Республиканскую школу беспризорных глухонемых подростков на 150 человек.

В апреле 1944г. принято постановление «О восстановлении сети школ в освобожденных от немецких оккупантов районах БССР», которое распространилось и на спецшколы республики. Сеть школ для глухонемых и слепых детей была определена пока в количестве 11 на 1400 детей.¹ К марту 1945г. в республике действовало уже 5 школ для глухонемых (Мстиславская, Бобруйская, Голошевская, Ошмянская, Новогрудская) и 1 для слепых детей (Гродненская в д. Поречье) с плановым контингентом из 650 учащихся. В числе утвержденных специальных школ значилась и Центральная республиканская школа для детей с расстройствами слуха и речи на 300 учащихся в Минске. По замыслу НКП БССР, она должна была обеспечивать дифференцированное обучение тугоухих детей и детей-логопатов республики. Осенью 1945г. эта школа начала работать в Кобрине. Открытие запланированных школ глухонемых в Гомельской (Речица), Полесской (Копцевичи) и Пинской (Дрогичин) областях тормозилось отсутствием помещений или материалов для их ремонта и оборудования.

В 1946г., по неполным данным, обучением в спецшколах БССР не было охвачено 190 слепых, 700 глухонемых, 309 умственно отсталых детей и 175 детей-калек школьного возраста.

Согласно приказа Министерства просвещения БССР 1947г. «О работе спецшкол БССР» в республике началась работа по организации дифференцированного обучения детей с нарушениями слуха и речи. Директорам школ глухонемых вменялось в обязанность перевести всех тугоухих и позднооглохших детей, детей-логопатов из школ глухонемых в **Кобринскую школу слуха и речи**. В развитие этого приказа было рекомендовано открыть в Бобруйской школе глухонемых отделения для тугоухих, позднооглохших и алаликов. Эти отделения должны были комплектоваться за счет выделения детей соответствующих категорий из числа обучавшихся в Мстиславской, Голошевской, Речицкой, Копцевичской и Ждановичской школах глухонемых, а в Кобринскую школу слуха и речи

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.4, д.4, л.26; д.8, л.69.

рекомендовалось переводить таких же детей из Новогрудской, Дрогичинской и Ошмянской школ глухонемых.

В связи с постановлением Совета Министров БССР 1949г. «О всеобщем обязательном семилетнем обучении в БССР» намечалось открытие новых школ глухонемых в Брестской, Гродненской и Полоцкой областях. Ряду школ глухонемых (Голошевской, Ошмянской и др.) рекомендовалось в 1949г. открыть пятые классы для превращения этих школ в растущие восьми- или девятилетние с подготовительным классом.¹

Несколько затянулось в первые послевоенные годы восстановление **сети вспомогательных школ** в республике. Первая вспомогательная школа (в Витебске) была укомплектована лишь в январе 1949г., что трудно объяснить только материальными или кадровыми затруднениями республики. Определенную роль сыграло настороженное отношение работников Наркомпроса (с марта 1946г. – Минпроса) БССР к наличию вспомогательных школ в БССР в довоенное время и опасение скатиться к позиции педологии, осужденной в свое время ЦК ВКП(б).

Необходимость же вспомогательных школ как неотъемлемого звена системы народного просвещения остро осознавалась педагогической общественностью республики. По данным статистики областей, в 1946-1947уч.г. в БССР до 700 умственно отсталых детей школьного возраста проживало у родителей. До 200 таких детей сдержалось в детских домах для детей-сирот. Все они нуждались в специальном обучении и воспитании. Поэтому Министерство просвещения БССР в 1947г. подготовило проекты штатов вспомогательных школ в Витебске и Минске (на 120 человек каждая). В январе 1948г. СМ БССР принял постановление «Об открытии в БССР санаторно-лесных школ и школ для умственно отсталых детей», которым предусматривалось открытие двух вспомогательных школ с общим контингентом на 200 человек. В 1950г. была открыта вспомогательная школа в Микашевичах, переведенная вскоре в Городище Пинского района. В 1950-1951уч.г. в двух вспомогательных школах обучалось 246 детей, отобранных в основном из детских домов для детей-сирот.²

К 1955г. в БССР работало 13 специальных школ: 10 – для детей с нарушением слуха и речи, 1 – для слепых детей и 2 вспомогательные. В них обучалось 1626 детей: 1276 глухонемых, тугоухих и логопатов, 104 слепых и 246 умственно отсталых. Однако среди не охваченных специальными школами детей в возрасте 7-15 лет к началу 1950-1951уч.г. числилось еще 273 слепых, 1298 глухонемых, 1027 умственно отсталых и 415 детей-калек.³

В 50-е годы в БССР значительно расширилась **логопедическая помощь** населению по линии Министерства просвещения и здравоохранения. Первые логопедические пункты были открыты в 1950г. в Минске и в Витебске (логопеды Т.Н.Кобузенко и Г.И.Померанцева). В

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.4, д.129, л.139.

² ЦГАОР БССР, ф.42, оп.4, д.33, л.261; д.179, л.3 и др.

³ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.4, д.69, л.126.

ноябре 1950г. Совет Министров БССР обязал открыть по одному школьному логопедическому пункту в каждом из областных центров республики (в Барановичах, Бобруйске, Бресте, Гомеле, Гродно, Могилеве, Мозыре, Молодечно, Пинске и Полоцке) и укомплектовать их логопедами с высшим дефектологическим образованием. К концу 50-х годов логопедические кабинеты функционировали также при психоневрологических и слухоречевых диспансерах и при детских поликлиниках в Минске, Могилеве, Гомеле, Бресте и в Гродно.

Большую роль в совершенствовании системы учреждений для детей с нарушением слуха и речи сыграло постановление Совета Министров БССР 1952 г. «О мероприятиях по борьбе с глухотой и глухонемой и улучшение обслуживания глухонемых и глухих». Оно предусматривало создание **сурдологических кабинетов** в Минске (1952г.) в Витебске (1953г.), организацию в яслях и домах ребенка трех групп для детей с нарушением слуха и речи на 45 человек в Минске (1952г.) и двух групп для таких же детей в Витебске (1953г.), строительство в Минской области школы-интерната для детей с нарушением слуха, полный охват обучением в 1952-1956гг. всех глухих, глухонемых и тугоухих детей в возрасте 7-14 лет, расширение сети дошкольных учреждений для таких детей

Аналогичное постановление Совет Министров БССР принял и в отношении слепых детей и взрослых.

К 1960г. в БССР действовало 24 специальные школы: 14 – для детей с нарушением слуха и речи, 2 – для детей с нарушением зрения, 8 – для умственно отсталых детей. В них обучалось 2827 детей: 1659 глухих и слабослышащих, 178 слепых и слабовидящих, 990 умственно отсталых детей.

Расширялась **сеть учреждений для глухих дошкольников**. В 1953г. в Минске были открыты детские ясли для глухих детей. В 1955г. они преобразованы в ясли-сад. Создаются дошкольные группы при Дрогичинской, Речицкой, Волковыской и Пинской школах глухих.

С 1960г. по 1965г. сеть школ для детей с нарушением слуха и зрения стабилизировалась. При ряде школ глухих (Ошмяны, Бобруйск, Речица, Пинск) организованы классы переростков. В 1959г. при Мстиславской школе глухих открыт **логопедический стационар для заикающихся детей**.

Совет Министров БССР в 1961г., выполняя Закон о школе, наметил конкретные мероприятия по улучшению дела обучения и воспитания детей «с дефектами умственного и физического развития». Согласно этому постановлению сеть **учреждений для детей с нарушением слуха** приводилась в полное соответствие с научно обоснованной классификацией таких детей и принципами дифференцированного обучения их, разработанными в НИИ дефектологии АПН РСФСР. Кобринская и Бобруйская школы были целиком преобразованы в школы для слабослышащих детей. В 1962г. в Минске была открыта третья в республике школа для слабослышащих и позднооглохших детей. Впервые в БССР открываются Василевичская и Молодечненская школы для слабовидящих детей (1963г.), Осиповичская школа-интернат для детей, перенесших полиомиелит (1964г.), школа для детей с тяжелыми нарушениями речи в

Новогрудке с отделениями для заикающихся детей и для детей-алаликов (1966г.). Почти втрое расширилась к этому времени сеть вспомогательных школ (с 14 - в 1960г. до 40 - в 1966г.).

За этот период построено 8 типовых зданий для специальных школ. В связи с этим ряд школ, располагавшихся в приспособленных помещениях (Волковысская и Новогрудская, Голошевская и Дрогичинская школы глухих; Давыдовская и Макановичская вспомогательные), были закрыты по причине слияния их с другими школами. В начале 60-х годов семилетняя вспомогательная школа была реорганизована в восьмилетнюю. Все школы слабослышащих, Мстиславская, Ошмянская и Пинская школы глухих приступили к осуществлению неполного среднего образования детей с нарушением слуха.

Расширялась и дифференцировалась сеть учреждений для «аномальных» дошкольников: в 1963г. в Минске открывается Республиканский детский дом для глухих на 135 мест, созданы дошкольные группы при Копцевичской и Ошмянской школах глухих; в 1965г. открывается детский сад №235 для умственно отсталых детей и детей с тяжелыми нарушениями речи в Минске, ряд групп для детей с нарушениями речи при массовых детских садах в Минске, Витебске и Могилеве.

В 60-х годах в БССР дальнейшее развитие получила логопедическая помощь населению. Эту работу постоянно направлял и координировал первый в СССР сурдологопедический диспансер (главврач Г.З.Кругер), созданный на базе действовавшего ранее сурдологопедического кабинета. К середине 60-х годов в республике работало свыше 50 логопедических пунктов и кабинетов при школах и поликлиниках областных и районных центров, логопедические стационары для заикающихся школьников в Мстиславле и Кобрине, областные сурдологопедические диспансеры, речевые классы при ряде школ в Минске, Витебске, Молотковичах, Бытене.

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966г. «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы», Комитет народного контроля БССР и бригада Министерства просвещения СССР с участием советских ученых, сотрудников НИИ дефектологи АПН СССР Г.М.Дульнева, М.И.Земцовой, А.Г.Зикеева, С.А.Зыкова и др. осенью 1967г. всесторонне проверили состояние работы по осуществлению всеобуча «аномальных» детей в БССР. Результаты проверки показали, что спецшколы БССР еще не обеспечивали полного охвата обучением детей с «частичными дефектами». Серьезные недостатки имели место в системе комплектования спецшкол учащимися, в работе органов народного образования и руководителей отдельных специальных школ по созданию необходимых условий для успешного осуществления учебно-воспитательного процесса.

Исходя из материалов проверки, было определено содержание работы по развитию дела воспитания и обучения «аномальных» детей в БССР на длительную перспективу. Госплану, Министерству просвещения и Госстрою БССР поручалось в течение 1969-1975гг. осуществить строительство 21 специальной школы по типовым проектам. На эти цели из государственных

капиталовложений было выделено более 6млн. рублей. За счет средств Белорусских обществ глухих и слепых запланировано строительство дошкольного детского дома для детей с нарушением слуха в Бобруйске и типового комплекса для Василевичской школы-интерната слабовидящих детей. Совет Министров БССР обязал облисполкомы и Минпрос БССР до 1975г. создать во всех спецшколах оборудованные учебные кабинеты и учебно-производственные мастерские, обеспечивающие получение воспитанниками трудовых навыков и специальности по одной из рабочих профессий.¹

Данные о динамике развития сети школ для «аномальных» детей и количестве учащихся в них в БССР в 1970г.-1985г. отражены ниже в таблице.

Из таблицы видно, что сеть школ для детей с нарушениями зрения, слуха, познавательной деятельности, опорно-двигательного аппарата и с тяжелыми нарушениями речи в БССР в основном стабилизировалась. В контингенте воспитанников школ для слепых в Гродно и в Шклове наметилась тенденция к уменьшению численности детей с глубокими нарушениями зрения. В обеих школах наряду с классами для слепых созданы и классы для слабовидящих детей.

В 80-е гг. достигнуто достаточно рациональное размещение школ для умственно отсталых в республике: 27 вспомогательных школ расположено в городах, 28 – в сельской местности. В Минской области, как наиболее населенной, работает 14 школ (4 из них – в Минске), в Гомельской и Витебской – по 10, а в Брестской, Гродненской и Могилевской – по 7 школ.

Кроме этого, в специальных классах при дневных общеобразовательных школах в 1979-1980уч.г. обучалось 260, а в 1985-1986уч.г. – 200 детей с недостатками умственного и физического развития.

¹ Сов. Белоруссия. – 1968, - 20 апр.

СВЕДЕНИЯ

о числе школ для детей с недостатками умственного и физического
развития в Белорусской ССР и численности учащихся
в них в 1970 – 1985гг.

№ п/п	Типы специальных школ	Число школ и учащихся в них (на начало уч. г.)					
		1969/1970		1979/1980		1985/1986	
		школ	уч-ся	школ	уч-ся	школ	уч-ся
1.	Школы для слепых детей	2	398	2	391	2	381
2.	Школы для слабовидящих детей	4	575	5	888	4	725
3.	Школы для глухих детей	6	1256	6	1289	7	1197
4.	Школы для слабослышащих и позднооглохших детей	3	782	8	1359	7	1243
5.	Школы для умственно отсталых детей (вспомогательные)	42	6922	52	10363	54	11134
6.	Школы для детей с последствиями полиомиелита и церебральными параличами	1	273	1	250	1	224
7.	Школы для детей, больных сколиозом	4	907	5	1310	6	1438
8.	Школы для детей с тяжелыми нарушениями речи	5	729	7	1133	7	1286
9.	Школы для детей с задержкой психического развития	-	-	-	-	7	1525
	ИТОГО:	67	11842	86	16983	95	19153

Важную роль в восстановлении здоровья детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и приобщении их к общественно полезному труду сыграли **школы для детей с последствиями полиомиелита и церебральными параличами** в Осиповичах Могилевской области и для **детей, больных сколиозом**, в Минске и в Могилеве, в Бресте и в Гомеле, в Молодечно и в Озерах Гродненской области.

Расширялась сеть школ для детей с **тяжелыми нарушениями речи**.

В 70-80-х гг. в БССР под руководством НИИ дефектологии АПН СССР проведена всесторонняя работа по организации нового типа специальных школ – **школ для детей с задержками психического развития**. Первая их низ была открыта в 1980г. в городском поселке Телеханы Брестской области.

Существенные перемены произошли в **сети учреждений для «аномальных» детей дошкольного возраста**. Если в 1975г. в БССР работало 8 таких учреждений, а в 1980г. – 13, то в 1985г. число их возросло до 25. Сюда вошли: 5 детских домов и садов для глухих и слабослышащих (в Минске, Бобруйске, Гомеле и Мозыре) на 550 детей; 7 – для умственно отсталых детей (в Минске, Витебске, Барановичах, Бресте и Ждановичах) на 590 воспитанников; 3 детских сада для слепых и слабовидящих (в Минске, Гродно и Речице) на 400 детей; 9 – для детей с нарушениями речи (в Минске, Витебске, Мозыре, Могилеве и Молодечно) на 970 дошкольников; детский сад больных сколиозом в Минске на 120 человек. Кроме того, в дошкольных учреждениях общего типа в разных городах республики (Борисов, Жодино, Орша и др.) действовало более 250 специальных групп для детей с нарушениями слуха, зрения, речи, интеллекта, опорно-двигательного аппарата и с задержкой психического развития, в которых воспитывалось свыше 4000 детей. Всего же в специальных детских домах и садах и в спецгруппах при детских садах общего типа в БССР получали специальное воспитание более 6700 «аномальных» дошкольников. Большинство этих учреждений размещалось в типовых или реконструированных зданиях, было обеспечено необходимым инвентарем, физкультурным и медицинским оборудованием, слуховой аппаратурой и музыкальными инструментами, игровым и учебно-наглядным материалом.

Развертывалась и **сеть логопедических пунктов** при массовых школах и в учреждениях здравоохранения БССР. Если в 1970г. их было 99, а в 1980г. – 209, то в 1985г. при школах, поликлиниках и диспансерах республики работало 349 логопедов, что вместе со школами и дошкольными учреждениями для детей с тяжелыми нарушениями речи делало логопедическую помощь в Советской Белоруссии относительно широко доступной детям и взрослым.

Продуктивную работу с детьми и взрослыми, страдающими расстройствами слуха и речи, вели **областные сурдологические кабинеты** и **Республиканский центр патологии слуха, речи и голоса**, координирующий работу всех учреждений по речевой патологии Министерства здравоохранения БССР и осуществляющий консультативную помощь специальным школам, дошкольным учреждениям для детей с нарушениями слуха и речи и школьным логопедическим пунктам.

Особого внимания заслуживает факт расширения традиционно тесного сотрудничества органов народного образования БССР с органами здравоохранения республики в организации сети специальных школ и дошкольных учреждений, формировании контингента воспитанников, обеспечении комплексного медико-педагогического воздействия на них в учебно-воспитательном процессе.

Обобщая сказанное, можно заключить, что в послевоенные годы в БССР постепенно дифференцировалась сеть учреждений для «аномальных» детей, что способствовало осуществлению всеобщего их образования.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите государственные правовые акты (законы, постановления и пр.), способствовавшие дифференциации сети учреждений для детей с отклонениями в развитии в БССР в послевоенные годы.
2. Какие новые типы специальных учреждений для детей с особенностями психофизического развития были открыты в БССР в 50-70-е гг. XXв.?
3. Постройте схему «Система учреждений специального образования БССР в нач. 80-х гг. XXв.».

3.2 ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ ДЕФЕКТОЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ

К концу Великой Отечественной войны в БССР не оказалось ни одного специалиста с дефектологическим образованием. Из 85 педагогических работников специальных школ республики в 1946-1947уч.г. высшее педагогическое образование имели лишь 4 человека – директора школ (4,7%), незаконченное высшее – 3 человека (3,5%), среднее педагогическое – 71 (83,5%), неполное среднее – 7 (8,3%). Из них заочно обучалось в пединститутах только трое.¹

В связи с количественным ростом спецшкол, особенно для детей с нарушением слуха и речи, и ежегодным увеличением контингента учащихся, Министерство просвещения БССР вынуждено было привлекать для работы в спецшколах лиц со средним педагогическим образованием, прошедших 1-2-х месячные курсы по сурдопедагогике или практику в школах глухонемых. В 1947-1948уч.г. в школы глухонемых поступили на работу 24 выпускника педучилищ, в 1948-1949 уч. г. – 10. Школа слепых и вспомогательные школы тоже комплектовались педагогами из массовых школ. Эти люди специализировались непосредственно в школах под руководством педагогов, имевших довоенный опыт работы в спецшколах: Г.И.Стряпченко, Л.В.Мавриной, Н.А.Жуковской, З.М.Зерениной, И.Е.Ходоренко, Г.В.Ломоновской, З.Г.Осиповой (Мстиславль), Л.Е.Барон, М.К.Терешенковой (Бобруйск), А.С.Гринкевич и З.Ф.Федоровой (Голошево), В.С.Бариновой и А.В.Черствяковой (Кобрин), З.В.Усовой (Речица), тифлопедагогов В.Н.Москалевич и М.П.Горулова (Гродно), олигофренопедагогов А.С.Журавской, А.М.Масса, Р.О.Цынман (Витебск) и

¹ЦГАОР БССР, ф.42, оп.4, д.129, л.134-139.

др.

Наряду с этим Министерство просвещения БССР широко практиковало делигирование руководителей, учителей и воспитателей школ глухонемых на совещания, семинары и курсы по сурдопедагогике, проводившиеся Министерством просвещения РСФСР, УССР и НИИ дефектологии АПН РСФСР.

Однако уровень образования педагогов спецшкол в начале 50-х годов оставался еще низким. Из 274 учителей-воспитателей лишь один имел высшее дефектологическое образование. Лица с высшим и незаконченным высшим педагогическим образованием составляли 13,5% (против 33,6% в массовой школе); педагоги со средним образованием – 74% и с неполным средним – 12,4%.¹

Действенным средством повышения квалификации педагогов специальных школ БССР и в это время были **курсы, семинары и совещания**, которые проводились ежегодно в январе и в августе на базе лучших школ республики.

Изыскивались и другие пути обеспечения специальных школ для «аномальных» детей квалифицированными кадрами. Снова, как и в 20-е гг., изучались возможности подготовки сурдопедагогов в БССР на базе педучилищ в Ошмянах или в Мстиславле, организации более длительной практики выпускников педучилищ в школах для глухонемых. В 50-е гг. Минпрос БССР возобновил систематическое оформление заявок Минпросу РСФСР на подготовку кадров дефектологов для Белоруссии. Стимулом к этому послужило постановление Совета Министров БССР от 24 марта 1952г. «О мероприятиях по борьбе с глухотой и глухонемой и улучшению обслуживания глухонемых и глухих», необходимость дальнейшей дифференциации типов спецшкол и создания системы логопедической помощи детям с нарушениями речи.

К концу 50-х гг. в учреждениях для «аномальных» детей республики работало около 30 выпускников дефектологических факультетов Москвы, Ленинграда и Киева. Среди них были логопеды Т.Н.Кобузенко, Л.Н.Казимирчик, И.Г.Октябрь, И.С.Старобинская, Е.Ф.Федорова, К.Г.Ермилова; сурдопедагоги Г.Е.Годиевская, Т.Л.Лещинская, Ф.Л.Гинзбург, И.М.Бобла, Г.А.Кибарева, И.И.Левина, А.В.Малеева, Л.Д.Медведева, В.В.Рачинская, К.Н.Решетникова, С.М.Фридман, М.И.Андрющенко; олигофренопедагоги В.С.Наркизова, Л.З.Шпильман, А.И. Аристович, Н.Л. Коломинский; тифлопедагоги Я.И.Будовский, Е.И.Тишкевич и др. Кроме того, отдельные учителя и воспитатели спецшкол БССР заочно обучались на деффаках Москвы и Ленинграда. На базе Гродненской школы слепых регулярно проводилась практика студентов-тифлопедагогов ЛГПИ им. А.И.Герцена, что тоже способствовало повышению квалификации педагогов

Однако в целом положение с кадрами дефектологов в БССР оставалось неудовлетворительным. Переход республики к всеобщему

¹ ЦГАОР БССР, ф.42, оп.4, д.179, л.8; д.173, л.65.

семилетнему образованию, необходимость дальнейшего расширения сети школ для «аномальных» детей побудили Совет Министров БССР принять **постановление об открытии в 1960г. в Минском пединституте им. А.И.Горького дефектологического отделения.** Большая заслуга в непосредственной организации подготовки кадров дефектологов в БССР принадлежит кандидату медицинских наук **А.Г.Трояновой**, инспектору спецшкол Министерства просвещения БССР **Т.Л.Лещинской**, главврачу Республиканского сурдологопедического диспансера **Г.З.Кругер** и логопеду этого диспансера **К.Г.Ермиловой**.

Первая группа студентов-дефектологов (21 человек) завершила свою пятилетнюю подготовку по специализации математиков-сурдопедагогов при физико-математическом факультете института. С 1961г. подготовка дефектологов осуществлялась уже при факультете педагогики и методики начального обучения по специализации «Олигофренопедагогика и логопедия», а также «Сурдопедагогика» (выпуск 1968г.).

Дефектологи первых трех выпусков за 5 лет учебы получали подготовку по широкому профилю с правом работы не только в специальной, но и в массовой школе. С 1963г. осуществлялась подготовка дефектологов по 4-летнему учебному плану с присвоением выпускникам квалификации учителя и логопеда вспомогательной школы. Однако ежегодный выпуск 20-25 специалистов-дефектологов, из которых несколько человек готовились для Армении, а позже – для Грузии и Туркмении (по спецнабору), не решал проблемы кадров дефектологов в БССР. Выпускники отделения в основном направлялись во вновь открывающиеся логопедические пункты и дошкольные учреждения для «аномальных» детей. А в специальных школах по-прежнему остро ощущалась нехватка кадров дефектологов. По данным 1965-1966 уч.г., в спецшколах БССР работал 1691 педагог. Только 80 из них имели высшее дефектологическое образование, и лишь 75 учились заочно на дефектологических факультетах пединститутов РСФСР. Среди 11 директоров специальных школ Гомельской области не было ни одного дефектолога. В Туровской вспомогательной школе на 27 учителей дефектологическое образование имел только один, в Юровичской – два учителя.

Во исполнение постановления Совета Министров БССР «О мерах по дальнейшему улучшению обучения и воспитания детей с недостатками умственного и физического развития» от 12 апреля 1968г. в республике принимались меры по укомплектованию специальных школ медицинскими, педагогическими и руководящими кадрами, имеющими соответствующее образование и опыт работы. Одной из таких мер было расширение в 1968г. приема студентов на дневное отделение и открытие **заочного отделения дефектологии в МГПИ им. А.М.Горького.** Подготовка дефектологов заочной формы обучения осуществлялась в группах с 3-летним сроком обучения (для педагогов специальных школ, имеющих высшее образование, по специализации «олигофренопедагогика и логопедия» и «сурдопедагогика») и с 5-летним сроком обучения (для лиц со средним образованием по специализации «олигофренопедагогика и логопедия»).

1968г. стал поворотным и в отношении преподавательских кадров самого отделения дефектологии. Преподаватели-дефектологи, которые до сих пор работали в составе кафедры педагогики и методики начального обучения, были выделены в **самостоятельную кафедру дефектологии**. В ее состав вошли доценты **А.Г.Троянова** (зав. кафедрой) и **Ф.А.Калинин**, старшие преподаватели **И.М.Бобла**, **К.Г. Ермилова** и **Т.Л.Лещинская**. С 1969г. кафедру дефектологии возглавлял кандидат педагогических наук Ф.А.Калинин. В 1975г. руководство кафедрой осуществлялось кандидатом педагогических наук Т.Л.Лещинский. Приказом Министра просвещения БССР №82 от **24 апреля 1976г.** **дефектологического отделение педфака МГПИ имени А.М.Горького преобразовано в факультет**. Деканом факультета в течение 10 лет работал кандидат медицинских наук **Г.Г.Турик**. На факультете работали 2 кафедры: специальной педагогики (зав. – доцент Т.Л.Лещинская); психопатологии и логопедии (зав. – доцент Н.Ф. Шило в 1976-1979 гг. и доцент Т.А.Григорьева – в 1979–1984 гг.). Позже на факультете уже работали 3 кафедры: олигофренопедагогики и психопатологии (зав. – доц. Г.Г. Турик), сурдопедагогики и логопедии (зав. – доц. Т.А.Григорьева), специальных методик (зав. – доц. В.П. Гриханов). Декан факультета – доц. Т.Л. Лещинская.

С 1975г. подготовка учителей-дефектологов велась по пятилетнему учебному плану.

Уже в 1970-1975гг. количество дефектологов в учреждениях для «аномальных» детей в БССР возросло в 2,5 раза и составило 15,5% от общего числа педагогов. В 1980-1981уч.г. каждый пятый педагог в спецшколах БССР имел высшее дефектологическое образование. Лица с высшим дефектологическим образованием среди руководителей школ составляли 52%, среди учителей – 25%, среди воспитателей – 8%. Обеспеченность педагогами-дефектологами выше всего оказалась в школах для детей с недостатками слуха – 31% (в школах для детей с нарушением зрения – 29%, с тяжелыми нарушениями речи – 16%, во вспомогательных школах – 13%). Логопедические пункты были обеспечены кадрами на 30% и специальные дошкольные учреждения для «аномальных» детей - на 91%.

В связи с открытием новых школ и уменьшением наполняемости воспитательных групп в спецшколах-интернатах, активизацией работы по развитию остаточного слуха и формированию произношения у детей с нарушением слуха в спецшколы республики прибыло свыше 1500 новых педагогов из массовой школы. В 1970г. в спецшколах БССР работало 2110 педагогов, в 1980г. – 3862. Многие из них получили образование на заочных отделениях дефектологических факультетов, в основном в МГПИ им. А.М.Горького и ЛГПИ им. А.И.Герцена.

В 1985-1986уч.г. в специальных школах БССР работало 4644 педагога. Из них 80,1% имели высшее образование (в 1970г. они составляли 65%, в 1980ш.–72%), незаконченное высшее–3,4%, среднее специальное педагогическое–2,1%, среднее специальное непедagogическое–2%, общее среднее–2,4%. Однако дефектологическое образование имело лишь 1167

(25,1%) педагогов спецшкол. Комплектование школ кадрами дефектологов по областям республики не отличалось равномерностью: среди педагогов спецшкол для «аномальных» детей г. Минска дефектологи составляли 47,2%; выше среднего по республике уровень обеспеченности кадрами дефектологов в спецшколах был в Минской (27,8%) и Витебской (25,9%) областях; ниже среднего – в Брестской (23,6%), Гомельской (21,9%), Гродненской (20,5%) и Могилевской (16,4%) областях.

В связи с этим активизируется работа **республиканского и областных институтов усовершенствования учителей**, которые организуют плановую курсовую подготовку и переподготовку педагогов спецшкол один раз в 5 лет через годичные очно – заочные и месячные курсы с отрывом от работы, республиканские и областные семинары с различными категориями работников специальных учреждений для «аномальных» детей. Квалифицированное чтение лекций на курсах, руководство семинарами и практическими занятиями обеспечивалось сотрудниками НИИ дефектологии АПН СССР, дефектологических факультетов Минского, Московского, Ленинградского и Киевского пединститутов. В спецшколах республики широко развивалось движение наставничества. Работу по повышению квалификации кадров дефектологов в БССР курировал отдел спецшкол Министерства просвещения БССР (инспектор **В.А.Шух**).

В целом же решение проблемы кадров дефектологов в БССР еще не удовлетворяло реальных нужд республики. Возрастающие требования к дифференциации обучения различных категорий «аномальных» детей, совершенствование системы специальных учреждений, поиски путей оптимизации процесса обучения и воспитания аномальных детей с учетом основных направлений реформы школы выдвигали перед педагогической общественностью республики новые задачи в определении профилей, содержания и методики подготовки кадров дефектологов в Советской Белоруссии.

Контрольные вопросы и задания

1. Можно ли утверждать, что подготовка квалифицированных кадров дефектологов в БССР в 50-60-е гг. качественно отличалась от аналогичных процессов в 20-30-е гг.? Почему?
2. Перечислите мероприятия, которые способствовали решению кадрового вопроса в системе специального образования БССР в 50-70-х гг. XX в.

3.3 ВКЛАД ДЕФЕКТОЛОГОВ БССР В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проблемы теории и практики дефектологии в БССР привлекали внимание педагогической общественности еще в предвоенные годы. В республиканских и союзных изданиях («Асвета», «Камуністычнае выхаванне», «Вопросы дефектологии» и др.) нашли отражение попытки обобщения и распространения педагогического опыта работы с умственно отсталыми детьми (А.Таубэ, 1985г.; З.Шышова, 1927г.; М.Львова, 1928г.),

слепыми (П.Захараў, 1929г.; З.Субоціна, 1931г.; І. Ваўчок, 1934г.), глухонемыми (Г.Х.Карпілаў, Е.І.Яраслаўкі, 1934г.), заикающимися детьми и взрослыми (Е.О.Фридман, 1936г.; Е.Садовский, 1938г.).

В послевоенные годы работа по обобщению опыта обучения и воспитания «аномальных» детей в БССР длительное время тормозилась отсутствием в республике квалифицированных кадров дефектологов. Однако по мере восстановления сети специальных школ и расширения их контактов с дефектологическими центрами РСФСР, педагоги учреждений для «аномальных» детей Беларуси все больше вовлекались в работу по апробации экспериментальных программ, подготовленных НИИ дефектологии АПН РСФСР для разных типов школ, и внедрении в практику новых теоретических концепций в области сурдо-, тифло-, олигофренопедагогики и логопедии. Наиболее активное участие в этой работе принимали коллективы Мстиславской школы для глухонемых детей, Бобруйской – для слабослышащих, Волковысской вспомогательной и Гродненской школы для слепых. Опыт последней по изготовлению и применению электрифицированной карты СССР был освещен Я.И.Будовским на страницах пособия «Тифлопедагогика» в 1956г.

С 1955г. представители БССР принимают участие в работе Центральных «Педагогических чтений» и научных сессий по дефектологии. Благодаря этому на страницах сборника «Специальная школа», отраслевых сборников, выходящих под редакцией научных сотрудников НИИ дефектологии с грифом «Из материалов «Педагогических чтений», и журнала «Дефектология» появляются первые публикации белорусских дефектологов, отражающие практический опыт и результаты научных исследований в области тифло- (Л.П. Будовская, 1963г.; Л.П. Кавцевич, 1963г.; В.И. Кочева, 1966г.; Н.Г. Ключева, 1967г.; В.Г. Михайлова, 1967г.), сурдо- (И.М. Бобла, 1960г.; М.Н. Манышев, 1963г.; Т.Е. Махлина, 1964г.; В.Н. Гринкевич, 1965г.; В.В. Дзюрнич, 1966г.; Л.А. Гуревич, 1967г.; Т.Л. Лещинская, 1969г.) и олигофренопедагогики (И.И. Говор, 1969г.).

По просьбе научных сотрудников НИИ дефектологии АПН РСФСР М.Ф.Гнездилова, С.А.Зыкова и др. дефектологи–практики БССР приняли участие в создании учебников для специальных школ.

Почти 10 лет обучение грамоте во вспомогательных школах страны велось по букварю и методическому руководству к нему, подготовленным учительницей Волковысской вспомогательной школы Е.Д.Уразбахтиной (1965г., 1967г.). Обучение русскому языку в VI и VII классах школ глухих - по учебникам, созданным авторским коллективом Мстиславской школы глухих в составе М.Н.Манышева, Е.Т.Власовой, В.С.Ивкиной и А.А.Румянцевой; обучение географии в V – VI классах школ глухих, написанных М.Н.Манышевым - заслуженным учителем БССР.

Высокую оценку получил опыт белорусских дефектологов на отраслевых всесоюзных и республиканских конференциях, совещаниях и семинарах по актуальным проблемам теории и практики дефектологии (В. Ермаков и В. Мачихина, 1977г.; И. Гилевич и Л. Тигранова, 1979г. и др.).

Из публикаций практических работников специальных учреждений для

«аномальных» детей БССР в этот период значительный интерес представляют материалы Т.И.Обуховой (Минск) о работе по развитию мышления у глухих дошкольников (1971г.); И.И.Говора (Гольшаны) - о связи вспомогательной школы с родителями учащихся и переходе на кабинетную систему обучения (1976г., 1980г.); А.Л.Торопа (Василевичи) - о дифференцированном обучении и охране зрения слабовидящих на уроках труда (1978г., 1980г.); Н.Ф.Барилюка (Кобрин) - о развитии слухового восприятия и формировании произношения у слабослышащих (1982г.); Л.В.Василюк (Витебск) - о рационализации оборудования логопедического кабинета (1984г.) и др.

В условиях выполнения «Закона об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958г.) активизировалась работа тифлопедагогов по преодолению иждивенческих настроений и инвалидных установок у детей с нарушениями зрения, предложенная Я.И.Будовским (1965г.) система краеведческой работы, получила признание и применение в школах для детей с нарушениями зрения Прибалтики, Украины, РСФСР. В работах Я.И.Будовского (1965г.,1972г.) убедительно доказана эффективность краеведения в школах для слепых и слабовидящих в повышении у учащихся интереса к знаниям, воспитании у них любви к Родине, уверенности в своих силах.

Реализации принципов новой системы обучения глухих детей языку на уроках физической культуры в школе для глухих, разработанной сектором сурдопедагогики НИИ дефектологии АПН РСФСР, способствовало исследование учителя Ждановичской школы глухих детей, а позже – преподавателя Минского пединститута им. А.М.Горького, В.В.Дзюрича (1971г.). Данное исследование подтвердило, что сочетание демонстрации физических упражнений со словесной инструкцией в обучении глухих школьников содействует не только развитию речи учащихся, но и совершенствованию двигательных умений и навыков. Материалы проекта специальной программы по физической культуре для школ глухих, подготовленной с участием В.В. Дзюрича (1969г.), получили развитие и в программе по физкультуре для школ глухих 1984г. издания.

Существенный вклад в определение путей повышения сознательности в учении глухих школьников (на материале арифметики) внесла своим исследованием бывший инспектор спецшкол МП БССР, преподаватель Минского пединститута им. А.М.Горького Т.Л.Лещинская (1972г.). Применив оригинальную методику эксперимента, она пришла к выводу, что основными путями повышения сознательности в учении глухих учащихся являются организация самостоятельной работы школьников в различных звеньях учебного процесса и использование наглядно-практической деятельности учащихся в качестве средства формирования и уточнения знаний. Итоги эксперимента, проведенного Т.Л.Лещинской, способствовали разработке новой дидактической системы обучения и воспитания глухих школьников и подтвердили правомерность включения в учебный план школы глухих нового учебного предмета, получившего название «Предметно-практическое обучение».

Состояние логопедической помощи в БССР освещено в исследовании О.Т.Мороз (1973г.).

Первые исследования в области специальной психологии в БССР были осуществлены учителем вспомогательной школы №8 г. Минска, а позже – научным сотрудником НИИ педагогик МП БССР Н.Л.Коломинским (1972г.) и преподавателем физкультуры в группах для глухих студентов Гомельского машиностроительного техникума Б.М.Зайцевым (1974г.). Н.Л.Коломинский изучил особенности самооценки и уровня притязаний умственно отсталых школьников старших классов в учебной деятельности и в межличностных отношениях, а Б.М.Зайцев – динамику работоспособности глухих учащихся в течение учебного дня.

Большую роль в развитии теории и практики дефектологии в БССР сыграла деятельность открытого в 1960г. в Минском государственном педагогическом институте имени А.М.Горького **отделения дефектологии**. Начавшаяся здесь подготовка кадров сурдопедагогов, олигофренопедагогов и логопедов стимулировала работу преподавателей–дефектологов по изучению истории, современного состояния и перспектив обучения и воспитания «аномальных» детей в Белоруссии (Т.Л.Лещинская, И.М.Бобла, 1967г.; И.М.Бобла, 1969г., 1972г.; Т.М.Шахлевич, 1972г. и др.). Лаконичные, но содержательные историко-педагогические статьи Т.Л.Лещинской (1969г., 1971г., 1974г.), К.Г.Ермиловой (1972г.), а также Я.И.Будовского (1974г.) о дефектологии как науке и ее отраслях опубликованы в «Беларуская савецкай энцыклапедыі» (т.1, 4, 6, 10).

Характерной особенностью деятельности дефектологического отделения Минского пединститута им. А.М.Горького явилось активное приобщение студентов к исследованию проблем, которыми были заняты преподаватели кафедры дефектологии, что отразилось в сборнике материалов XIV Всесоюзной конференции студентов-дефектологов «Изучение аномального ребенка и совершенствование учебно-воспитательного процесса в специальных школах» (1975г.).

Преобразование дефектологического отделения МГПИ им. А.М.Горького в факультет (1976г.) вызвало необходимость форсированной подготовки научно-педагогических кадров дефектологов. За период с 1976г. по 1987г. дефектологи факультета защитили 16 кандидатских диссертаций по актуальным проблемам специальной психологии и педагогики.

Исследования белорусских ученых в области специальной психологии углубили и конкретизировали знания о динамике речевого развития умственно отсталых школьников с нарушениями речи и их потенциальных возможностях (Л.И.Алексина, 1977г.); о состоянии речевой готовности дошкольников с задержкой психического развития к обучению в школе (Е.С.Слепович, 1978г.); об общих, типических и специфических закономерностях построения предложения в устной речи детей с различными отклонениями в развитии (К.Г.Ермилова, 1979г.); о способах оперирования умственно отсталыми школьниками знаниями и представлениями при решении словесно-образных задач и средствах регуляции мыслительной деятельности детей (Т.А.Процко, 1980г.); о развитии у учащихся

вспомогательной школы графических образов и действий, необходимых для правильной организации обучения рисованию (З.А.Апацкая, 1984г.).

Большинство исследований ученых БССР в области специальной педагогики было направлено на решение проблем методики обучения детей во вспомогательной школе. Так, В.П.Гриханов (1978г.) предложил систему специальных приемов обучения учащихся I – II классов наглядной геометрии. Возможности развития элементов конструктивной деятельности у учащихся I – III классов на уроках и внеклассных занятиях по ручному труду доказаны В.А.Шинкаренко (1982г.). Т.В.Варенова (1983г.) обосновала продуктивность развития чертежно-графических, измерительных и вычислительных навыков у школьников на основе установления межпредметных связей на уроках математики и профессионально-трудовой подготовки. Поиск условий развития переноса приемов графической деятельности у умственно отсталых старшеклассников на уроках черчения осуществлен И.Л.Гайко (1984г.). В исследовании И.Н.Логиновой (1985г.) всесторонне раскрыты особенности реализации взаимосвязи учебной и внеклассной работы на примере изучения исторического материала. Новая система работы по изучению природных зон в курсе географии вспомогательной школы внедряется И.В.Кабелко (1987г.).

В области других отраслей специальной педагогики БССР широко известны работы Л.А.Зайцевой (1979г.), Т.И.Обуховой (1983г.), Г.Н.Рахмаковой (1985г.), Н.А.Масюковой (1987г.).

Изучив влияние неблагоприятных факторов микросреды на появление и устранение заикания у детей, Л.А.Зайцева разработала рекомендации по нормализации окружающей среды в системе логопедической работы по профилактике и преодолению заикания у детей и подростков. Т.И.Обухова определила пути формирования наглядно-образного мышления у глухих дошкольников в условиях специального обучения. В исследовании Г.Н.Рахмаковой предлагается система упражнений по формированию умений строить предложения детьми с задержкой психического развития. Пути создания оптимальных условий для осмысления учебного текста учащимися школ для детей с задержкой психического развития изучены Н.А.Масюковой.

Успехи БССР в подготовке научно-педагогических кадров дефектологов стали возможными благодаря тесному взаимодействию с учеными-дефектологами РСФСР, Украины и других союзных республик. Наиболее действенное участие в этой работе приняли научные сотрудники НИИ дефектологии АПН СССР: действительный член АПН СССР Т.А.Власова, член-корреспондент АПН СССР В.И.Лубовский, профессора А.И.Дьячков, С.А.Зыков, В.Г.Петрова, Ж.И.Шиф; доктора наук А.П.Гозова, А.А.Катаева, Б.И.Пинский, Т.В.Розанова; кандидаты наук Т.Н.Головина, П.Г.Тишин, Р.Д.Тригер и др.

Усилия дефектологов Минского пединститута им. А.М.Горького были направлены на психолого-педагогическое изучение особенностей познавательной деятельности детей с отклонениями в развитии и на

совершенствование коррекционно-воспитательной работы в учреждениях для «аномальных» детей БССР. В центре внимания сотрудников дефектологических кафедр факультета – проблема подготовки умственно отсталых детей к труду и пути совершенствования профессиональной подготовки учителей – дефектологов.

Итоги работы преподавателей дефектологического факультета МГПИ им. А.М.Горького по проблемам дефектологии и высшей школы представлены в 10 сборниках статей и научных трудов (объем – 77п.л.), изданных на ротапринте института в 1977–1987гг. под редакцией Т.Л.Лещинской, Т.А.Григорьевой, С.С.Кручининой и др.

Существенной чертой исследовательской деятельности ученых-дефектологов БССР является тесная связь ее с практикой работы специальных учреждений для «аномальных» детей, о чем свидетельствуют совместные публикации Л.И.Алексиной, Т.А.Григорьевой, К.Г.Ермиловой, Т.А.Процко и др. с учителями и воспитателями вспомогательных школ, школ для глухих и слабослышащих детей, педагогами и логопедами дошкольных учреждений.

Внедрению в практику результатов научных исследований в области специальной педагогики и психологии способствовали тесные контакты кафедр дефектологического факультета МГПИ им. А.М.Горького с **Республиканским институтом усовершенствования учителей (РИУУ) МП БССР**, выразившиеся не только в чтении преподавателями дефектологических кафедр лекций на курсах повышения квалификации работников специальных школ и дошкольных учреждений, но и в подготовке для издания на ротапринте РИУУ различного рода методической документации по вопросам обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии.

Большинство пособий и рекомендаций, изданных в РИУУ МП БССР, адресовано педагогам вспомогательных школ и посвящено различным методикам:

- психолого-педагогического и логопедического обследования умственно отсталых детей (К.Г.Ермилова и др., 1980г.);
- сетевого и календарного планирования учебного материала по математике, изучения мер времени, геометрического материала, решения задач с производственным содержанием, проверки домашних заданий и др. (Т.Л.Лещинская, Т.В.Варенова, В.П.Гриханов и др., 1980–1986гг.);
- планирования уроков географии и использования элементов программирования на уроках естествознания (И.В.Кабелко, С.С.Кручинина и др., 1980–1983гг.);
- уроков ручного труда, профориентационной работы (В.А.Шинкаренко, 1981–1986гг.) и уроков изобразительного искусства (З.А.Апацкая, Т.А.Федоренко, 1980г.);
- работы методических объединений учителей профессионально-трудового обучения и воспитателей (Т.Л.Лещинская, В.А.Шинкаренко, В.А.Янковский, 1983г.);
- идейно-политического, умственного, физического, полового и

семейного воспитания (Т.Л.Лещинская, 1981–1985гг.).

Сурдопедагоги БССР получили методические рекомендации по развитию наглядного мышления у глухих дошкольников (Т.И.Обухова, 1982г.) и по эстетическому воспитанию глухих школьников (Т.А.Григорьева и В.Т.Кулаковский, 1983г.).

Широкому кругу педагогов предназначены рекомендации Л.А.Зайцевой (1981г.) по предупреждению заикания у детей и Е.С.Слепович (1983г.) по исправлению речи у детей с задержкой психического развития.

Результаты исследований В.П.Гриханова, И.В.Кабелко, В.А.Шинкаренко и др. учтены и использованы при усовершенствовании программ для вспомогательной школы (1986г.).

Достижения БССР в организации специализированной помощи детям с нарушениями зрения и слуха, дошкольного воспитания «аномальных» детей, логопедической помощи в городской и сельской местности, в создании кабинетной системы обучения, в разработке и внедрении программ по новым профилям профессионально-трудовой подготовки умственно отсталых детей, в подготовке кадров дефектологов, а также успехи ученых-дефектологов Белоруссии в области специальной психологии неоднократно отмечались на страницах журнала «Дефектология» (1973, №4; 1979, №2; 1984, №1 и др.).

Таким образом, характеризуя процесс развития специального образования в БССР после Великой Отечественной войны, отметим следующее:

1. Развитие системы специального обучения и воспитания детей с особенностями психофизического развития в БССР в послевоенные годы происходило в сложных условиях преодоления последствий оккупации: отсутствовала материальная база для восстановления довоенной сети специальных учреждений; в республике не осталось ни одного специалиста – дефектолога с высшим образованием; возросло количество детей с различными отклонениями в развитии, среди которых оказалось много сирот и беспризорных.

2. Основное внимание было уделено организации учреждений для детей с нарушениями зрения, слуха и речи. Проблема воспитания и обучения умственно отсталых детей вызывала настороженное отношение даже у работников Министерства просвещения БССР, превратно толковавших постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов».

3. Полное восстановление довоенной сети специальных школ для детей с отклонениями в психофизическом развитии в БССР завершилось лишь к концу 50-х годов, но уже на более высоком уровне. Постепенно сеть специальных школ в республике приводилась в соответствие с научно обоснованной классификацией детей с нарушениями зрения, слуха, речи и интеллекта и принципами дифференцированного обучения, разработанными в НИИ дефектологии АПН РСФСР. Впервые в БССР появились новые типы школ – для слабослышащих и позднооглохших, для детей с тяжелыми нарушениями речи, для слабовидящих детей и детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Вспомогательные школы-семилетки были

преобразованы в восьмилетние школы для умственно отсталых детей. Школы для детей с нарушениями слуха и зрения приступили к осуществлению неполного среднего и среднего образования глухих и слабослышащих, слепых и слабовидящих. Необходимость дальнейшей дифференциации обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии привела к созданию в БССР и такого типа специальных учреждений, как школы для детей с задержкой психического развития.

4. В республике достигнуто в основном рациональное географическое размещение специальных школ с учетом нужд населения отдельных областей и регионов.

5. Расширение сети логопедических пунктов при общеобразовательных школах и поликлиниках, стационарных учреждений при сурдологопедических кабинетах и диспансерах, при Республиканском центре патологии слуха, речи и голоса обеспечивает относительно широкую доступность логопедической помощи детям не только в городской, но и в сельской местности республики.

6. Большое внимание уделялось проблемам ранней диагностики аномального развития ребенка и дифференциации сети учреждений дошкольного воспитания и обучения детей с отклонениями в развитии. Совершенствуется работа медико-педагогических комиссий.

7. Совершенствовалась учебно-материальная база спецшкол и дошкольных учреждений для детей с отклонениями в развитии. Значительную помощь в этом в школах для детей с нарушением зрения, слуха и речи оказывают Белорусские общества слепых и глухих.

8. Повышение квалификации дефектологов в первые послевоенные годы достигалось преимущественно за счет систематической методической работы непосредственно в школах, делигирования педагогических работников на курсы, семинары и совещания по отдельным отраслям дефектологии, проводившихся в РСФСР и на Украине, а также внутри республики силами сотрудников НИИ дефектологии; путем подготовки сурдо-, тифло-, олигофренопедагогов в педагогических вузах Москвы, Ленинграда и Киева по заявкам Минпроса БССР; посредством изучения, обобщения и распространения передового педагогического опыта дефектологов БССР и СССР.

9. Открытие в Минском государственном педагогическом институте имени А.М.Горького отделения дефектологии (1960г.), преобразованного в 1976г. в самостоятельный факультет, позволило коренным образом изменить систему подготовки необходимых республике кадров дефектологов.

Контрольные вопросы и задания

1. Оцените факт открытия дефектологического факультета для развития национальной системы специального образования Беларуси.
2. Сформулируйте основные направления научных исследований белорусских дефектологов в области специальной психологии и педагогики.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Положение человека, имеющего отклонения в развитии, в обществе является своеобразным критерием гуманизма любого государства, показателем уровня реализации прав человека в нем. Формы и содержание дефектологической помощи лицам с отклонениями в развитии в Беларуси в различные периоды ее развития находятся в тесной зависимости от экономических, социокультурных и политических условий.

Истоки дефектологических воззрений белорусского народа имеют древнерусскую и даже праславянскую основу. Это дает основание считать, что к началу формирования белорусской народности (XIV в.) имело место общественное признание лиц с отклонениями в развитии: отрицательно-

насмешливые оценки с преимущественно доброжелательным и заботливым отношением к ним. Однако призренческий тип помощи лицам с особенностями психофизического развития, основанный на частной благотворительности, не отличался постоянством и широтой распространения в Беларуси ни в период ее нахождения в составе Великого княжества Литовского, ни в составе Речи Посполитой. Специально организованного государственного призрения в Беларуси не существовало и после ее воссоединения с Россией. Лишь единицы детей с отклонениями в развитии получали временное призрение в шпиталях и богадельнях, в воспитательных домах и приютах, на патронате, при этом не получая возможности учиться.

Постепенное расширение опыта школьного обучения детей в XVI – XVII вв., формирование естественнонаучных знаний о сущности отклонений в психофизическом развитии человека и механизмах их преодоления содействовали осознанию прогрессивной общественностью Беларуси необходимости приобщения к образованию и детей, которые «из-за недостатка телесного органа не вполне могут что-то усвоить» (Я.А.Коменский).

Дальнейшему углублению и распространению в Беларуси идей специального воспитания и обучения детей с нарушениями слуха и речи, зрения и интеллекта способствовала деятельность профессоров Виленского университета, взгляды русских просветителей и революционных демократов на проблемы обучения «глухих, а потому и немых», «слепо и неморожденных» (А.Н.Радищев) и «учеников, которые обижены природою умственными способностями» (В.Г.Белинский), а также практика специального воспитания и обучения детей в России.

Хотя вопрос о необходимости специального воспитания и обучения детей с отклонениями в развитии в Беларуси был поставлен еще в условиях феодального общества, однако создание первых специальных учебно-воспитательных учреждений относится лишь к концу XIX в. (для детей с нарушениями слуха и зрения). Учреждений для умственно отсталых детей в Беларуси до 1917г. не существовало. Специальные учебно-воспитательные учреждения были открыты людьми, руководствовавшимися гуманным отношением к детям с особенностями психофизического развития, по образцу и под влиянием училищ в России, но с учетом местных условий и возможностей.

После революции 1917г. в Беларуси складывается государственная система специального воспитания и обучения детей с особенностями психофизического развития. Ведется планомерная работа по перестройке действовавших школ для слепых и глухонемых и созданию нового в Беларуси типа специальных учреждений – вспомогательных школ и детских домов для умственно отсталых детей.

Важную роль в становлении новой системы воспитания и обучения детей с отклонениями в развитии сыграло создание в 1925г. института глухонемых в г. Мстиславле и института умственно отсталых детей в г. Витебске. Организованные при них и в Минской школе слепых нулевые

группы (детские сады) заложили основу специального дошкольного воспитания в Беларуси.

Лишь к середине 30-х гг., когда в республике появились материальные возможности для расширения сети специальных школ и был накоплен некоторый «резерв» кадров дефектологов, подготовленных в вузах РСФСР и частично собственными силами, БССР приступила к полному охвату обучением основных категорий детей с нарушениями зрения, слуха, речи и интеллекта. В 1940-1941уч.г. в БССР действовало 32 специальные школы: 19 для детей с нарушениями слуха и речи, 3 - для детей с нарушениями зрения и 10 – для детей с отклонениями в умственном развитии. В них обучалось около 3000 воспитанников.

В предвоенные годы в республике созрели объективные условия для организации дифференцированного обучения детей с различными степенями нарушений слуха, зрения, речи и интеллекта, в чем большая заслуга как педагогов-дефектологов, так и врачей-отоларингологов, офтальмологов и психоневрологов БССР. В конце 30-х гг. БССР приступила к осуществлению неполного среднего образования детей с нарушениями слуха и речи (г. Мстиславль) и среднего образования детей с нарушениями зрения (г. Могилев).

После Великой Отечественной войны основное внимание было уделено проблемам всеобуча детей с нарушениями зрения, слуха и речи. В процессе выполнения «Закона об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958г.) сеть специальных школ в БССР постепенно приводилась в соответствие с разработанной НИИ дефектологии АПН РСФСР педагогической классификацией «аномальных» детей. Впервые в БССР появились новые типы школ – для слабослышащих и позднооглохших (1961г.), для слабовидящих детей (1963г.), для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата (1964г.) и детей с тяжелыми нарушениями речи (1966г.). Вспомогательные школы – семилетки были преобразованы в 8-летние школы для умственно отсталых детей.

Необходимость дальнейшей дифференциации обучения и воспитания детей с отклонением в развитии привела к созданию в БССР и такого типа специальных учреждений, как школы для детей с задержкой психического развития (1980г.).

В 80-е гг. в республике произошло значительное расширение логопедических пунктов и стационаров по линии Министерства просвещения и здравоохранения БССР, что обеспечивает относительно широкую доступность логопедической помощи детям и взрослым не только в городской, но и в сельской местности. Большое внимание уделялось проблемам ранней диагностики аномального развития ребенка, совершенствовалась деятельность медико-педагогических комиссий, а также системы профессиональной подготовки и трудоустройства выпускников специальных школ.

Открытие в Минском педагогическом институте имени А.М.Горького отделения дефектологии (1960г.), преобразованного в 1976г. в факультет,

позволило коренным образом изменить систему подготовки необходимых республике кадров дефектологов, организовать планомерную научно-исследовательскую работу в рамках актуальных проблем специальной педагогики в нашей стране.

Материалы, представленные в пособии, не претендуют на исчерпывающее освещение всех вопросов теории и практики специального образования в Республике Беларусь. Актуальным представляется дальнейшее изучение как целых периодов, так и отдельных подсистем воспитания и обучения детей с особенностями психофизического развития в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азбукин, Д.И. Дефектологическое движение в СССР за последнее десятилетие /Д.И.Азбукин // Вопросы дефектологии. – 1928. - №1.- С.20-25.
2. Азбукин, Д.И. Развитие специальной психологии и специальной педагогики в СССР за последние десять лет /Д.И.Азбукин // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. - 1947. – Т.49. – Вып.3. – С.47-59.
3. Азбукин, Д.И. Исторический очерк подготовки педагогов-дефектологов /Д.И.Азбукин // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. - 1950. – Т.61. – Вып.4. – С.143-149.
4. Айзенберг, Б., Лубовский, В. Международные перспективы специального обучения в будущем /Б.Айзенберг, В.Лубовский, // Дефектология. – 1982. - №3. – С.74-79.
5. Алексина, Л.И. Динамика речевого развития умственно отсталых учащихся с нарушениями речи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10/ Л.И. Алексина.- М., 1977. – 22с.
6. Анохин, П.К. Общие принципы компенсации нарушенных функций и их физиологическое обоснование /П.К. Анохин // Труды научной сессии по дефектологии. – М., 1958. – С.45-55.
7. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV – XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюрлов. – М.: Педагогика, 1985. – 363с.
8. Апацкая, З.А. Особенности формирования графических образов и действий у умственно отсталых школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10/ З.А.Апацкая.- М., 1984. – 20с.
9. Апраушев, А.В. Тифлопедагогика/ А.В.Апраушев. – М.: Просвещение,

1983. – 208с.
10. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917г. / Пад рад. М.А.Лазарука і інш. – Мінск: Нар. асвета, 1985. – 464с.
 11. Барилюк, Н.Ф. Работа по развитию слухового восприятия и формированию произношения у слабослышащих школьников/Н.Ф.Барилюк // Дефектология. – 1982. - №6. – С.43-45.
 12. Басова, А.Г. К вопросу историографии истории сурдопедагогики в странах Западной Европы и СССР/ А.Г.Басова // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина.- 1963. - №193. – С.80-101.
 13. Басова, А.Г. История сурдопедагогики в СССР: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03/А.Г.Басова; М., 1969. – 53с.
 14. Басова, А.Г., Егоров, С.Ф. История сурдопедагогики/ А.Г.Басова, С.Ф.Егоров. – М.: Просвещение, 1984. – 295с.
 15. Безлюдова, А.В. Вопросы логопедии в русской периодической печати второй половины XIXв./А.В.Безлюдова// Речевые и нервнопсихические нарушения у детей и взрослых. – Л., 1987. – С.153-159.
 16. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. – Тт.І – XII. – Мінск, 1969-1975.
 17. Беларускія народныя казкі / Скл. Г.А. Барташэвіч, К.Н. Кабашнікаў. – 2-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 480с.
 18. Беларускія народныя песні / скл. К. Кабашнікаў. – Мінск: Дзяржвыдат БССР, 1962. – 430с.
 19. Белорусские народные сказки / Пересказ А. Якимовича. – 3-е изд. – Минск, 1963. – 480с.
 20. Бич, М.О. Развитие социал-демократического движения в Белоруссии в 1883-1903 гг./М.О.Бич. - Минск, 1973, С. 16, 18-23.
 21. Бобла, И.М. Сравнительное изучение письменной речи глухонемых и тугоухих / И.М.Бобла // Специальная школа. – 1960. - Вып. 2/96/. – С.36-43.
 22. Бобла, И.М. Опыт сравнительного изучения письменной речи глухонемых и тугоухих учащихся: анализ сочинений с лексической и грамматической сторон/И.М.Бобла // Специальная школа. – 1961. – Вып. 2/101/. – С.3-18.
 23. Бобла, И.М. Из истории воспитания и обучения аномальных детей в дореволюционной Белоруссии/ И.М.Бобла // Тезисы межвуз. науч. – теоретич. конф. молодых ученых. – Минск, 1969. – С. 128-129.
 24. Бобла, И.М. О повышении коррекционно-воспитательной направленности уроков русского языка в младших классах вспомогательной школы/ И.М.Бобла // Вопросы совершенствования коррекционно-воспитательной работы во вспомогательной школе. – Минск, 1977. -С. 27-32.
 25. Бобла, И.М. Методические материалы по курсу «Специальная методика русского языка в школах для глухих и слабослышащих» / И.М.Бобла. – Минск: МГПИ им. А.М. Горького, 1980. – 29с.
 26. Бобла, И.М., Турик, Г.Г. Подготовка кадров дефектологов в Белорусской ССР // И.М.Бобла, Г.Г.Турик // Совершенствование методов обучения и воспитания учащихся: Тез. докл. VI Всесоюз. пед. чтений /секция дефектологии/. – М., 1982. – С.201.
 27. Бобла, И.М., Бульвач, Л.Б., Джинджолия, Л.А. Проблемы изучения

- познавательного интереса к русскому языку у учащихся вспомогательной школы /И.М.Бобла, Л.Б.Бульвач, Л.А. Джинджолия // Особенности познавательной деятельности аномальных детей: Сб. науч. тр. – Минск, 1982. – С.32-36.
28. Бобла, И.М. Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей в дореволюционной Белоруссии: автореф. в науч.-реферат. сб. НИИОП АПК СССР «Педагогич. психол., возрастн. физиол., шк. гигиена, дефектология». – М., 1984. – Вып.5/35/. – С.6-8.
 29. Бобровникова, З.И. Особенности медико-педагогической работы в специальной школе-интернате для детей, больных сколиозом: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 /З.И. Бобровникова. - М., 1974. – 17с.
 30. Богданов–Березовский, М.В. Положение глухонемых в России/ М.В. Богданов–Березовский. – СПб.: изд-во попечит-ва о глухонемых, 1901. – 293с.
 31. Богданов – Березовский, М.В. Неговорящие и плохоговорящие дети в интеллектуальном и речевом отношении/ М.В.Богданов–Березовский. – СПб., 1909. – 63с.
 32. Богданович, А.Е. Педагогические воззрения белорусского народа/ А.Е. Богданович // Минский листок. -1896. - №61. –18 ноября.
 33. Богоявленский, Н.А. Древнерусское врачевание в XI – XVIIвв./ Н.А. Богоявленский. – М.: Медгиз, 1960. – 326с.
 34. Боришпольский, Е.С. О всеобщем обучении глухонемых/ Е.С. Боришпольский.–СПб.,1914.-13с.
 35. Боскис, Р.М. Глухие и слабослышащие дети/ Р.М.Боскис. – М.: Изд-во АПК РСФСР, 1963. – 335с.
 36. Будилович, А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным/ А. Будилович. – Киев, 1878-1882. – 408с.
 37. Будовская, Л.П. Практические работы на местности и экскурсии при обучении слепых детей географии / Л.П.Будовская // Специальная школа. – М., 1963. – Вып.1/105/. – С.45-49.
 38. Будовский, Я.И. Опыт изготовления и применения электрифицированной карты СССР в Гродненской школе слепых/ Я.И.Будовский // Тифлопедагогика. – 2-е изд. – М., 1956. – С.112-131.
 39. Будовский, Я.И. Краеведческая работа в школах-интернатах для слепых и слабовидящих детей – действенное средство укрепления связи школы с жизнью: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 /Я.И. Будовский. – Л., 1965. – 23с.
 40. Булакаў, М.Г. Гісторыя прыметнікаў беларуская мовы. – Ч.3: Лексікалагічны нарыс (Агульнаславянская лексіка) /М.Г. Булакаў. – Мінск: Выд-ва БДУ ім. У.І. Леніна, 1973. – 255с.
 41. Бурак, С.М. Глуханемата і барацьба з ёю /С.М.Бурак // На барацьбу з глухатой і глуханематай. – Б.м., 1934. – С.9-21.
 42. Бядуля, З. Мінская савецкая школа для сляпых дзяцей /З.Бядуля// Сав. Беларусь. – 1923. – 27 студзеня.
 43. Бядуля, З. Савецкая школа глуханямых / З.Бядуля// Сав. Беларусь. – 1923. – 8 лютага.

44. Варенова, Т.В. Особенности использования чертежно-графических, измерительных и вычислительных навыков в трудовой деятельности учащихся вспомогательной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 /Т.В.Варенова. – М., 1983. – 21с.
45. Ваўчок, І.М. Метады і прыёмы навучання сляпых: дапаможнік для ліквідацыі непісьменнасці сярод дарослых сляпых/ І.М. Ваўчок.– Мінск: Вучпедсектар ДВБ, 1935. – 16с.
46. Власова, Н.А. Некоторые этапы развития и современное состояние проблемы заикания/Н.А.Власова// Восьмая науч. сессия по дефектологии и пятое Всесоюз. пед. чтения. – Ч.II. – М., 1979. – С.429.
47. Власова, Т.А. Психологические проблемы дифференциации обучения и воспитания аномальных детей: обобщенный доклад по опубликованным работам автора, представленным к защите по совокупности на соискание уч. ст. д-ра психол. наук. – М., 1972. – 57с.
48. Власова, Т.А. Основные направления и задачи дальнейшего развития научных исследований в дефектологии/Т.А.Власова // Дефектология. – 1975. - №5. – С.3-10.
49. Внедрение дефектологических исследований в педагогическую практику: метод. пособ. для секций дефектологии Педагог. о-ва РСФСР / М.А. Александровская, Г.А. Волкова, Т.А. Григорьева и др.; под ред. Т.В. Розановой. – М., 1978. – 79с.
50. Волкова, Л.С. К истории вопроса о формировании речи у детей с глубокими дефектами зрения / Л.С.Волкова// Преодоление речевых нарушений у детей и взрослых. – М., 1981. – С.21-32.
51. Вопросы совершенствования коррекционно-воспитательной работы во вспомогательной школе / Редсовет: Т.Л. Лещинская и др. – Минск, 1977. – 72с.
52. Выготский, Л.С. К психологии и педагогике детской дефективности / Л.С.Выготский// Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. – М., 1924. – С.5-30.
53. Выготский, Л.С. Принципы воспитания физически дефективных детей/Л.С.Выготский // Пути воспитания физически дефективных детей. – М., 1926. – С.7-22.
54. Выготский, Л.С. Основные проблемы современной дефектологии/ Л.С.Выготский // Труды 2-го Москов. ун-та. – 1929. – Т.1. – С.77-106.
55. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти тт. – Т.5. Основы дефектологии / под ред. Т.А. Власовой. – М.: Педагогика, 1983. – 368с.
56. Гайдук, Ф.М., Слепович, Е.С., Аксенова, Н.К. Опыт организации помощи детям с задержкой психического развития в Белорусской ССР/ Ф.М.Гайдук, Е.С.Слепович, Н.К.Аксенова // Дефектология. – 1984. - №2. – С.32-34.
57. Гайко, И.Л. Психолого-педагогическое исследование условий развития переноса графических приемов у умственно отсталых старшеклассников: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 /И.Л.Гайко. – М., 1984. – 19с.
58. Гантаев, Н.М. Церковь и феодализм на Руси /Н.М.Гантаев. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 168с.

59. Георгиевский, И. Историческая записка о Минском училище слепых, читанная на акте в день 15-летия училища 24 сентября 1912 года/ И.Георгиевский// Отчет Минского отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1912 год. – Минск, 1919. – С.3-12.
60. Гилевич, И.М., Тигранова, Л.И. Педагогические чтения/ И.М.Гилевич, Л.И.Тигранова // Дефектология. – 1979. №6. – С.79-84.
61. Гиляровский, В.А. К вопросу о положении ненормальных детей в России и в частности в Москве в переживаемое время/ В.А.Гиляровский. – М.: Тип. штаба Моск. воен. округа, 1915. – 15с.
62. Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах / гал. рэд. калегія І.М. Ігнаценка і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972-1975.
63. Глозман, Х.М., Цветкова, Л.С. Из истории русской афазии/ Х.М.Глозман, Л.С.Цветкова // Дефектология. – 1987. - №3. – С.69-74.
64. Говор, И.И. Переход на кабинетную систему – важный путь улучшения учебно-воспитательного процесса во вспомогательной школе/ И.И.Говор // Дефектология. – 1980. – С.28-31.
65. Гозова, А.П., Кулагин, Ю.А., Лубовский, В.И., Петрова, В.Г., Розанова, Т.В. Изучение психического развития аномальных детей/ А.П.Гозова, Ю.А.Кулагин, В.И.Лубовский, В.Г.Петрова, Т.В.Розанова// Дефектология. – 1983. - №6. – С.3-16.
66. Гончарова, М.Н., Гринина, А.В., Мирзоева, И.И. Реабилитация детей с заболеваниями и повреждениями опорно-двигательного аппарата/ М.Н.Гончарова, А.В.Гринина, И.И.Мирзоева. – Л.: Медицина, 1974. – 208с.
67. Горький, М. Разрушение личности / М.Горький // Собр. соч. в 30тт. – Т.24. – М.: Госиздат худ. лит., 1953. – С.26-79.
68. Граборов, А.Н., Кузьмина, Н.Ф., Новик, Ф.М. Олигофренопедагогика/ А.Н.Граборов, Н.Ф.Кузьмина, Ф.М.Новик.– М.: Учпедгиз, 1941. – 232с.
69. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1949. – 408с.
70. Грибоедов, А.С. Ненормальные дети: очерки по детской психопатологии и патологической педагогике/ А.С.Грибоедов. – М.: Польза, 1914. – 184с.
71. Григорьева, Т.А. Развитие причинно-следственного мышления у глухих школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10/ Т.А.Григорьева. – М., 1975. – 16с.
72. Григорьева, Т.А. Развитие дискурсивного мышления у глухих детей/ Т.А.Григорьева // Особенности формирования психических процессов у детей с нарушениями умственного и физического развития. – Минск, 1987. – С.23-30.
73. Гринкевич, В.П. Роль игры в развитии речи и в закреплении арифметических знаний у слабослышащих детей/ В.П.Гринкевич // Специальная школа. – 1965. – Вып.3/115/. – С.21-23.
74. Гриханов, В.П. Пути повышения эффективности обучения наглядной геометрии учащихся 1-2 классов вспомогательной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 /В.П.Гриханов. – М., 1978. – 16с.

75. Грицкевич, В.П. Здравоохранение в Белоруссии в период развития феодализма и начала его упадка (XVI – XVIIвв.): автореф. дис. ... канд. мед. наук:14.00.00 / В.П.Грицкевич. – Минск, 1963. – 25с.
76. Гроза, Т.А. История обучения детей с нарушением зрения в Украинской ССР/ Т.А.Гроза // Дефектология. – 1985. - №2. – С.69-75.
77. Грошенко, И.А. Изобразительная деятельность как средство воспитания и развития учащихся вспомогательной школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03 /И.А.Грошенко. – М., 1985. – 31с.
78. Гуревич, Л.А. О работе над речью слабослышащих детей на уроках физической культуры/ Л.А.Гуревич // Специальная школа. – 1967. – Вып.2/122/. – С.55-60
79. Гусакова, Н.А. Ян Амос Коменский и Белоруссия: из истории белорусско-чешских связей XVIIв./ Н.А.Гусакова // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Минск.: изд-во БГУ, 1977. – С.96-106.
80. Дворцова, Е.А. Пионерская работа в специальных школах Украинской ССР и Белорусской ССР/ Е.А.Дворцова // Тез. докл. III Всесоюз. пед. чтений. – М., 1973. – С.6-7.
81. Дети с задержкой психического развития / под ред. Т.А. Власовой, В.И. Лубовского, Н.А. Цыпиной. – М.: Педагогика. 1984. – 256с.
82. Дефектологический словарь /под ред. А.И. Дьячкова и др. – 2-е изд., доп. – М.: Педагогика, 1970. – 504с.
83. Дзюрич, В.В. Роль слова в развитии движений у глухих школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук:13.00.03/ В.В.Дзюрич. – М., 1971. – 20с.
84. Дзюрич, В.В., Склюг, И.А. Классификация нарушений вестибулярной функции глухих школьников/ В.В.Дзюрич, И.А.Склюг // Дефектология. – 1974. - №2. – С. 22-26.
85. Диссертации докторов медицины, защищенные в Вильнюсском университете в 1793-1842 годах: библиограф. указатель / сост. А. Белинис. – Вильнюс: АН Литов. ССР, 1958. – 132с. (на литовск. яз.).
86. Доброва, А.Д. Очерк истории советской дефектологии (1917-1929гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук:13.00.01/ А.Д.Доброва. – М., 1952. – 21с.
87. Дорошевич, Э.К. Философия эпохи просвещения в Белоруссии/ Э.К.Дорошевич. – Минск: Наука и техника, 1971. – 248с.
88. Дорошевич, Э., Конон, Вл. Очерки истории эстетической мысли Белоруссии / Э.Дорошевич, Вл. Конон. - М., 1972. - С.14.
89. Дульнев, Г.М. Основы трудового обучения во вспомогательной школе/ Г.М.Дульнев. – М.: Педагогика, 1969. – 215с.
90. Дьячков, А.И. К истории советской дефектологии/ А.И.Дьячков // Учен. записки МГПИ им. В.И. Ленина. – 1959. – Т.131. – Вып.7. – С.3-16.
91. Дьячков, А.И. Системы обучения глухих детей/ А.И.Дьячков. – М.: Изд-во АПК РСФСР, 1961. – 247с.
92. Дьячков, А.И. Основные этапы развития советской системы воспитания и обучения аномальных детей/ А.И.Дьячков // Специальная школа. – 1967. – Вып.1/121/ - 6/126/.
93. Енько, П.Д. Обучение глухонемых в главных училищах Западной Европы/ П.Д.Енько. – Петербург, 1909. – 121с.

94. Енько, П.Д. Методика обучения глухонемых по естественному способу для родителей и учителей/ П.Д.Енько. – СПб, 1912. – 295с.
95. Еременко, И.Г. Олигофренопедагогика/ И.Г.Еременко. – Киев: Вища школа, 1985. – 328с.
96. Ермаков, В.П. Научные основы обучения слепых и слабовидящих учащихся специальной графике и ее роль в подготовке к трудовой деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03 / В.П.Ермаков. – М., 1986. – 42с.
97. Ермилова, К.Г. Особенности построения предложений в устной речи младших школьников с отклонениями в развитии: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 13.00.03 /К.Г.Ермилова. – М., 1979. – 20с.
98. Ефремов, П.Я. Воспитание и образование слепых, глухонемых и умственно отсталых детей/ П.Я.Ефремов // Вопросы воспитания слепых, глухонемых и умственно отсталых детей. – М., 1924. – С.37-77.
99. Живина, А.И. Основные этапы развития дефектологического образования в СССР: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 /А.И.Живина. – М., 1975. – 23с.
100. Задачи по теории и методике воспитательной работы во вспомогательной школе: учебн. задания по умственному, физическому, половому и семейному воспитанию / сост. Т.Л. Лещинская; МП БССР, РИУУ. – Минск, 1985. – 36с.
101. Заикание / под ред. Н.А. Власовой (СССР), К.-А. Беккера (ГДР). – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Медицина, 1983. – 256с.
102. Зайцев, Б.М. Изучение динамики работоспособности у глухих учащихся в течение учебного дня: автореф. дис. ... психол. наук: 19.00.10/ Б.М.Зайцев. – М., 1974. – 18с.
103. Зайцева, Л.А. Появление и устранение заикания у детей в зависимости от особенностей их социальной среды: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / Л.А.Зайцева. – М., 1979. – 18с.
104. Замский, Х.С. История воспитания и обучения умственно отсталых детей: учебн. Пособие / Х.С.Замский. – М.: Просвещение. 1966. – 159с.
105. Замский, Х.С. История олигофренопедагогики. – 2-е изд., испр. и допол/ Х.С.Замский. – М.: Просвещение, 1980. – 400с.
106. Захарау, Н. Школа слепых: бывшая, сучасная і будучая / Н. Захарау // Асвета. – 1929. - №5-6. – С.145-154.
107. Земцева, М.И. Пути компенсации слепоты в процессе познавательной и трудовой деятельности/ М.И.Земцева. – М.: Изд-во АПК РСФСР, 1956. – 419с.
108. Зикеев, А.Г. Развитие речи слабослышащих учащихся: I – VI классы 2-го отделения/ А.Г.Зикеев. – М.: Педагогика, 1976. – 240с.
109. Земкина, А.М. Об общих и частных механизмах компенсации нарушенных функций у человека/ А.М.Земкина // Труды научной сессии по дефектологии. – М., 1958. – С.56-69.
110. Золоторева, М.М., Заведская, М.С. Причины слепоты и понижения зрения у учащихся школ слепых и слабовидящих в БССР / М.М.Золоторева, М.С.Заведская // Пятая научная сессия по дефектологии. – М., 1967. –

С.158.

111. Зыков, С.А. Обучение глухих детей языку по принципу формирования речевого общения/ С.А.Зыков. – М.: Изд-во АПК РСФСР, 1961. – 360с.
112. Зыков, С.А. Методика обучения глухих детей языку/ С.А.Зыков. – М.: Просвещение, 1977. – 260с.
113. Зыкова, Т.С. Обучение глухих детей планированию предметно-практической деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / Т.С.Зыкова. – М., 1974. – 15с.
114. Изборник: сборник произведений литературы Древней Руси. – М.: Худож. лит., 1969. – 799с.
115. Изучение аномального ребенка и совершенствование учебно-воспитательного процесса в специальных школах: Материалы XIV Всесоюз. науч. конф. студентов-дефектологов / Редсовет: И.М. Бобла, Ф.А. Калинин, Т.Л. Лещинская, Т.А. Процко, Г.Г. Турик, Н.Ф. Шило. – Минск, 1975. – 156с.
116. Интеллектуальные нарушения у детей: сб. науч. тр. / под ред. Т.Т. Сорокиной. – Минск, 1986. – 165с.
117. Кабелко, И.В. Система работы по изучению природных зон в курсе географии вспомогательной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / И.В.Кабелко. – М., 1987. – 17с.
118. Калачов, Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права/ Н.В.Калачов.– М., 1850. – 80с.
119. Калинина, Е.М. Повышение эффективности изучения живой природы в специальных дошкольных учреждениях для умственно отсталых детей / Е.М.Калинина // Пути активизации познавательной деятельности аномальных детей. – Минск, 1981. – С.137-143.
120. Камінські, С.Д. Аб мерах і спосабах выхавання і прыстасавання сляпых альбо слабавідучых да работы/ С.Д. Камінські // Камуністычнае выхаванне. – 1933. - №5. – С.87-93.
121. Каннабих Ю.В. История психиатрии/ Ю.В.Каннабих. – М.-Л.: Медиздат, 1929. – 520с.
122. Кантор, И.М. Педагогическая лексикография и лексикология/ И.М.Кантор. – М.: Просвещение, 1968. – 200с.
123. Карвялис, В.Ю., Карвяляне, И.А. История развития специального обучения в Литовской ССР/ В.Ю.Карвялис, И.А.Карвяляне // Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей. – М., 1973. – С.231-280.
124. Карпілаў, Г.Х., Яраслаўскі, Е.І. Да пытання аб профадборы і профкансультацыі ў глуханнямых/Г.Х. Карпілаў, Е.І. Яраслаўскі // На барацьбу з глухатай і глуханематай. – Мінск, 1934. – С.22-30.
125. Кащенко, В.П. Исторический обзор и современное положение дела воспитания-обучения дефективных детей в России / В.П.Кащенко// Дефективные дети и школа. – М., 1912. – С.255 – 275.
126. Кедров, Б.М. Историческое и логическое в развитии научного познания/ Б.М.Кедров // Вопросы философии. – 1960. - №12. – С.62-73.
127. Кливанская, А.А. О слабовидящих детях: вопросы обучения/

- А.А.Кливанская // Медицинский журнал БССР. – 1940. №3-4. С.81-84.
128. Книга, Н.П. Достижения оториноларингологии за 50 лет Советской власти в БССР/ Н.П.Книга // Здоровоохранение Белоруссии. – 1968. - №12. – С.39-40.
129. Ковалевский, П.И. Отсталые дети: причины отсталости и борьба с нею/ П.И.Ковалевский. – СПб.: А. Альмединген, 1907. – 26с.
130. Ковленко, Б.И., Ковленко, Н.Б. Тифлопедагогика/ Б.И.Ковленко, Н.Б.Ковленко.–вып.1.М.:изд-во АПИ РСФСР. – 1962. – 415с.
131. Ковленко, Б.И., Ковленко, Н.Б., Куличева, Н.И. Тифлопедагогика/ Б.И.Ковленко, Н.Б.Ковленко, Н.И.Куличева. – Вып.2-4. – М.: Педагогика, 1975.- 430 с.
132. Ковленко, Н.Б. Лекции по истории тифлопедагогики/ Н.Б.Ковленко. – Л., 1957. – 98с.
133. Козловский, С.П. Реабилитация детей с остаточными явлениями полиомиелита в специализированной школе-интернате: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.51./ С.П.Кзловский. – Минск. 1972. – 32с.
134. Коломинский, Н.Л. Самооценка и уровень притязаний учащихся старших классов вспомогательной школы в учебной деятельности и межличностных отношениях: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10./ Н.Л.Коломинский. – М., 1972. – 21с.
135. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения в 2-х томах / под ред. А.И. Пискунова и др. – М.: Педагогика, 1982.
136. Конюшкова, Е.П. Актуальные задачи логопедической работы в общеобразовательной школе / Е.П.Конюшкова// Дефектология. – 1984. - №1. – С.3-7.
137. Коняева, Н.П. Первые годы существования вспомогательной школы в России / Н.П.Коняева // Изучение, воспитание и обучение умственно отсталых детей. – М., 1984. – С.91-100.
138. Коровин, К.Г. Практическая грамматика в системе специального оубчения слабослышащих детей языку/ К.Г.Коровин. – М.: Педагогика, 1976. – 256с.
139. Костандян, Н.А. О некоторых вопросах детского словообразования у нормальных и умственно отсталых детей/ Н.А.Костандян // Психолого-педагогическое изучение детей с нарушениями умственного и физического развития. – Минск, 1985. – С.26-30.
140. Костейко, Л.А. Развитие психиатрии в Белоруссии (конец XVII века – 1960г.): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.00./ Л.А.Костейко. – Минск, 1970. – 18с.
141. Кочева, В.И. Вспомогательная работа в начальных классах школы для слепых детей/ В.И.Кочева // Специальная школа. – 1966. – Вып.3/119/. – С.33-41.
142. Крючок, Г.Р. Очерки истории медицины Белоруссии/ Г.Р.Крючок. – Минск: Беларусь, 1976. – 264с.
143. Крючок, Т.И. Развитие офтальмологии в Белоруссии (конец XVIIIв. – 1958): автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.00./ Т.И.Крючок. – Рига,

1961. – 21с.
144. Кузнецова, Г.В. История развития специальных школ для глухих детей и сурдопедагогики в 1930-1941гг. (на материалах РСФСР): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00...../ Г.В.Кузнецова. – М., 1965. – 21с.
 145. Кузьмичева, Е.П. Развитие речевого слуха у глухих/Е.П.Кузьмичева. – М.: Педагогика, 1983. – 160с.
 146. Кулагин, Ю.А. Восприятие средств наглядности учащимися школы слепых/ Ю.А.Кулагин. – М.: Педагогика, 1969. – 296с.
 147. Кулжинский, Г. О церковно-приходских богадельнях в Северо-Западном крае/ Г.О.Кулжинский // Минские губернские ведомости. – 1870. - №47. – 21 ноября.
 148. Лаговский, Н. Санкт-Петербургское училище глухонемых (1810-1910): историч. Очерк/ Н.Лаговский.– СПб.: тип. училища глухонемых, 1910. – 590с.
 149. Лаговский, Н. Обучение глухонемых устной речи/ Н.Лаговский. – 2-е изд. – Александровск: Тип. при училище – хуторе глухонемых, 1911. – 503с.
 150. Лаговский, Н. История обучения глухонемых в Европе/ Н.Лаговский // Вестник попечительства о глухонемых. – 1915. - №1-2 (Приложение). – С.3-12.
 151. Левина, Р.Е. К истории изучения вопросов логопедии в НИИ дефектологии/ Р.Е.Левина // VIII науч. сесс. по дефектологии и V Всесоюз. пед. чтения /по дефектологии/. – М., 1979. – С.443-444.
 152. Левяш, С.Е. Некоторые особенности формирования причинного мышления слабослышащих учащихся на уроках чтения/ С.Е.Левяш // Особенности формирования психических процессов у детей с нарушениями умственного и физического развития. – Минск, 1987. – С.35-41.
 153. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность/ А.Н.Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304с.
 154. Летопись по Ипатскому списку. – СПб: изд. Археографич. комиссии, 1871. – 700с.
 155. Лещинская, Т., Бобла, И., Соболев, Ф. Нужны ли дефектологи в Белоруссии? / Т.Лещинская, И.Бобла, Ф.Соболев // Учит. газета. – 1967. – 25 ноября.
 156. Лещинская, Т.Л. Пути повышения сознательности в учении глухих школьников (на материале арифметики в V – VII кл.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03/ Т.Л.Лещинская. – М., 1972. – 19с.
 157. Литвак, А.Г. Очерки психологии слепых и слабовидящих/ А.Г.Литвак. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1972. – 225с.
 158. Литвак, А.Г. Тифлопсихология/ А.Г.Литвак. – М.: Просвещение, 1985. – 207с.
 159. Лифанова, Т.М. Проблемы дефектологии в научном творчестве Л.С. Выготского: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01/ Т.М.Лифанова. – М., 1986. – 14с.
 160. Логинова, Е.А. Распространенность дефективности и возможности воспитания аномальных детей в дореволюционной Белоруссии/

- Е.А.Логинова // Изучение аномального ребенка и совершенствование учебно-воспитательного процесса в специальных школах. – Минск, 1975. – С.11-12.
161. Логинова, И.Н. Особенности реализации взаимосвязи учебной и внеклассной работы во вспомогательной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03/ И.Н.Логинова. – М., 1985. – 19с.
162. Лубовский, В.И. Общие и специфические закономерности психики аномальных детей/ В.И.Лубовский // Дефектология. – 1971. - №6. – С.15-19.
163. Лубовский, В.И. Развитие словесной регуляции действий у аномальных детей (в норме и патологии) /В.И.Лубовский. – М.: Педагогика, 1978. – 224с.
164. Лубовский, В.И. Проблема интеграции лиц с глубокими и множественными дефектами в общем и специальном образовании/ В.И.Лубовский // Дефектология. – 1982. - №2. – С.78-80.
165. Лурия, А.Р. Психология как историческая наука: к вопросу об исторической природе психологических процессов/ А.Р.Лурия // История и психология. – М.: Наука, 1971. – С.36-62.
166. Львова, М. Детский дом для умственно отсталых имени Пирогова в Гомеле/ М.Львова // Вопросы дефектологии. – 1928. - №4. – С.88-92.
167. Ляшчынская, Т., Бобла, І. Развіццё спецыяльных школ у рэспубліцы/Т. Ляшчынская, І. Бобла // Нар. асвета. – 1967. - №10. – С.7-11.
168. Малер, А.Р. Современное состояние и тенденции развития помощи глубоко умственно отсталым детям за рубежом/ А.Р.Малер // Изучение, обучение и воспитание детей с глубокими нарушениями интеллекта. – М., 1978. – С.5-13.
169. Маляревская, Е.Х. Отсталые дети/ Е.Х.Маляревская. – СПб.: СПб. врач. – воспит. заведение, 1902. – 27с.
170. Манышев, М.Н. Воспитание в процессе обучения/ М.Н.Манышев // Обучение и воспитание глухих детей. – М., 1963. – С.249-262.
171. Манышев, М.Н., Манышев, М.М. География СССР: VII класс школ глухих / М.Н.Манышев, М.М.манышев. – 2-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1976. – 160с.
172. Манышев, М.Н. Природоведение: Учебник для 5-6 классов школы глухих/ М.Н.Манышев. – М.: Просвещение, 1977. – 272с.
173. Мараш, Я.Н. Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии XVIII века / Я.Н.Мараш. – Минск: Вышэйш. школа. 1974. – 288с.
174. Марголин, З.И. История обучения слепых/ З.И.Марголин. – М.: Учпедгиз, 1940. – 135с.
175. Марциновская, Е.Н. Основы предметно-практического обучения глухих школьников/ Е.Н.Мартновская. – М.: Педагогика, 1985. – 176с.
176. Масюкова, Н.А. Понимание текста младшими школьниками с задержкой психического развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03./ Н.А.Масюкова. – М., 1987. – 17с.
177. Махлина, Т.Е. Деловое письмо на уроках русского языка в школе

- слабослышащих детей/ Т.Е.Махлин // Опыт обучения слабослышащих детей. – М., 1964. – С.27-32.
178. Медынский, Е.Н. Братские школы Украины и Белоруссии в XVI – XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией/ Е.Н.Медынский. – М.: Изд-во АПК РСФСР, 1954. – 176с.
179. Мещеряков, А.И. Из истории обучения слепоглухонемых детей/ А.И.Мещеряков // Специальная школа. – 1969. – вып.1/133/. – С.89-99.
180. Мещеряков, А.И. Слепоглухие дети: развитие психики в процессе формирования поведения/ А.И.Мещеряков. – М.: Педагогика, 1974. – 327с.
181. Мещеряков, В.Н. Братские школы Белоруссии (XVI – I пол. XVIIв.)/ В.Н.Мещеряков. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И.Ленина, 1977. – 56с.
182. Минский государственный педагогический институт: ист. очерк / отв. ред. А.В. Полонский. – Минск: Вышэйш. школа. 1970. – 178с.
183. Молотков, Ю.Н. Реабилитация больных сколиозом в специализированном детском саду / Ю.Н.Молотков // VIII науч. сесс. по дефектологии и V Всесоюз. пед. чтения /по дефектологии/. – М., 1979. – Ч.II. – С.495-496.
184. Мороз, О.Т., Бобла, И.М. и др. Обучение и воспитание аномальных детей в Белорусской ССР / О.Т.Мороз, И.М.Бобла // Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей. – М., 1973. – С.77-104.
185. Мороз, О.Т. Состояние и пути совершенствования логопедической помощи в Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01/ О.Т.Мороз. – М., 1973. – 22с.
186. Морозова, Н.Г. Формирование познавательных интересов у аномальных детей (сравнительно с нормой) / Н.Г.Мороз. – М.: Просвещение, 1969. – 280с.
187. Мяшалкіна – Сіўко Н. Чырвоныя зоркі: лемантар для вёскі/ Н. Мяшалкіна – Сіўко – Мінск, 1929. – 143с.
188. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі /гал. рэд. С.А. Умрэйка. – Мінск: Нар. асвета, 1968. – 621с.
189. Научно-исследовательская работа преподавателей и студентов: тез. выступл. на науч.-практ. конф. /редколлегия: Н.М. Плескацевич и др. – Минск, 1985. – 176с.
190. Некрашэвіч, С. Лемантар / С. Некрашэвіч. – Мінск: ДВБ, 1922. – 71с.
191. Никифоровский, Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии / Н.Я.Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1892. - №1-3.
192. Новик, Ф.М. История воспитания и обучения умственно отсталых детей/ Ф.М.Новик. – М.: Учпедгиз, 1939. – 164с.
193. Новоселов, Л.А. Из истории трудового обучения глухонемых детей/ Л.А.Новоселов // Специальная школа. – 1959. – Вып.5. – С.48-51.
194. Носкова, Л.П. Обучение глухих школьников грамматическому строю языка на основе структурного принципа (V – VII класса): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03./ Л.П.Носкова. – М., 1969. – 21с.
195. Обухова, Т.И. Работа над развитием активности мышления в детском саду для глухих / Т.И.Обухова // Дефектология. – 1971. - №1. – С.70-73.
196. Обухова, Т.И. Развитие наглядных форм мышления у глухих детей

- дошкольного возраста в процессе овладения действиями с предметами - орудиями: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03/ Т.И.Обухова. – М., 1983. – 17с.
197. Основы обучения и воспитания аномальных детей / под ред. А.И. Дячкова и др. – М.: Просвещение, 1965. – 343с.
198. Основы теории и практики логопедии / под ред. Р.Е. Левиной. – М.: Просвещение, 1968. – 367с.
199. Особенности познавательной деятельности аномальных детей: Сб. науч. тр. / ред. совет: Т.А. Григорьева и др. – Минск, 1982. – 80с.
200. Особенности познавательной деятельности детей с нарушениями умственного и физического развития и ее совершенствование в учебно-воспитательном процессе школ и дошкольных учреждений: сб. науч. тр. / ред. совет: Т.А. Григорьева и др. – Минск, 1986. – 136с.
201. Особенности психофизического развития учащихся специальных школ для детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата / под ред. Т.А. Власовой. – М.: Педагогика, 1985. – 128с.
202. Особенности формирования психических процессов у детей с нарушениями умственного и физического развития: Сб. науч. тр. / ред. совет: Т.А. Григорьева и др. – Минск, 1987. – 169с.
203. Остроградский, А.Ф. Краткий исторический очерк обучения глухонемых/ А.Ф. Остроградский // Листок по обучению по звуковому способу глухонемых, воспитанию и призраения их. – 1898. - №3-4; 1899. - №1-2.
204. Отчет/ы/ Минского отделения попечительства императрицы Марии Александровны о слепых за 1908 /-1913/гг. – Минск, 1909-1914.
205. Очерки по истории государства и права Белорусской ССР. – Вып. 1 / отв. ред. Б.Е. Бабицкий и В.А. Дорогин. – Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1958. – 241с.
206. Павлов, И.П. Ответ физиолога психологам/ И.П.Павлов. – Киев: Госмедиздат, 1953. – 56с.
207. Памятники русского права. – Вып. 1 / под ред. С.В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. – 288с.
208. Папков, А.А. Братства: очерк истории западно-русских православных братств / А.А.Папков – Б.М., 1900. – 291с.
209. Певзнер, М.С. Дети-олигофрены: изучение детей – олигофренов в процессе их воспитания и обучения/ М.С.Певзнер. – М.: Изд-во АПК РСФСР, 1959. – 486с.
210. Певзнер, М.С., Лубовский, В.И. Динамика развития детей – олигофренов / М.С.Певзнер, В.И.Лубовский. – М.: изд-во АПК РСФСР, 1963. – 223с.
211. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года /ред. Н.А. Тройницкий. – СПб: изд. центр стат. комитета:
Т.3: Витебская губерния. – 1903. – 281с.
Т.11: Гродненская губерния. – 1904. – 319с.
Т.22: Минская губерния. – 1904. – 243с.
Т.23: Могилевская губерния. – 1905. – 275с.
212. Петрова, В.Г. Практическая и умственная деятельность детей – олигофренов/ В.Г.Петрова. – М.: Просвещение, 1968. – 158с.

213. Петрова, В.Г. Развитие речи учащихся вспомогательной школы/ В.Г.Петрова. – М.: Педагогика, 1977. – 200с.
214. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944: документы и материалы. – Минск: Госиздат БССР, 1963. – 436с.
215. Примерная тематика и планы занятий методического объединения учителей профессионально-трудоого обучения вспомогательной школы /В.А. Шинкаренко, Т.Л. Лещинская; МП БССР, РИУУ. – Минск, 1983. – 21с.
216. Проблемы психофизиологии: диагностика нарушений и восстановление психических функций человека: тез. науч. сообщ. сов. психологов к VI Всесоюз. съезду общества психологов СССР. – М., 1983. – Ч.3. – 386-580с.
217. Проблемы совершенствования подготовки дефектологов в свете основных направлений реформы школы: тез. докл. Всесоюз. совещ. – семинара зав. дефектологич. кафедрами. – Шяуляй, 1985. – 216с.
218. Процко, Т.А. Особенности мыслительной деятельности умственно отсталых школьников при решении словесно-образных задач: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10./ Т.А.Процко. – М., 1980. – 21с.
219. Процко, Т.А., Ненашева, Е.А. Роль эмоционального фактора в нравственном воспитании младших умственно отсталых школьников/ Т.А.Процко, Е.А.Ненашева // Дефектология. – 1985. - №6. – С.3-7.
220. Психолого-педагогическое и логопедическое обследование умственно отсталых детей: метод. рекоменд. / К.Г. Ермилова и др.; МП БССР, РИУУ. – Минск, 1980. – 18с.
221. Психолого-педагогическое изучение детей с нарушениями умственного и физического развития: сб. науч. тр. / редсовет: Т.А. Григорьева и др. – Минск, 1985. – 165с.
222. Пути активизации познавательной деятельности аномальных детей: Сб. науч. тр. / редсовет: Т.Л. Лещинская и др. – Минск, 1981. – 146с.
223. Работа по предупреждению заикания у детей: метод. рекоменд. / Л.А. Зайцева; МП БССР, РИУУ. – Минск, 1981. – 16с.
224. Равдоникас, В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье/ В.И.Равдоникас. – М.-Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1934. – 72с.
225. Радищев, А.Н. О человеке, о его смертности и бессмертии / Избр. соч. – М.: Госполитиздат, 1952. – С.339-442.
226. Развитие логического мышления и особенности усвоения основ наук слабослышащими школьниками / под ред. И.М. Гилевич, К.Г. Коровина. – М.: Педагогика. 1986. – 160с.
227. Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей: тез. к Всесоюз. «Пед. чтениям» / гл. ред. Т.А. Власова и А.Г. Орлов. – М., 1973. – 504с.
228. Рау, Н.А. Дошкольное воспитание глухонемых: опыт работы / под ред. Ф.А. Рау. – М.: Учпедгиз, 1947. – 204с.
229. Рау, Ф.А, Рау, Н.А. Букварь для школ глухонемых/ Ф.А.Рау, Н.А.Рау. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1940. – 76с.
230. Рау, Ф.Ф. Формирование устной речи у глухих детей/ Ф.Ф.Рау. – М.:

- Педагогика, 1981. – 168с.
231. Рахмакова, Г.Н. Формирование умений построения предложений в речи детей с задержкой психического развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / Г.Н.Рахмакова. – М., 1985. – 18с.
 232. Рейдибойм, М.Г. Задержка психического развития у детей: развитие взглядов и некоторые современные клиничко-психологические представления/ М.Г.Рейдибойм // Дефектология. – 1977. – №2. – С.3-12.
 233. Розанова, Т.В. Развитие памяти и мышления глухих детей/ Т.В.Розанова. – М.: Педагогика, 1978. – 231с.
 234. Рохлин, Д.Г., Рубашева, А.Е. Рентгенопалеопатологические наблюдения над костными материалами из Приладожья/ Д.Г.Рохлин, А.Е.Рубашева // Известия АН СССР. УП серия / отд. математич. и естеств. наук. – Л., 1934. - №2-3. – С.415-422.
 235. Рохлин, Д.Г. Болезни древних людей/ Д.Г.Рохлин. – М.-Л.: Наука, 1965. – 303с.
 236. Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей Российских. – М.: Универ. тип., 1815. – Ч.1. – 192с.
 237. Садовский, Е. Кабинет лечения заикания/ Е.Садовский // Сов. Белоруссия. – 1938. – 23 ноября.
 238. Сегаль, Ю.Х. Выработка условных рефлексов и дифференцировок у олигофренов/ Ю.Х.Сегаль // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1927. - №5-6. С.579-585.
 239. Селиверстов, В.И. Истоки логопедии в России / Шестая научная сессия по дефектологии. – М., 1971. – С.440-441.
 240. Селиверстов, В.И. Первые сведения о речевых расстройствах и приемах их преодоления: метод. разработки к спецкурсу «История логопедии»/ В.И.Селиверстов. – Вып.1. – М., 1983. – 54с.
 241. Селиверстов, В.И., Гаубик, Ю.Г. Педагогические истоки логопедии: метод. Разработки/ В.И.Селиверстов, Ю.Г.Гаубик. – Вып.П. – М., 1984. - 78с.
 242. Селицкий, С.В. Школа и педагогическая мысль в Белоруссии в период нахождения ее в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (XIV – XVIIIвв): автореф. дис. .. канд. пед. наук:13.00.01 / С.В.Селицкий. – М., 1973. – 20с.
 243. Сикорский, И.А. О заикании/ И.А.Сикорский. – СПб: Изд-во К. Риккера, 1899. – 314с.
 244. Сикорский, И.А. О лечении и воспитании недоразвитых, отсталых и слабоумных детей/ И.А.Сикорский. – 2-е изд. – Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнера и К^о, 1904. – 44с.
 245. Скребицкий, А.И. Обзор результатов деятельности Попечительства о слепых в России за 14 лет на основании его отчетов с 1881 по 1894гг. / А.И.Скребицкий. – М.: Универ. тип., 1897. – 29с.
 246. Скребицкий, А.И. Воспитание и образование слепых и их призрение на Западе/ А.И.Скребицкий. – СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903. – 1024с.
 247. Скуратовская, М.Л. Некоторые особенности синтаксиса связной письменной речи глухих учащихся V – VII классов / М.Л.Скуратовская //

- Дефектология. – 1984. - №4. – С.21-27.
248. Слезина, Н.Ф. Первоначальное обучение глухонемых детей чтению вслух и произношению на основе сокращенной системы фонем: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / Н.Ф.Слезина. – М., 1952. – 24с.
249. Слепович, Е.С. Особенности активной речи дошкольников, отстающих в развитии: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10./ Е.С.Слепович. – М., 1978. – 21с.
250. Словарь белорусского наречия, составленный И.И. Носовичем. – СПб., 1970. – 756с.
251. Слуцкая, М.М. Перевод оборонительных рефлексов в пищевые у олигофренов и у нормальных детей/ М.М.Слуцкая // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1928. - №2. – С.195 – 210.
252. Слуцкая, М.М. Да клінікі заіканія / М.М.Слуцкая // Працы Беларускага дзяржаўнага інстытута фізіятрыі. – Вып.1. – Мінск, 1936. – С.45-52.
253. Снядецкий, Я. О философии /Я.Снядецкий // Избр. произвед. прогрессивных польских мыслителей. – Т.1. – М.: Госполитиздат, 1956. – С.629-640.
254. Совершенствование воспитательной работы во вспомогательной школе: Сб. науч. тр. / редсовет: С.С. Кручинина и др. – Минск, 1983. – 82с.
255. Советская дефектология за 60 лет // Дефектология. – 1977. - №5. – С.3-11.
256. Соколянский, И.А. Обучение слепоглухонемых детей/ И.А.Соколянский // Известия АПН РСФСР. – 1962. – Вып.121. – С.15-31.
257. Специальные школы БССР // У дапамогу настаўніку. – 1948. - №6. – С.50-52.
258. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам/ И.И.Срезневский. – Т.т.I – III. – СПб., 1893-1903.
259. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонского. – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 253с.
260. Статут Великого княжества Литовского 1566 года. – М.: изд. Императорск. Московск. общ-ва истории и древностей Российских, 1858. – 400с.
261. Статут Великого княжества Литовского 1588 года // Временник императорск. Московск. общ-ва истории и древностей Российских. – Кн.19-я. – М., 1854. – 382с.
262. Стог, А. О общественном призрении в России/ А.Стог. – Ч.1. – СПб.: Мин-во полиции, 1818. – 114с.
263. Субоціна, З. Да пытання аб методыцы сумеснага навучэння сляпых з відучымі / З. Субоціна // Камуністычнае выхаванне. – 1931. - №7-8. – С.118-126.
264. Тарасенко, В.Р. Древний Минск/ В.Р.Тарасенко // Материалы по археологии БССР. - Т.1. – Минск: изд-во АН БССР, 1957. – С.182-257.
265. Татимов, М.Б. Распространенность дефективности и развитие сети учреждений для аномальных детей в СССР: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01/ М.Б.Татимов. – М., 1970. – 19с.
266. Таўбе, А. Асаблівасць навучання разумова дэфектыўных дзяцей і

- комплексная система/ А. Таубе // Асвета. – 1926. - №2. – С.18-22.
267. Творения Кирилла, еп. Туровского // Памятники Российской словесности XIIв., изданные К. Калайдовичем. – М., 1821. – С.56-64.
268. Тимохин, В.П. Исследование рациональных путей и способов применения технических средств в процессе формирования устной речи у глухих и слабослышащих учащихся: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03/ В.П.Тимохин. – М., 1975. – 40с.
269. Тороп, А.Л. О дифференцированном трудовом обучении слабовидящих учащихся / А.Л.Тороп // Дефектология. – 1978. - №4. – С.52-57.
270. Трошин, Г.Я. Детская ненормальность за последние сто лет /Г.Я.Трошин// Вопросы педагогической патологии в семье и школе. – Вып.II / под ред. А.В. Владимирского и др. – СПб.: Школа и жизнь, 1912. – С.1-68.
271. Трошин, Г.Я. Антропологические основы воспитания: сравнительная психология нормальных и ненормальных детей / Г.Я.Трошин. -Тт.I – II. – Пг: изд-во школы-лечебницы д-ра мед. Г.Я. Трошина, 1915. – 959с.
272. Турнер, Г.И. О призрении калек на Западе и в России / Г.И.Турнер// Трудовая помощь. – 1898. - №9. – С.215-227.
273. Уразбахтина, Е.Д. Методическое руководство к букварю для вспомогательной школы/ Е.Д.Уразбахтина. – М.: Просвещение, 1965. – 60с.
274. Уразбахтина, Е.Д. Букварь для вспомогательной школы/ Е.Д.Уразбахтина. – 3-е изд. – М.: Просвещение. 1967. – 144с.
275. Федасенка, А. Чырвоная змена: Лемантар/ А. Федасенка. – Минск: ДВБ, 1925. – 96с.
276. Федасенка, А. Чырвоная змена: першая пасля лемантара кніга для чытання/ А.Федасенка. – Минск: ДВБ, 1925. – 160с.
277. Федоренко, Т.А. Особенности передачи пространства в тематических рисунках учащихся вспомогательной школы/ Т.А.Федоренко // Психолого-педагогическое изучение детей с нарушениями умственного и физического развития. – Минск. 1985. – С.95-100.
278. Феокистова, В.А. Очерки истории зарубежной тифлопедагогики и практики обучения слепых и слабовидящих детей: учебн. пособ./ В.А.Феокистова. – Л., 1973. – 119с.
279. Феокистова, В.А. История советской тифлопедагогики, школы слепых и слабовидящих: учебн. пособ./ В.А.Феокистова. – Л., 1980. – 70с.
280. Филькина, Л.П. Состояние общественного дошкольного воспитания аномальных детей и некоторые вопросы его дальнейшего развития / Л.П.Филькина // Дефектология. – 1977. - №1. – С.3-10.
281. Флери, В. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и способам образования, самым свойственным их природе/ В.Флери. – СПб., 19835. – 306с.
282. Флери, В. Правила преподавания глухонемым искусственного изустного слова/ В.Флери. – СПб., 1881. – 86с.
283. Флоренская, Ю.А. Логопедия в СССР/ Ю.А.Флоренская // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. – 1935. – Т.4. – Вып.2. – С.100-106.

284. Фрыдман, Е.О. Да методыкі лячэння хворых заіканнем/ Е.О.Фрыдман // Працы Беларускага дзяржаўнага інстытута фізіятрыі. – Вып.1. – Мінск, 1936. – С.53-56.
285. Хватцев, М.Е. Логопедия/ М.Е.Хватцев. – 5-е изд. – М.: Учпедгиз, 1959. – 476с.
286. Хрестоматия по истории воспитания и обучения глухонемых детей в России. – Т.1 / сост. А.И. Дьячков и А.Д. Доброва. – М.: Учпедгиз, 1949. – 392с.
287. Хрестоматия по истории дошкольного воспитания глухонемых детей / сост. А.Д. Доброва. – М.: Учпедгиз, 1958. – 255с.
288. Хрестоматия по истории олигофренопедагогики / сост. Ф.М. Новик. – М.: Учпедгиз, 1941. – 280с.
289. Хрестоматия по истории тифлопедагогики: учебн. пособ. / сост. В.А. Феоктистова. – 2-е изд., испр. – М.: Просвещение. 1987. – 191с.
290. Цветкова, Л.С. Восстановительное обучение при локальных поражениях мозга/ Л.С.Цветкова. – М.: Педагогика, 1972. – 271с.
291. Цехановіч, М.Н. Метадалагічныя пытанні педалогіі: праца Магілёўскага педінстытута/ М.Н. Цехановіч. – Магілёў, 1934. – 48с.
292. Членов, Е.В. Глухонемые и их обучение в Западной Европе и в России/ Е.В.Членов. – М.: Скоропечатня А.А. Левенсона, 1897. – 118с.
293. Шапалевіч, К. Рабочая кніга па беларускай мове для III года навучання/ К. Шапалевіч. – Мінск, 1932. – 151с.
294. Шахлевич, Т.М. Общественная деятельность Л.С. Выготского в Белоруссии/ Т.М.Шахлевич // Гуманитарные науки. – Минск, 1974. – 326-333.
295. Шаховская, С.Н. Некоторые вопросы методологии зарубежной логопедии / С.Н.Шаховская // Обучение и воспитание детей с нарушениями речи. – М., 1982. – С.150-155.
296. Шергилашвили, Ю.К. О путях совершенствования ориентировки учащихся младших классов вспомогательной школы во флективных и инвертированных связных слов/ Ю.К. Шергилашвили // Особенности формирования психических процессов у детей с нарушениями умственного с физического развития. – Минск, 1987. – С.111 – 120.
297. Шило, Н.Ф. Психофизиологический аспект индивидуального подхода при обучении и воспитании умственно отсталых детей/ Н.Ф.Шило // Совершенствование воспитательной работы во вспомогательной школе. – Минск, 1983. – С.77 – 80.
298. Шинкаренко, В.А. Развитие элементов конструктивной деятельности учащихся вспомогательной школы: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.03 / В.А.Шинкаренко. – М., 1982. – 17с.
299. Шышова, З. Дапаможная школа ў Менску /З.Шышова// Асвета. – 1927. - №3. – С.71-73.
300. Шышова, З. Вопыт паўтарагадовай працы ў дапаможнай школе/ З.Шышова // Асвета. – 1928. - №5-6. – С.114-120.
301. Щербина, А.М. Необходимость социального подхода при изучении слепых/ А.М.Щербина // Вопросы дефектологии. – 1928. - №4. – С.45-49.

302. Эйдинова, М.Б., Правдина-Винарская Е.Н. Детские церебральные параличи и пути их преодоления / М.Б.Эйдинова, Е.Н. Правдина-Винарская. – М.: изд-во АПН РСФСР, 1959. – 216с.
303. Этнаграфія беларусаў: гісторыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя /В.К. Бандарчык і інш. – Мінск: Навука і тэхніка. 1985. – 215с.
304. Юдин, Т.И. Очерки истории отечественной психиатрии / Т.И.Юдин. – М.: Медгиз, 1951. – 480с.
305. Якобий, П.И. Глухонемые: этюд демографии и сравнительной педагогики / П.И.Якобий. – СПб., 1907. – 157с.
306. Яковенко, С.Г. Мимическая и устная системы обучения глухонемых/ С.Г.Яковенко // Вестник попечительства о глухонемых. – 1903–1904. - №№19-21.
307. Янковский, П.С. Применение лабораторного метода при обучении глухонемых арифметике/ П.С.Янковский // Труды Всероссийского съезда деятелей по воспитанию, обучению и призрению глухонемых. – М., 1911. – С.151-162.
308. Ярмоленко, А.В. Очерки психологии слепоглухонемых / А.В.Ярмоленко. – Л.: изд-во ЛГУ, 1961. – 162с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ